

Джон Уаймен

Французский дворянин

Стэнли Джон Уаймен
Французский дворянин

«Public Domain»

1893

Уаймен С.

Французский дворянин / С. Уаймен — «Public Domain», 1893

«— Слушайте! — проворчал он, когда мы проехали около четырех лиг. — Вы, однако, не сказали мне, где мы остановимся на ночь, сьер. Вы едете так медленно, что...— Я берегу лошадей, — коротко ответил я. — Завтра нам не придется отдыхать.— Ваша лошадь в таком виде, что, пожалуй, выдержит хоть целую неделю, — насмешливо заметил он, бросая злобный взгляд на моего Сардинца, который действительно находился в лучшем состоянии, чем его господин. — У нее во всяком случае достаточно лоснится шерсть.— Она вполне отвечает своему внешнему виду, — сказал я, слегка задетый его тоном.— Тут есть лошади получше, — возразил он.— Я их не вижу, — ответил я...»

Содержание

Предисловие	5
I. Значение религиозных войн во Франции	5
II. Тирания Гизов. «Недоброхоты»	7
III. Первые кровопролития. Великий Беарнец.	12
IV. Варфоломеевская ночь	15
V. Война трех Генрихов. Священная Лига	19
VI. Гибель двух Генрихов. Торжество первого Бурбона.	22
VII. Книги о религиозных войнах во Франции и Джон Уаймен	26
Часть первая	29
Глава I	29
Глава II	36
Глава III	43
Глава IV	49
Глава V	58
Глава VI	64
Глава VII	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джон Уаймен

Французский дворянин

Предисловие

I. Значение религиозных войн во Франции

Позвольте сказать несколько слов о начале протестантизма во Франции. Предлагаемый читателю роман Уаймена, относящийся к 1588 году, дает нам возможность и обязывает нас объяснить зарождение нововерия во Франции, а также обрисовать личности последнего Валуа, Генриха III и первого Бурбона¹, Генриха IV, творца Нантского эдикта². Предварительно скажем несколько слов о значении реформации, особенно с общественной стороны: без этого наш «Французский дворянин» может быть понят лишь внешним образом.

Реформация имела далеко не одно религиозное значение: она обозначала также перевороты умственный, политический и общественно-экономический. Сравнение Германии с Францией, в данном случае, лучше всего уясняет дело.

В Германии реформация была делом народным: массы отстаивали и свою национальность, и свои «естественные» права. Немца заели итальянец и испанец, римский папа и мадридский Габсбург. Он поддерживал даже своих «фюрстов», этих могучих феодалов с верховными правами, которые казались патриотами, так как схватились за лютеранство. Вскоре оказалось, что фюрсты льстили массам лишь из желания завладеть церковным имуществом да сберечь свою власть, которая всегда играла ничтожными «императорами» и не думала подчиняться могучему Габсбургу, Карлу V. Отсюда народные и общественно-экономические революции, названные «крестьянской войной» и «мюнстерской коммуной».

Не то было во Франции. Там массам жилось лучше, так как сильнее, чем в других странах, проявлялся закон сплочения, именуемый в политике централизацией власти, или монархизмом. Во Франции довольно сильная королевская власть, достигавшая даже деспотизма при Людовике XI, охраняла народ не только от произвола помещиков, «жантильомов»³, но и от вымогательств папства: французская церковь уже приобрела значительную самостоятельность под именем «галликанизма»⁴. Оттого в XVI в. массовые движения во Франции не могли

¹ *Бурбон* (Bourbon) – имя многих местностей во Франции. Террасы в середине страны издавна назывались Бурбоннэ. Они образовали в 1327 г. герцогство Бурбон, которое с 1523 г. стало провинцией государства, с главным городом Муленом. Старинные владельцы этого герцогства породнились в 1272 г. с Капетингами: их наследница Беатриса вышла замуж за младшего сына Людовика св. Так Бурбоны получили права на французский престол после Валуа, состоявших в более близком родстве с Капетингами. Они отличались в Столетней войне с Англией. Потомок их, Антуан Бурбон, первый стал королем Наваррским, благодаря своему браку с Жанной д'Альбрэ. Позже, опять преимущественно по бракам, Бурбоны воссели и на престолах Испании и Неаполя. Отраслями дома Бурбонов были Монпансье, Кондэ, Конти, Суассоны.

² *Нантский эдикт* (1598 г.) предоставил гугенотам свободу вероисповедания.

³ *Жантильом* (gentilhomme, *англ.* gentleman) – в средние века титул знати, вроде рыцаря. Потом так назывались вообще дворяне.

⁴ *Галликанизм* – национальное движение в церкви Франции, древней Галлии. Оно зародилось раньше, чем где-либо на материке. Французское духовенство поддерживало уже Капетингов, этих первых «французских» королей, которые говорили только по-французски и истребляли немецкий род Каролингов. Ободренное этой опорой собственного короля, гордое своей ученостью и сплоченностью, оно уже тогда начало помышлять о независимости от Рима или о «вольностях галликанской церкви». В разгаре папского господства, во время крестовых походов, Капетинги продолжали это дело: Людовик Святой своей Прагматической Санкцией установил основы галликанизма. В XV в., когда настал «великий раскол» и падение папства, светская власть везде устраивала «прагматики» и «конкордаты», которые утверждали национальные церкви. Французскую же Прагматическую Санкцию (1438) назвали целой «конституцией» галликанства: она сильно ограничивала папские поборы и апелляции в Риме; она считала своих епископов не викариями пап, а преемниками апостолов; она подчиняла папство соборам.

направляться ни против короля, ни против папы, которого не очень-то боялся народ под покровом монархизма. Здесь протестантизм был более делом убеждения: его особенно исповедовали люди образованные, зажиточные горожане. Откуда же целый ряд «религиозных» войн, с полвека обагривших Францию такими потоками крови, какие протестантизм не вызывал нигде до 30-летней войны? Дело в том, что здесь это явление имело по преимуществу политическое, и именно аристократическое значение.

Религиозные войны во Франции, в сущности, – та же Фронда, разразившаяся столетие спустя. Только Фронда, вспыхнувшая тогда, когда религиозного вопроса уже не было, была беспримесным возмущением пережитков феодализма, последних аристократов, против юного монархизма, стремившегося, в свою очередь, перейти в опасный абсолютизм; а в описываемое время вождения дворянства прикрывались верой. Вообще же оба явления весьма схожи: даже герои принадлежат все тем же главным родам древнего дворянства. И кончилось дело одинаково. Когда народ благодаря вмешательству папских иезуитов и испанцев понял все своекорыстие вельмож, он сплотился вокруг сильного монарха, как первого патриота, представителя национальных интересов. Существенная разница в двух драмах состоит в том, что притязания дворянства, на расстоянии столетия, сократились. Фрондеры добивались сохранения феодальных привилегий, играя перед народом роль его покровителей ввиду наступавшего абсолютизма; а во время религиозных войн аристократия была еще так сильна, что ее главы мечтали ни больше ни меньше, как о королевском венце на собственных головах. Таковы были Гизы⁵, Тюрены, Кондэ⁶, отчасти сами властители Наварры.

Надеемся, сказанное поможет читателю уяснить себе среду, в которой действует наш «французский дворянин». Этот вывод из множества фактов станет наглядным, если мы нарисует теперь общую картину жизни первого поколения гугенотов⁷, когда созревали не только исторические силы, захваченные нашим романом, но и самые его герои.

Конкордат Франциска I (1515) искоренял последние пережитки средневековья в церкви: он предоставлял королю назначение французских прелатов или владык. Именно в описываемое время (1594) известный французский юрист и классик, Pithou, написал влиятельное сочинение «Les libertes de l'eglise gallicane», где доказывалось, что папа не вправе вмешиваться ни во что светское, да и в духовных делах подчиняется соборам, признанным французскою короной.

⁵ Гиз (Guise) – теперь укрепленный город в Департаменте Эны, на Уазе. Он был крепостью уже в XI в. В 1527 г. он стал герцогством и был подарен королем за военные заслуги потомкам того Рене Лотарингского, который дрался с Карлом Смелым, особенно у своей столицы Нанси, где и погиб его соперник (1477). Первый герцог Гиз, Клод, имел еще много владений в Шампани и Нормандии и породнился с Бурбонами через Вандомов. Вместе со своим братом, кардиналом Иоанном Лотарингским, он достиг высших должностей при Франциске I. Он умер в 1550 г., оставив 5 дочерей. Старшая из них, Мария, вышла за Якова V Шотландского и имела от него дочь, Марию Стюарт. Из в сыновей Клода старший, Франсуа, наследовал герцогский титул, Карл стал кардиналом и архиепископом Реймским: его называли «кардиналом Лотарингским». Эти-то двое братьев владели французским двором при Франциске II и Карле IX. От других братьев пошли герцоги Омальские и маркизы Эльбеф. Сын Франсуа Гиза, Генрих Рубчатый (Balafre), родился в 1550 г. и отличился прежде всего в Венгрии, в битвах с турками. Он погиб почти в одно время со своим братом, Людовиком, вторым «кардиналом Лотарингским», от убийц, подосланных Генрихом III. Третий брат, Карл герцог Майен, умер в 1611 г. Их сестра Екатерина была женой герцога Людовика Бурбона-Монпансье. Род Гизов прекратился с правнуком Рубчатого (1675).

⁶ Кондэ (Conde) – название многих местностей во Франции. Одна из них лежит у границ Бельгии, на Шельде, у канала Кондэ. От нее-то ведет свое начало княжеский дом Кондэ. Город Кондэ достался в XIV веке по браку Бурбонам, и именно его отрасли – Вандомам. Из них брат короля Антуана Наваррского, Людовик I, первый назвался принцем. Он родился в 1530 году и отличился на войне уже при Генрихе II. Горячий гугенот, муж племянницы Колиньи, он чуть не был казнен уже в 1560 году. Затем он начал религиозные войны и при Дре был разбит, ранен, пленен. Под Жарнаком (1569) случилось то же: и пылкий вояка был расстрелян. От него остались 6 томов «Записок». Ему наследовал сын Генрих I, герцог Ангьен, который подражал отцу, но был так честолюбив, что, сражаясь заодно с Беарнцем, соперничал с ним. Он умер скоропостижно в Сен-Жан д'Анжели, говорят, от яда, весной 1588 года, всего 36 лет от роду. Генриху I Кондэ наследовал сын (от герцогини Тремуйль), Генрих II. Он воспитывался при дворе Генриха IV, который обратил его с матерью в католичество, и усердно воевал против гугенотов. От его старшего сына Армана пошла новая ветвь дома Кондэ, названная Конти. Его вторым сыном и наследником был тот Людовик II, который снискал имя Великого своими военными подвигами при Фронде и Людовике XIV.

⁷ Гугеноты – Приверженцы кальвинизма во Франции XVI–XVIII вв.

II. Тирания Гизов. «Недоброхоты»

Недаром французские протестанты имеют свою кличку в истории. Гугенот – не то, что лютеранин или даже цвинглианин; он разнится и от своего родного брата, швейцарского кальвиниста. Если все реформатство резко отличалось от лютеранства в общественно-политическом смысле как начало демократическое, республиканское, то во Франции оно приняло свой национальный характер, который оттенял его и от цвинглианства, и от кальвинизма Женевы и Шотландии. Хотя сам Кальвин был француз, он не ужился в своем отечестве: его крайняя строгость фанатика, аскета, прямолинейного догматика не согласовывалась с нравом французов. Его учение, уже из Женевы, возвратил домой другой француз, совсем иного закала. То был образованный, добрый, жизнерадостный Теодор Беза⁸, творец бессмертных поэтических псалмов. Он-то своей человечностью способствовал распространению кальвинизма среди французов, которые называли его «патриархом» своей реформации.

Эта реформация началась при блестящем короле Франциске I. Он и сам был вольнодумец – человек, овеянный гуманизмом или Возрождением классического язычества. Пышный, веселый рыцарь, он стал союзником лютеран, в пику своему сопернику, Карлу V, и препирался с Римом из-за галликанизма. Подобно своему товарищу, Генриху VIII Английскому, он не прочь был завести собственную «церковную реформу». Франциск радовался, что его любимая сестра, Маргарита, вышедшая замуж за Генриха д'Альбрэ, короля Наваррского, устроила, в своем Беарне⁹ целое гнездо гугенотов. Но вот папа женил первенца Франциска, Генриха, на своей родственнице, Катерине Медичи, пообещав Милан в приданое; Екатерина сошлась со свекровью, также набожной итальянкой; к ним примкнула третья женщина, красавица Диана Пуатье¹⁰, фрейлина молодой Екатерины, и главари реакции Гизы с Монморанси¹¹. А тут, в 1534 году, на дверях кабинета короля появились «плакарды» – насмешки над «папской обедней». Капризный деспот вскипел гневом – и начались гонения на нововерцев. «Еретиков» начали жечь на медленном огне. Закрыли их типографии, издали «Указатель запрещенных книг».

⁸ *Беза* (de Beze) – родился в 1519 г., в дворянской семье Бургундии, учился сначала у одного немецкого гуманиста, потом на юридическом факультете в Орлеане. Уже известный своими стихами гуманист, Беза вдруг посвятил себя реформации, поступив профессором в Лозанну. Здесь он прославился вольным переводом псалмов на французский язык. Затем Беза недолго был кальвинским проповедником в Женеве и в 1561 г. явился во Францию защищать дело гугенотов. Но, когда пошли гонения на нововерцев, Беза возвратился в Женеву, где стал преемником Кальвина (1564). Он не раз еще ездил во Францию для поддержки гугенотов. Беза пользовался в Женеве неограниченным влиянием до самой своей смерти (1605). Лучшую его биографию составил Нерре (1861).

⁹ *Беарн* граничил на юге с Арагонией, на западе – с Наваррой, которая занимала юго-западный угол Гаскони и часть Испании, за Пиренеями, носившее название Верхней Наварры.

¹⁰ *Диана де Пуатье* – возлюбленная короля Генриха II, родилась в 1499 г., умерла в 1566 г. Происходя из дома Пуатье, одной из древнейших фамилий в Дофинэ, Диана вышла замуж за великого сенешаля Нормандии, Люи де Брезэ, но в 1531 г. овдовела и вскоре после того стала фавориткой Генриха II. Во время царствования Генриха II Диана пользовалась неограниченным влиянием, командуя самой Екатериной Медичи, женой короля. Она изобретала гонения на гугенотов. По смерти Генриха II Диана была удалена от двора Екатериной Медичи и умерла в своем замке Анэ.

¹¹ *Монморанси* (Montmorency) – город в 15 верстах к северу от Парижа. Его замок, гнездо рода Монмо-Ранси, был уничтожен во время революции. Этот род выдвигается уже в X веке. В средние века он дал трех коннетаблей и одного маршала. В начале XV века жил Жан II, родоначальник трех ветвей. Главная из них, «первые бароны Франции» и герцоги Монморанси, прославлена коннетаблем и маршалом Анном, сподвижником и первым министром Франциска I и Генриха II, который даровал ему титул герцога. Но потом его жизнь была отравлена соперничеством Гизов и военными неудачами, приведшими к миру в Като-Камбрези. При Карле IX он испугался протестантского пыла своего племянника Колиньи и перешел на сторону Гизов. В 1567 г. он победил у Сен-Дени гугенотов, предводимых принцем Кондэ; но сам получил рану, от которой и умер. Эта ветвь Монморанси, владевшая шестьюстами ленов, вскоре вымерла (1632). Вторая ветвь, гораздо менее важная, прекратилась в 1570 году. Только третья отрасль носит до сих пор, хотя уже пустой, герцогский титул: это – бывшие маркизы Фоссе (Fosseux). Было еще много мелких разветвлений сиятельного рода Монморанси. В родстве с Монморанси был также и древний род Шатильонов (Chatillon), гнездом которого служил Шатильон на Люане – городок в департаменте Луарэ, где и сейчас находятся остатки замка и памятник адмиралу Колиньи. К Шатильонам-то и принадлежала семья Колиньи, прославленная знаменитым патриархом гугенотов.

Истребляли французское Евангелие; чуть не засудили самую «Мегеру», как называла Сорбонна в Маргариту Наваррскую. При мрачном изувере, Генрихе II (1547–1559), рабе Дианы Пуатье, во Франции возникла испанская инквизиция, которой служило особое отделение в парижском парламенте¹², прозванное народом «пылающей палатой».

Но тогда же гугеноты стали уже исторической силой. Они сплотились: приняли символ веры Кальвина и его устройство с пресвитерами и синодами, собирались по ночам на «катехизу»¹³, пели гимны Безы и Маро, завели свои молельни и школы; у них развивалась собственная литература, особенно политическая. Это первое поколение гугенотов наполняло юг Франции до Луары и города по этой реке, особенно Орлеан и Ля-Рошель, откуда удобно было сообщаться с английскими единоверцами. У гугенотов был уже и замечательный оплот – Беарн. Здесь орудовала Маргарита, питомица гуманизма, сама писательница и твердая гугенотка, сделавшая университет в Бурже¹⁴ рассадником нового направления. Она прекрасно воспитала своих детей; ее наставляла дочь, Жанна д'Альбрэ. Маргарита обратила в кальвинизм ее мужа, короля Наваррского, Антуана, и его брата, Людовика I Кондэ. При смерти Генриха II уже было с полмиллиона гугенотов. То были сливки нации: в их руках были промыслы и торговля, типографии, кафедры и литература. Под конец к ним склонялась и лучшая знать, с такими именными родами, как одно время сами Монморанси да Шатильоны: Кондэ женился тогда на их общей родственнице, Элеоноре де Руа.

Такая-то сила новизны сложилась в ту пору, когда избитая старина вдруг поднялась снова во всеоружии: настало «возрождение католичества», воплощенное в иезуитах и в Филиппе¹⁵ II Испанском, которого прозвали «южным демоном». Началась жестокая, кровавая реакция, которая для Франции была завещана все тем же Генрихом II в виде мира с Испанией в Като-Камбрези¹⁶. Этот мир (1559 г.), на котором настаивал и папа, был основой всекатолического союза, скрепленного браком Филиппа с Елизаветой Валуа, дочерью Генриха II. Через три года разразились ужасы религиозных войн во Франции, около 40 лет терзавших несчастную страну. Они тяготеют на памяти венценосной вдовы: болезненные, испорченные дети Генриха II – Франциск II, Карл IX, Генрих III – были игрушками в опытных руках Екатерины Медичи. Но она сама была орудием масс, которые, помимо религиозности, разжигаемой иезуитами, видели в нововерии бунт против монархизма. Ее поддерживало судебное сословие с парламентскими «мантьеносцами» во главе, видевшее в гугенотах душу буржуазии, этого «третьего чина», который старался обуздать его произвол Генеральными штатами¹⁷, земским собором. Сорбонна,

¹² Парламент во Франции был судебным учреждением, с небольшими политическими правами. Его члены назывались *мантьеносцами*, или гражданскими чиновниками, в отличие от меченосцев, или военных чинов.

¹³ *Катехиза* – от греч. *catecheo*, громко петь, оглашать, учить. Так называлось в начале христианства религиозное обучение, которое производилось «сократически», или «диалогически», посредством вопросов и ответов. Тогда отцы церкви писали свои послания для катехетов или готовящихся к принятию христианства. Катехиза выработалась во времена реформации. Особенно занимались ею реформаты. Кальвин написал главный катехизис в 1542 г. Гугеноты строго придерживались катехизы, которая служила у них как бы всеобщим и обязательным обучением. Впоследствии ею наиболее занимались «богемские братья» к особенно немецкие пиетисты, которые довели дело до такого педантизма, что против него горячо восстал знаменитый педагог Песталоцци.

¹⁴ *Бурж* (Borges) – главный город департамента Шеры, в середине Франции, верст за 200 к югу от Парижа, с 40.000 жителей. Кривые, грязные улицы, старые церкви, остатки стен от времен галло-римлян, – все делает из Буржа драгоценную древность. Его собор (St. Etienne), начатый еще Карлом Великим, – один из лучших готиков Франции и, пожалуй, всей Европы. Его лицей – бывший университет, основанный в 1464 г.

¹⁵ *Карл V* и *Филипп II* – короли, видные деятели католицизма.

¹⁶ *Като-Камбрези* (Cateau-Cambresis) или просто Като (латин. *castrum* – укрепленный лагерь) – город в Северном департаменте, близ Камбрэ, с 15.000 жителей. Этот древний город прославлен миром 1559 года между Францией, с одной стороны, Испанией, Англией и Савойей – с другой. Франция здесь пожертвовала своими притязаниями на Италию, а Испания торжествовала. И они соединились для подавления протестантизма всюду.

¹⁷ *Генеральные штаты* (*etats generaux*), или *государственные чины* – род земского собора, созданного впервые Филиппом IV Красивым в 1302 г.: здесь к обычному древнему королевскому совету были присоединены депутаты от городов. Филипп обратился к этому голосу народа из нужды в деньгах и чтобы одолеть папство, которое всюду старалось подчинить себе свет-

это гнездо иезуитов, разжигала страсти в Париже, который и оказался главным очагом католического изуверства. Наконец, на массы влияла такая соседка, как Испания, с ее знаменитой инквизицией, руководимой «южным демоном».

Зато трудно найти личность, более годную к роли орудия лютой реакции. Как ни старались податливые историки обелить ее, она осталась «страшной Екатериной Медичи». При жизни мужа она предавалась забавам, искусствам, ханжеству да суевериям, а больше приучалась к интригам. Но тем сильнее разгоралась жажда власти и мести в соплеменнице Макиавелли, книга которого была написана для ее отца: даже в собственных детях она видела лишь свое орудие, пока не привязалась, с упрямством деспота, к худшему из них – Генриху. Она знала, что ее сила не в женских чарах: грубые черты зеленоватого лица, с глазами навывкате; крепкая фигура, страсть к охоте и езде – все напоминало в ней мужчину. Коварная, кровавая медичеянка решила властвовать путем иезуитства и макиавеллизма и окружила себя красавицами, шпионами да наемными убийцами. Основой ее политики было правило – пользоваться всеми партиями, уравнивая их посредством взаимных раздоров: она даже восстанавливала своих сыновей друг против друга.

Такое политическое плясанье на канате особенно требовалось вначале, когда Екатерина еще не утвердилась, а перед нею стояло два равносильных лагеря.

Гугеноты стали уже чем-то вроде государства в государстве. Их первые исповедники обнаружили великую нравственную силу. То были образцовые граждане, неутомимые труженики, крепкие характеры, независимые мыслители, богатые и просвещенные. Они становились тем упорнее и могущественнее, чем яростнее преследовали их парламенты, инквизиция и Сорбонна, чем более монахи, с иезуитами и якобинцами¹⁸ во главе, наускивали на них грубую толпу, пользуясь особенно легковерием безграмотных, тупых, легковверных женщин. То была как бы душа нововерия или его ум, «интеллигенция», как говорят теперь. Но после Ген-

скую власть. Но затем штаты созывались только когда это было выгодно королю, который произвольно определял и их состав. Они имели значение лишь в минуты бедствий, когда иногда почти совсем устранили тягостное для народа чиновничество. А при Карле VII они сами себе подписали приговор, разрешив королю держать постоянную армию и согласившись на ее содержание. С тех пор штаты блестяще показали себя только в 1484 г., по смерти Людовика XI, деспотизм которого довел Францию до края гибели. Затем они не созывались до описываемой эпохи, когда расстройство страны от усобиц снова заставило обратиться к голосу всего народа. Французы разумели дело не меньше англичан. Государственные чины решали великие вопросы; в их «тетрадах» (*cahiers* – род петиций) и речах встречается раннее понимание основ конституции, которое перешло в пословицы («не облагай данями против воли; продавать должность – продавать правосудие»). Чины 1355–1357 годов присваивали себе всю государственную власть. Их «великий указ» (*grande ordonnance*) – замечательный памятник коренной политической реформы. Здесь предписывалась переделка королевского совета, парламента и счетной палаты, очищение всей администрации, подчинение даже казны и войск представителям народа, которые собираются для этого без призыва три раза в год: и все это для обеспечения прав всех граждан, в особенности же «из любви к беднякам». Чины (по смерти Людовика XI), где красовались ученые и литературные светила, а в избрании депутатов участвовали даже крестьяне, были представителями всей страны и блестящим проявлением ума и красноречия нации: они назначили Анну Боже, дочь Людовика XI, правительницей; их «тетради» – планы великих реформ. Тут чины даже решили собираться каждые 2 года. Но затем их созывали только 7 раз в три века. Государственные чины в описываемое время не совсем заслуживали это название. Они созывались второпях, и под влиянием Гизов. Тем не менее и они говорили то же, что их знаменитые предшественники: так назрели новые политические потребности; так ясны были недостатки устарелой государственной машины. Чины в Орлеане (1560) были украшены благородной речью Лопиталья о веротерпимости. Узнав о крупном дефиците, они потребовали постоянного «контроля» над финансами и указали источники нужды (роскошь духовенства и огромные привилегии знати); они предлагали продать церковное имущество, которое оценивалось в 120 миллионов ливров. Наконец, потребовали, чтобы их собирали каждые 2 года и дали им право решать вопрос о мире и войне. Штаты в Блуа (1576), прямо подобранные Гизами, потребовали, однако, контроля над управлением вообще. Другие штаты были собраны там же (1588) уже Генрихом III как противовес могуществу Гизов. Король в искусной речи сознался в своих ошибках и просил содействия народа во имя общего блага, т. е. субсидий. Штаты объявили правилом сопротивление тем, кто станет распоряжаться государственными суммами без их ведома. Они потребовали прежде всего давно осознанных реформ и списка советников, чтобы провести своих людей к кормилу правления. Генрих согласился на все – и чины обязались дать средства на войну и покрыть долги короны.

¹⁸ Якобинцами именовались во Франции монахи ордена св. Доминика, основанного в 1216 г. собственно для проповедничества: их называли еще *ordo fratrum praedicatorum*. Это название произошло оттого, что в Париже доминиканцы поселились прежде всего в монастыре св. Якова. Известная партия якобинцев времен французской революции также получила свое имя от этого монастыря, где она собиралась первоначально. Этих якобинцев не должно смешивать также с «якобитами» – приверженцами Якова Стюарта и его потомства в Англии XVII века.

риха II явилось и тело – та масса людей низшего разбора, у которой есть только руки, движимые своекорыстием, но без которой нельзя воевать. Это были «недоброхоты» (*malcontents*) – люди, оттертые от общественного пирога, голодные оборванцы. Тут кишели «кадеты», или младшие сынки жантильомов, оставшиеся без дела после мира в Като-Камбрези: им даже недодали жалованья, отвечая на их просьбы виселицами вокруг дворца в Блуа¹⁹. Они записались в гугеноты, надеясь, подобно немецким феодалам, на блаженную «секуляризацию», т. е. отобрание церковного имущества. Так, по словам очевидца, образовалось два сорта нововерцев – «гугеноты религиозные и гугеноты государственные».

Ослепленное правительство создало и вождей враждебного лагеря. Среди оттертых от власти оказался и цвет знати – роды не только самые могучие, но и самые именитые, покрытые славой вековых заслуг перед отечеством. Тут были вновь отличившиеся в последней войне Шатильоны и Монморанси. У последних красовался пышный коннетабль²⁰, герцог Анн, покрытый ранами сподвижник Франциска I, разделявший с ним испанский плен и правивший всею Францией при Генрихе II. Шатильоны выставили племянника коннетабля, прямодушного, неподкупного, твердого, как скала, хотя замкнутого в себе, патриота, адмирала Гаспара Колиньи. Своим государственным умом и справедливостью он снискал всеобщее благоговение и имя «нового Аристиды»; как полководец, рано посевший в боях и испытывший испанский плен, он был славой Европы и кумиром солдат, несмотря на свою грозную дисциплину.

40-летний Аристид слушался своего 66-летнего дядюшку, который воспитал его в чувствах рыцарской преданности королю, как своему сюзерену²¹.

Мало того, у недоброхотов были и настоящие наследники престола Франции, ввиду вырождения династии Валуа. Народ, поучаемый умным «третьим чином», устраненным от правления за несозвон Генеральных штатов, все больше думал о Бурбонах: он соболезнавал об этих «лилейных сирах»²², захудавших от козней «чужаков», как называли Гизов, опиравшихся на испанцев. Положим, глава Бурбонов, 40-летний Антуан, был недалек и безволен; однако это был король Наваррский, губернатор Гиени и Пуату, боевой сподвижник Франциска I и Генриха II. А рядом с ним выдвигался Людовик Кондэ, муж племянницы Колиньи, первый из своего рода назвавшийся «принцем». Этот 29-летний герой уже отличился при Генрихе II как крупный полководец и отважный рыцарь; он был всеобщим любимцем также за свою приветливость, красноречие и стойкость убеждений. А их обоих, мужа и деверя, ревностно поддерживала Жанна д'Альбрэ, достойная дочь Маргариты, воспитанная ею в строгих правилах кальвинизма и рыцарства.

¹⁹ *Блуа* (Blois) – главный город департамента Луары-и-Шеры, на Луаре, между Туром и Орлеаном, с 20.000 жителей. В нем много остатков старины, есть даже римский водопровод. Он славится замком – одним из лучших образцов французского искусства времен Возрождения. Блуа составлял сначала отдельное графство, которое в XIII веке досталось Шатильонам; они продали его Орлеанам, потомок которых, Людовик XII, присоединил его к французской короне (1498). Этот король, там и родившийся, а также Франциск I подолгу жили в Блуа. Здесь укрывались короли во время религиозных смут. Здесь Генрих III умертвил Гиза; здесь умерла и Екатерина Медичи. Затем Блуа стал уделом Орлеанов.

²⁰ *Коннетабль* (в средневековой латыни *comes stabuli, constabulus* – конюший) – сначала придворная должность со времени последних римских императоров, затем во Франции, Италии и Англии коннетабли стали городскими властями. Но во Франции с XIII в. *Connetable de France* стал высшим саном, первым человеком после короля. Понятно, что король стал, наконец, опасаться такого могущества и начал сокращать его: Ришелье совсем отменил это звание (1627). В других же странах коннетабль оставался простым чиновником и даже понижался в своем значении. Так, в Англии он дошел до роли констебля, полицейского.

²¹ *Сюзереном*, в противоположность «суверену», государю нового времени, называли государя средневекового, зависимого от вассалов или феодалов. В описываемое время вельможи во Франции еще смотрели на короля глазами своих могучих предков и надеялись, пользуясь смутами, воскресить этот политический пережиток.

²² *Лилейными принцами* (*Sires des fleurs de lys*) назывались французские короли издавна. Лилии в их гербе встречаются на монетах и печатях уже у Людовика VII, в середине XII в., вероятно как намек на его имя (древнефранцузское слово *Loys*). С Филиппа II Августа (ок. 1200 г.) лилии появляются всюду, даже на церковной утвари. На королевском гербе они помещались в произвольном числе, пока Карл VI (ок. 1400 г.) не ограничил их тремя.

Противный лагерь также вполне сложился и блистал крупными силами. Вождями католической реакции выступили герцоги Гизы, потомки того герцога Лотарингского Рене, доброго, умного любимца швейцарцев, который так доблестно дрался с Карлом Смелым. Ловкие, честолюбивые выходцы, для которых Франция была лишь ступенью к власти, они быстро овладели двором. При Генрихе II старший брат, Франсуа, захватил военные дела, младший, Карл, кардинал Лотарингский – гражданские; сестру они выдали замуж за шотландского короля Якова V, а племянницу, Марию Стюарт, за Франциска II. Все лучшие должности были замещены их родными и клевретами. Иноземные выскочки, которых поддерживала масса, обольщенная их фанатизмом, деньгами и пышностью, возбуждали негодование во французской знати, тем более, что они отличались низкими качествами. Франсуа говорил: «Мое ремесло – резать головы». Величавый, сдержанный Карл, правитель, оратор, богослов, пускавший всем пыль в глаза на Триентском²³ соборе своим тщеславием, знаток языков, был завистливым, мстительным учеником иезуитов: обладая 12 местами (в том числе 3 архиепископства), он обижал всех с высоты своего могущества и был творцом ужасных мер против гугенотов при Генрихе II. Его называли «тигром Франции», а также «папой и королем»: все царствование полоумного 15-летнего Франциска II было тиранией Гизов, вызвавшей несколько заговоров, которыми пользовались выскочки для пущего разбойничества.

Цели заговоров были ясны. Верные слуги короля, гугеноты хотели утвердить монархизм, подрываемый сатрапством Гизов: они требовали только воскресить Генеральные штаты и утвердить свободу совести. Главный из заговоров, в Амбуге²⁴, куда Гизы перевезли двор из Блуа, вспыхнул весной 1560 г. При ненадежности Антуана, уже переговаривавшегося с Катериной Медичи, им тайно руководил Кондэ, как «немой вождь». Заговор был открыт. Много дворян было повешено на зубцах замка, потоплено в Луаре, привязано к хвостам коней. Гизы выводили веселый двор любоваться казнями. Затем они вдруг созвали Генеральные штаты в Орлеане – для примирения, куда зазвали и Бурбонов. Здесь Антуан чуть не был убит самим королем, а принца Кондэ приговорили к казни 10 декабря. Но 5-го Франциск II внезапно умер, оставив престол своему 10-летнему брату, Карлу IX. Так кончилась «тирания Гизов».

²³ *Триент* (итал. Trento, лат. Tridentum) – главный город итальянского Тироля, на р. Эчи, с 25.000 жителей. Здесь-то заседал 19-й «вселенский собор» в 1545–1563 гг. Он состоял из одних католиков, и именно приспешников папы. Лютер назвал его «дьявольщиной», а Меланхтон снабдил его прелатов именем «ослов». Правда, даже здесь некоторые владыки, с кардиналом Лотарингским, Карлом Гизом, во главе, хотели обуздать власть папы; но хитрый Пий IV ловко обделал дельце. Он опутал государей обещаниями, запутал их усилением епископов, сбил с толку двусмысленностью подготовленных в Риме вопросов. Он пленил тщеславного Гиза, обращаясь с ним, как с другом и главой собора; а неитальянским владыкам выдавал по червонцу суточных. И, говорит очевидец, «св. отцы не ходили, а летали» и быстро все подписали с криком: «Анафема всем еретикам!» Постановления триентского собора были истинным возрождением католицизма или духа Григория VII. Папа был поставлен выше соборов, которых уже и не было до 1869 г. Были увековечены, как непогрешимые, догматы Фомы Аквинского, рядом с Библией. Для народа они были изложены в виде Триентского символа веры, Римского катехизиса и Римского требника. Сверх того, была введена железная дисциплина в церкви; при каждом кафедральном соборе были учреждены строгие семинарии для выработки клира. Этим вскоре занялись иезуиты.

²⁴ *Амбуг* (Amboise) – городок (5.000 жителей) близ Тура и Луары, с древним замком. В нем часто пребывали многие короли из Валуа; а в описываемое время замок служил государственной тюрьмой.

III. Первые кровопролития. Великий Беарнец.

Над Францией поднялась звезда хитрой, бездушной соотечественницы и ученицы Макиавелли и иезуитов: настала пора опытов по части политического акробатства. Екатерине Медичи шел 42-й год. Испытав роль куклы в руках Гизов, она решилась избавиться от опеки ненавистных братьев, протягивавших руки к коронам Франции, Шотландии и Англии. Народ понял патриотическую верность гугенотов и жаждал самоуправления. Справедливость требовала задобрить Антуана Бурбона, который имел все права на регентство при малолетнем Карле IX; и за него ходатайствовали немецкие фюрсты с Елизаветой Английской. Во Франции народилась сильная партия «политиков», или «срединников» (*moyenneurs*), вождем которой был добрый миротворец Лопиталь – искренний католик, но свободно мыслящий гуманист, справедливый правовед, идеальный сановник, женатый на гугенотке. Он твердил: «Зачем костры и пытки? Выставим против ереси добродетели и строгие нравы, доброту, просьбы, убеждения. Мягкость полезнее строгости. Совесть нельзя насиловать. Самое достойное короля дело – собирать государственные чины, давать общую аудиенцию своим подданным».

Лопиталь создал чины, давшие хорошую программу конституционной реформы, причем дворянство и третье сословие дружно стояли за нововерие и даже требовали продажи церковного имущества. Под влиянием Генеральных штатов, Екатерина назначила Антуана Бурбона генерал-лейтенантом королевства, т. е. своим соправителем, и дала ему в помощники Людовика Кондэ и адмирала Колиньи. Тогда же разрешили гугенотам проповедь и издание их псалмов. Наконец, был устроен «коллокий» (собеседование), на котором сам кардинал Лотарингский препирался с Безой. Но спор только распалил страсти. Особенно были раздражены фанатичные парижане с их Сорбонной и масса, которая видела в нововерии даже бунт против дорогого ей абсолютизма, желание ввести во Францию «швейцарский федерализм»; негодовал и парламент, который был задет желанием Генеральных штатов проверять действия чиновников. В Париже уже избивали гугенотов, на юге – католиков. Смущенный коннетабль Монморанси перешел к Гизам, то же сделал Антуан Бурбон, которому Филипп II пообещал испанскую Наварру. В эту-то минуту, весной 1562 г., Франсуа Гиз проезжал со своей свитой через городок Васси²⁵. Заслышав гимны гугенотов в сарае, фанатики рассвирепели – и 60 безоружных женщин и детей было переколото, 200 ранено. В Париже благовестили, служили молебны, приняли Гиза, «как Моисея», дали ему 25 000 добровольцев. Он привез с дачи плачущего короля и негодующую регентшу, а Кондэ собрал гугенотов в Ля-Рошели, откуда поддерживались сношения с Англией и Нидерландами.

Так начались религиозные войны. Их было восемь. Они длились около 40 лет. За недостатком больших армий и при равенстве сил больше происходила мелкая резня, чем решительные битвы; все дело было в разбойничьих набегах конницы. С обеих сторон дрались кучи наемных головорезов: у католиков были даже шайки «эстрадиотов» – албанцев и греков; но больше всего отличались немецкие «ландскнехты» и «рейтары»²⁶. Этим-то разбойникам отдавались на милость взятые города. Понятно ожесточение и одичание народа: тогда не знали, что такое пленные, всех побежденных вырезали. Кровопролитие не прекращалось и во время миров, условия которых не могли быть выполнены бессильным правительством: брат шел на брата, сын на отца; не гнушались ни ядом, ни ножом убийцы. Беспремерным зверством отличались католики – «мясник» Монлюк и рубака Таван: они избивали мирных жителей, женщин и детей и смаковали эти подвиги в своих «Записках». Гугеноты платили той же монетой, да еще

²⁵ *Васси* (Vassy) – деревня к востоку от Парижа, у слияния Марны с Сеной. Екатерина Медичи была тогда в Монсо и звала туда Гиза, возвращавшегося из Германии. Васси лежала на его пути.

²⁶ *Ландскнехты* и *рейтары* – немецкие наемники.

оскверняли церкви, истребляли святыни. Крестьяне, кстати, восставали против своих помещиков, не справляясь об их вере и напоминая Жакерию, этот великий бунт XIV в. А у знати воскресал феодальный дух и развивались пороки под влиянием двора, старавшегося растлить ее нравственно. Религия вообще отступала на задний план: больше боролись из выгод да из желания подраться. Целые отряды перелетали не раз из лагеря в лагерь.

Эта болезнь Франции поддерживалась разгаром мировой реакции: к Гизам прибывали итальянцы и испанцы от папы и Филиппа II, и охотно нанимались швейцарцы лесных кантонов, гугенотам помогали отряды Елизаветы и Вильгельма Оранского, вождя нидерландцев, восставших против южного демона, а также ландскнехты протестантских фюрстов. Оттого, если вообще одолевали католики, зато гугеноты являлись тотчас же со свежими силами и прогоняли их с поля победы. Так, в начале борьбы, у Дре²⁷ Франсуа Гиз взял в плен Кондэ; а вслед затем Кондэ с одним отрядом разбил у С. – Дени целую армию коннетабля Монморанси, который погиб и сам. При Монконтуре²⁸ вышло так, что Генрих Анжуйский и Колиньи оба разбили друг друга. С обеих сторон пали вожди: Антуан был убит при осаде; Франсуа зарезан гугенотом, мстившим за смерть родственника; Кондэ со своим отрядом погиб под Жарнаком²⁹, наткнувшись на целую армию неприятеля. Смерть героя навела уныние на гугенотов, тем более что у врага явились свежие вожди – младший сын Екатерины, Генрих Анжуйский, и его руководитель, сын Франсуа, Генрих Гиз. Свирепый, коварный себялюбец, Генрих Гиз привлекал к себе красотой, величавой приветливостью, царской щедростью, самоуверенностью и красноречием; это был идол солдат, с которыми он делил все лишения, любимец толпы, которая называла его своим «Рубчатым» за шрам на лице.

В то же время фанатизм масс действовал на регентшу. Гизы убеждали ее, что Бурбоны и Колиньи – бунтовщики, хотя они, подобно Оранскому, не думали изменять престолу. Папа позволил ей продать часть церковного имущества. Филипп II обещал ей всякую помощь, лишь бы она выказала «высшее попечение и высшую бдительность относительно религиозных дел». Екатерина сбросила маску нейтралитета: Лопиталь получил отставку и вскоре умер в своей деревне среди ученых занятий; проповеди гугенотов были запрещены, а проповедников изгнали из Франции; Генрих Анжу был сделан генералиссимусом королевских войск. Но и в Ля-Рошели оживились: прибыла «кальвинская Девора», Жанна д'Альбрэ. Она привезла денег, заложив свое добро, и двух новых героев – своего сына, 15-летнего Генриха Бурбона, и племянника, столь же юного Кондэ. «Друзья! Бог дает вам двух новых вождей, а я вверяю вам двоих сирот», – сказала она гугенотам.

Французы недаром называют Генриха IV Великим и любят его больше всех своих королей: он был честный и гениальный труженик на троне, воспитанный нуждой. У серьезной матери, бегая босиком с горцами, закалил он свое тело и нрав, всегда был здоров, свеж, неутомим, не падал духом, быстро применялся к обстоятельствам. Он не терпел лести и пышности: свирель и мужицкая дудка нравились ему больше салонной музыки; он любил потолкаться в толпе, сам делал закупки на рынке и ужасно торговался, заглядывал в кабачки, а в лагере делил черный хлеб с солдатами и спал на промерзлой земле. Добродушие с хитрецой, простота в обращении привлекали к нему сердца: для всякого находил он удачную ласку, любил шутить и острить, дипломаты порой заставляли его в виде лошадки, с детьми на спине. На досуге он даже увлекался игрой, в особенности же дамским обществом – плоды пребывания при дворе Екатерины Медичи в юности: насчитывают 56 соперниц у «папской банкирши», Марии Медичи.

²⁷ Дре (Dreux) – город у Эры, в 80 в. к югу от Парижа, с 10.000 жителей. 19 декабря 1562 г. здесь разразилась одна из самых кровавых гугенотских битв. В 1593 г. Генрих IV взял Дре после долгой осады. Здесь погребены члены Орлеанской фамилии.

²⁸ Монконтур (Moncontour) – местечко в департаменте Вьенны. 3 октября 1569 г. произошла битва между Колиньи и герцогом Анжу. Гугенотов было всего 18.000, католиков – 29.000. Здесь участвовали Беарнец и Кондэ.

²⁹ Жарнак (Jarnac) – город в округе Коньяк департамента Шаранты, с 5.000 жителей. Производство лучшего коньяка, называемого шампанским. Битва 13 марта 1569 года считается самой блестящей во время религиозных войн.

Вспыльчивый и властолюбивый, Генрих быстро овладевал собой, прощал всем, забывал обиды: Маргарита жила при нем в Париже свободно и в почете. Римлянин по стратегии, рыцарь по личной отваге, он выдержал до 200 битв и был покрыт ранами; герцог Пармский называл его «орлом». Но великий полководец едва ли не уступал в нем великому правителю. Генрих не увлекался военной славой; никто так не любил мира и не умел так примирять. Искусно устраивая настоящее, он думал о будущем, создавал широкие политические планы, выходившие за пределы эпохи. И, при всем своем рвении, этот непоседа умел выжидать. «Я беру терпением и прямой дорогой: все делается мало-помалу», – говаривал он.

IV. Варфоломеевская ночь

Когда Жанна д'Альбрэ привезла своего юного беарнца в Ля-Рошель, гугеноты восторжеслись. Они назначили его генералиссимусом своих войск, а в руководители ему дали великого Колиньи, который один только, наравне с Жанной, сохранял мужественное спокойствие, как древний патриарх. Ободренные гугеноты тотчас же двинулись на Париж. Ошеломленная Екатерина Медичи поспешила заключить с ними мир в Сен-Жермене³⁰ в августе 1570 г. Мир, прекративший третью междоусобную войну, был самым выгодным для нововерия. Гугеноты получили свободу совести всюду, кроме Парижа, и даже доступ ко всем должностям и школам, в обеспечение им была дана Ля-Рошель и еще 3 крепости. Полный государственный переворот был налицо перед всем миром. Гизы попали в опалу, испанский посланник уехал. А на месте их подле короля появился Колиньи, которого вчера только объявили висельником: он был восстановлен во всех своих должностях и окружен почетом, словно принц крови.

А Генриха Бурбоны не знали как и почитать. Ему предложили руку сестры короля, Маргариты Валуа, и не посмотрели на недовольство папы и Филиппа II. Нужды нет, что Генрих чувствовал неприязнь к красивой, бойкой, но испорченной и себялюбивой искательнице приключений, а она заглядывалась на другого Генриха – на сродного ей по нраву и религии Рубчатого. Екатерина находила этот брак ловкой штукой. «Это – единственное средство достигнуть спокойствия», – говорила она, зарясь также на Наварру. Карл IX прибавлял: «У меня нет других средств отомстить моим врагам». Гугеноты были обласканы и приглашены на свадьбу, которую назначили на день св. Варфоломея, 24 августа 1572 года.

Между тем переворот совершался в самой душе короля. Знакомство с доблестными нововерцами действовало на впечатлительного Карла IX, которому было уже 20 лет.

Не глупый, не злой, не фанатик, но безвольный и болезненный Карл IX был испорчен итальянскими льстецами: всегда с расстроенными нервами, он кипятился, сыпал грубой бранью, до изнеможения предавался телесным упражнениям, особенно охоте. Он тяготился бесконечными наставлениями матери и Гизов, но до того боялся их, что гугеноты называли его «корольком, которого следует сечь». Под конец он возненавидел своего брата, герцога Анжуйского, который затмевал его, пользуясь пристрастием матери. Карл обрадовался новым людям с громкими именами и подчинился влиянию почтенного Колиньи, которого называл своим «батюшкой» и посещал запросто на квартире.

Строгий патриот затронул в юноше новую струну, твердя, что пора воскресить великую национальную политику предков – двинуться против испанцев в Нидерландах и даже в Америке, вступить в союз со всеми протестантами на свете и даже с турками: «Хочу добыть славы и имени!» – воскликнул венчанный юноша и велел Колиньи готовиться идти на помощь Оранцу, за которого тот отдал потом свою дочь, а брату – сватать Елизавету Английскую, с которой заключил союз. Сам король стал другом молодого брата Вильгельма Оранского, Людвига Насауского; а тот сводил его с протестантскими фюрстами, которые обещали королю не только помощь, но даже императорскую корону. Карл уже до того распалился в новом направлении, что, когда мать обратилась к нему с обычными назиданиями, он крикнул: «Вы да брат – вот мои главные враги!»

И враги зашевелились. Читатель конечно ждет, что скажет ему последнее слово науки насчет ужасного преступления против человечества, которое именуется Варфоломеевской

³⁰ *Сен-Жермен* (Saint-Germain) – название многих местностей во Франции. Здесь имеется в виду Сен-Жермен-ан-Ле (en-Laye) – городок с 15.000 жителей близ Версаля, в 18 в. к западу от Парижа, с которым он соединен конно-железной дорогой. Благодаря хорошему климату и прекрасному лесу, он служит дачей для парижан и даже многих англичан. В нем красуется замок времен Франциска I. Сохранился и «павильон Генриха IV» – остаток «нового дворца», построенного Беарнцем и служившего местопребыванием двора до Версаля.

ночью. Ведь о нем писалось так много вкравь и вкось. Утешимся тем, что преемники преступников все старались обелить свою партию; под конец добросердечные историки пытались особенно выгородить Екатерину Медичи. Хотя, согласно с понятиями и нравами XVII века, сама партия чуть ли не хвасталась тогда этим делом, однако его прямые соучастники действовали, как все злодеи: они замели следы так, что наука до сих пор не может сказать точно, как тут распределялись роли. В особенности трудно выяснить связь между Варфоломеевской ночью и Байонским свиданием 1565 года, где происходили таинственные переговоры между Катериной и ее дочкой, Елизаветой Испанской, и герцогом Альбой, этим палачом нидерландцев. Вряд ли историк когда-либо добьется «документов» в данном случае: разве помогут со временем архивы Симанки³¹ и Ватикана. Впрочем, это и не особенно нужно. Сущность и общий ход дела теперь уяснены достаточно. Пусть читатель судит сам.

«Скорей сойду с трона, чем стану управлять еретиками», – сказал Филипп II, вступая на престол, а он не в шутку надеялся стать королем Франции. Когда по смерти Франциска II Катерина сделала первые уступки гугенотам, он грозил ей войной и отлучением, а папа потребовал Жанну д'Альбрэ на суд инквизиции. Вслед за тем он предложил ей свидание, и именно Елизавета писала ей, что следовало бы подавить реформацию с помощью Испании. Мы не были в Байоне, но немного знаем, о чем там шушукались заговорщики. Документы гласят, что было обещано южному домену принять постановления Триентского собора и выгнать гугенотских «министров», пасторов. А сама Катерина писала Филиппу II, чтоб он был спокоен насчет Байоны: там-де «мы выказали всю ревность относительно нашей религии и старание сделать все ради службы Господней». Мы уверены, что в Байоне лишь вообще смаковали желание, как бы хорошо было, если б все главари нововерия, даже не в одной Франции, провалились в преисподнюю, но никакой Варфоломеевской ночи предопределено не было. Там, правда, говорилось о свадьбе, даже о двух, но совсем в другом роде: Екатерине тогда очень хотелось, чтобы ее Маргарита вышла за сына Филиппа, несчастного Дона-Карлоса³², а ее Генрих женился на донье Хуане, сестре испанского короля.

Хотя историкам известны ужасные злодеяния, которые готовились целыми годами, будем утешаться сознанием, что Варфоломеевская ночь вообще не была преступлением с заранее обдуманном намерением. Конечно, мы имеем в виду мелочи самой драмы, где дьявол очевидно сразу сорвался с цепи, давно подпиленной. Впрочем, повторяем, пусть читатель судит сам. Наше дело – доложить ему о данных, установленных научной критикой.

Хитрая лиса запуталась в своих изворотах: сила вещей была гораздо выше даже таких умов, как Генрих IV, павший под ударом «иезуитского кинжала», при котором примас Испании воскликнул: «Когда Бог за нас, кто дерзнет против нас?» Медичейка с ужасом увидела, что, стараясь сократить Рубчатого, она чересчур расширила гугенотского «батюшку». И последний был посильнее: он подымал всю протестантскую Европу против папской старины. Вот кого следовало убрать, тем более что его убийство вызвало бы столкновение между гугенотами и друзьями Гизов, которые и без того еле выносили друг друга, столпившись теперь бок о бок в столице по поводу свадьбы. А потом можно бы было и уничтожить обе партии, мешавшие властвовать королеве-матери под предлогом восстановления порядка. Если тогда же приключившаяся внезапная смерть Жанны д'Альбрэ перед свадьбой, совершенной 18 августа, – дело темное, хотя все приписывали ее перчаткам из придворного магазина, то покушение на жизнь

³¹ *Симанка* (латин. Septimanca) – испанский город, близ Вальядолида, в Кастилии (2.000 жителей). Она славится обширнейшим в мире архивом, помещающимся в древнем замке с высокими башнями. Этот архив ведет свое начало с Карла V (1543 г.). В нем более 100.000 связок (в каждой по 100 бумаг), расположенных в 38 залах. Иностранцам начали открывать его понемногу лишь со 2-й половины XIX века.

³² *Дон Карлос* (1545–1568), наследник испанского престола. Умер в заключении.

Колиньи – несомненно работа Екатерины. Выстреливший 22 августа в адмирала, выходившего из Лувра³³, флорентийский *bravi*³⁴ Тозинги был ее питомец и приятель Генриха Анжу.

Это злодеяние не вполне удалось: адмирал был только ранен в руку. А это значило погубить самих себя: теперь уж приходилось спасать свою шкуру³⁵. Влюбленный в «батюшку», Карл IX вскипел. «Будет ли мне покой?» – крикнул он, бросился к раненому и сказал: «Ваша рана, а мне – страдание!» На другой же день утром Екатерина собрала на совет Гизов, Генриха Анжу, рубаку Тавана, хитрого итальянца Реца, шпиона Филиппа II, а вечером все они внезапно ввалились к королю. Мать доказывала сыну, что необходимо истребить гугенотских вождей, якобы учинивших жестокий заговор, который погубит его. Она играла итальянской пословицей, что нередко мягкость есть жестокость, а жестокость – мягкость. Долго сопротивлялся несчастный. Но мать пригрозила, что уедет, чтобы не видеть, как ее дом погибнет от его трусости, – и Карл вдруг вышел из себя. «Так перебить же всех гугенотов, чтобы некому было упрекать в убийстве!» И тотчас же во дворце были арестованы принцы Бурбон и Кондэ; им сохранили жизнь на условии отречься от кальвинизма. На улице убийцы были готовы. У парижан и без того «кипела кровь», разжигаемая иезуитами и испанскими червонцами. Купцы закрывали лавки, мастеровые бросали работу; их стражники чистили и оттачивали оружие. Всюду слышалось: «Покажем себя! Подрумяним свадебку!»

Теперь Гизы дали знак цехам – и все ворота столицы захлопнулись. Занятые гугенотами дома были помечены мелом, а их жильцам составили списки. Католики вооружились, повязали себе руки белыми платками, нашили крестов на шляпы. В ночь 24 августа загудел колокол в церкви у Лувра, которому отвечал набат по всему городу: началась «Варфоломеевская ночь», или «Парижская кровавая свадьба». «Пуускайте кровь! Кровопускание так же полезно в августе, как и в мае!» – орал Таван, носясь по улицам, как бешеный. Многих гугенотов закололи в постели: тут были и друзья короля, только что вернувшиеся с его вечера. Генрих Гиз сам пошел к Колиньи, которого считал виновником смерти своего отца. Когда ему выбросили в окно тело старика, он толкнул его ногой: изуверы отрезали голову, а туловище поволокли на виселицу. А во дворце били свиту Бурбонов на глазах хохотавших красавиц. Сам король «охотился» из окна на спасавшихся, вооружившись длинным мушкетом. Три дня лилась кровь в Париже; а потом полетели устные приказы по провинциям. Били не одних гугенотов, но также своих заимодавцев и личных врагов: славный ученый Рамэ погиб жертвой своего бездарного сопер-

³³ *Лувр* – дворец королей Франции, расположенный на правом берегу Сены, в Париже. Имя Лувра впервые встречается в казенных отчетах в 1204 г., при Филиппе-Августе, хотя он, быть может, существовал уже раньше. Название Лувра происходит от находившегося здесь некогда Волчьего леса (Lupaia, Louverie), в котором стоял охотничий замок, с целью обратить его в крепость. Все последующие короли вели дальше эту постройку. Карл V Мудрый, во второй половине XIV в., превратил Лувр в пышную резиденцию: его пристройки отличались строгостью линий, изяществом узоров и простором, намекая уже на зодчество Возрождения. Франциск I приказал разрушить башню Филиппа-Августа и в 1541 году начал подновлять дворец, в стиле раннего Возрождения, по плану архитектора Леско. Это – западный фасад Лувра, украшенный тогда же знаменитыми кариатидами Гужона, этого «Корреджио ваяния». При Людовике XIV Лувр стал игрушкой «барокко», или «причудливого стиля»; и его «колоннада» (главный фасад) так прославилась, что всюду стали украшать колоннами даже частные дома и площади. Тогда же Кольбер сделал Лувр средоточием искусства, снабдив его редкими картинами и гравюрами. Затем продолжалось расширение Лувра до 1857 г. Ввиду значительного числа архитекторов, строивших Лувр, отдельные части его не представляют полной гармонии в отношении стиля. Однако в целом Лувр – величественное и едва ли не самое обширное здание не только во Франции, но и во всей Европе. Он занимает пространство приблизительно в 200.000 кв. метров и состоит из двух главных частей – Старого и Нового Лувра. В настоящее время Лувр служит местом хранения художественных коллекций и разнообразных музеев.

³⁴ *Bravi* – итальянское множественное число от *bravo* – храбрец, молодец. Этим именем в старину называли в Италии и бандитов-разбойников, которые убивали кого угодно за известную плату. Там в эпоху Возрождения особенно развилось это ремесло, отсюда это слово перешло во всю Европу. Есть основание думать, что тут имели влияние убийцы-ассасины, с которыми христиане познакомились во время крестовых походов. В турецкой армии имя *bravi* носили фанатики, которые бросались впереди всех на врага, одурманив себя опиумом.

³⁵ ...теперь уж приходилось спасать свою шкуру. – Испанский посланник извещал свой двор от 31 августа: «Адмирал не убит, а неизвестно откуда стреляли. Вот они и испугались мести и решились на то, что сделали».

ника. Анжу приказывал истреблять богатых и забирать их добро. Погибло не менее 10 000 гугенотов, из них 2 000 в Париже.

При вести о Варфоломеевской ночи Лопиталь умер, Филипп II впервые захохотал и поздравил Карла IX со «святым, славным, мудрым делом», папа Григорий XIII отслужил молебен и выбил медаль с изображением убийства Колиньи. А из Лувра была пущена мысль, подхваченная наемными писаками, будто гугеноты намеревались избить двор и учинить междоусобие. В Париже служили молебны о спасении короля; и палачи по приговору парламента казнили уцелевших «заговорщиков». Но официальные оправдания не помогли: как всякое преступление, Варфоломеевская ночь принесла вред своим виновникам. Смутилась совесть народа у всей Европы. Иностранные протестанты отшатнулись от Франции. Анжу чуть не проиграл даже в Варшаве, несмотря на червонцы матери, а когда поляки наконец выбрали его в короли, он постыдно бежал от них. В самой Франции даже в массах пробудились ненависть к Екатерине и Гизам и сочувствие к Бурбонам. Оттого-то новая война с гугенотами была неудачна, и за ними опять признали права. А гугеноты начали писать о необходимости отменить абсолютизм и даже о полезности «тираноубийства». Наконец они образовали стройную Протестантскую Унию – федерацию, или союз городов-республик, под управлением гугенотских аристократов.

Неладно было в среде самих католиков. Усиливалась партия «политиков», напоминавшая заветы Лопиталья: изуверы готовы были растерзать этих умеренных людей, которые «предпочитали спокойствие государства спасению души». Католические аристократы, со всеми Монморанси во главе, возненавидели слишком зазнавшихся Гизов, которых уже не хотела слушаться и королевская армия. А Гизы начали опасаться братьев короля, Генриха Анжу и Франсуа Алансона, которые явно стремились к короне. При дворе дрожали перед возвращением «польского короля», а тут открыли заговор Алансона против жизни Карла IX и матери. Двор бежал сломя голову из Парижа в Венсенский замок. Но там ходила суеверная молва, будто колдовство dokonает творцов Варфоломеевской ночи, этих преступников перед нацией. Карл не смел никому смотреть прямо в глаза: эта высокая, сухая, бледнолицая фигура, с ястребиным носом, двигалась сгорбившись и озираясь кругом. По ночам король вскакивал: ему виделись кровавые призраки, слышались стоны, проклятия, завывания бури. Наконец, он стал дрожать, не находя себе покоя, между тем как его невинная жена, дочь доброго Максимилиана II, все плакала о «злых делах». Карл прижимался к своей любимице, вскормившей его гугенотке. «Милая моя мама, сколько крови и убийств! Ах, я послушался злых людей, я погиб!» – шептал он перед смертью (1574). – «Государь! Кровь и убийства на совести советчиков; вас же Сын Божий осенит покровом Своей справедливости», – утешала короля гугенотка.

V. Война трех Генрихов. Священная Лига

Герцог Анжуйский тотчас же бежал из Польши, на славу повеселился дорогой и занял престол под именем Генриха Ш. Любимец Екатерины наследовал ее качества и правила: он все читал Макиавелли, обманывал и не знал раскаяния; сначала у него замечались проблески храбрости и рвения, но он возвратился из Польши совсем испорченным. При въезде в Париж он изумил мир своей свитой – щеголеватыми юношами, болонками, попугаями и мартышками. С ними он сидел, запершись в своем дворце, заботясь больше всего о своем туалете да о белизне своих рук. «Не то король-женщина, не то мужчина-королева», – говорили про него в народе, а его юношей прозвали «милашками» (*mignons*) или «четырьмя евангелистами». По утрам во дворце совершались убийства и дуэли, по вечерам – гомерические пиры. А когда наступало изнурение, Генриху чудились адские муки – и он босой, опоясанный вервием, совершал крестные ходы с самобичеванием.

Такая личность, вернее, такое отрицание личности должно было подчиниться чужой, опытной воле: снова наставало царство вдовствующей королевы-матери. Ее Вениамин проявил самостоятельность только в одном – в безумных тратах на свой двор: у него уходило 100 000 экю в год на содержание только своего зверинца, полмиллиона ухлопал он на свадьбу одного из своих милашек. Даже парижане, эти правоверные кровопийцы, тотчас зашумели: «Разве он не знает, что принц, взимающий с подданных больше следуемого, утрачивает их волю? А от нее зависит их повиновение». Этим воспользовались жертвы Варфоломеевской ночи. Беарнец, который после свадьбы жил в почетном плену и с виду предавался наслаждениям, вдруг, в начале 1576 года, бежал на юг, отрекшись от навязанного ему католичества. К нему присоединились не только «политики», с родом Монморанси во главе, но и Франсуа Валуа, герцог Алансон, а юный Кондэ привел наемников из Германии. Вспыхнула 4-я война, неудачная для Екатерины и ее двух Генрихов – сына и Гиза, который тогда-то и стал Рубчатым от пули, задевшей его по уху. Изворотливая медичеянка обратилась к мятежному сыну: Алансон устроил в 1576 году сделку, которую называли «миром Мосье». Гугеноты опять получили полноправие, а народ – Генеральные штаты; Франция же была поделена между вельможами, как настоящее феодальное государство, словно Генрих III, этот победитель при Жарнаке, отрекся от престола. Нововерие окончательно сложилось государством в государстве: образовалась самозаконная и самовооруженная протестантская республика. И ее вождь, Генрих Бурбон, становился наследником престола в силу бездетности Генриха Валуа: Алансон вскоре умер.

Изуверам католицизма нельзя было зевать. Воспользовавшись примером протестантской республики, они устроили подобную же Священную Лигу: даже лицемерно обещали народу Генеральные штаты. Но суть дела была иная. Лига была создана Генрихом Гизом по завету умершего тогда кардинала Лотарингского и в подражание папским лигам XVI века. Целью ее было передать корону Лотарингскому дому, как «истинному отпрыску Карла Великого». Лига должна была сначала иметь успех. За нее была масса, увлеченная проповедями иезуитов, испанским золотом и разделом гугенотского имущества. Лигу, учрежденную «в честь Бога и его римско-католической Церкви», одушевляли бесшабашные фанатики, которые истребляли всякого, кто покидал ее. Но Лига страдала как бы раком, который, наконец, и источил ее: она представляла собой искусственно воскрешаемый пережиток феодализма, а главное – предательство Франции. «Лигеры» заключили настоящий союз с Филиппом II, на условии уступить ему французскую Наварру и помочь в усмирении Нидерландов, а затем – и в походе на Елизавету Английскую. Они ломали предания и законы страны, выступая разом и против Валуа, и против Бурбонов и тем способствуя примирению этих династий. Испуганная Екатерина взя-

лась за свое старое коварство: Генрих III вдруг объявил себя главой Лиги, а сам начал тайно сноситься с Беарнцем через посредство своего важного вельможи, Рамбулье³⁶.

В 1577 г. началось самое убийственное междоусобие, ужасы которого удесятились от жестокой чумы, ярко обрисованной в нашем романе. Это – война трех Генрихов, которая длилась лет 10, пока два Генриха своей насильственной смертью не очистили места для третьего. Протестантская сторона крепла. Здесь работали именитые и отважные вельможи – все эти Монморанси и Шатильоны, Роганы и Морнэ³⁷, Тюрены и Суассоны, Ледигьеры, Тремуилли и Лярошфуко. Их воодушевляли такие молодцы, как юный принц Кондэ, от которого лигеры отделились только отравой. А главное, сам вождь с каждым днем приобретал обаяние уже над целой Францией своим умом, благородством, личной отвагой. И он оказывался уже едва ли не единственным истинным патриотом. Этот очаровательный Беарнец с ничтожными силами одерживал победы, сражаясь впереди всех во имя «короля и Франции против изменников».

Против такой нравственной силы лигеры могли выставить только дикий фанатизм – и снова выступил Париж.

Здесь проповедники и сорбоннцы доходили до неистовства, предостерегая толпу от будущего «еретического» короля. Они оправдывали бунт, даже «тиранубийство» и гремели: «Чтобы прервать болезнь, необходимо кровопускание св. Варфоломея! «Королева Лиги», сестра Рубчатого, Екатерина Гиз, вдова герцога Монпансье, разжигала ненависть к королю, мать которого уже два раза переговаривалась с Беарнцем в Блуа и Фонтенэ, в конце 1586 и весной 1587 гг. Парижане и без того негодовали на поборы Генриха III, от которых жизнь вздохнула до того, что наставал голод. Они дрожали от слуха, будто гугеноты с помощью короля замышляют Варфоломеевскую ночь против Лиги. Вдруг как бы воскресла «коммуна» времен Жакерии со своими Марселями³⁸. Это «Парижская св. Уния», которой управляли «Шестнадцать» – главари шестнадцати частей города, подчиненные сборщику податей, Марто (Молот). У нее завелась своя казна и милиция до 30 000 человек. Разъяренная толпа требовала «избавления от короля» и призывала «нового Давида» – своего Рубчатого, воспевая его в стихах.

Минута была страшная для всего человечества. Южный демон поставил карту на весь банк. Осуществлялась его заветная мечта – поразить все нововерие в самом его сердце:

³⁶ *Rambouillet* – городок (5.000 жителей), с парками Ле-Норта, которые считаются красой окрестностей Парижа. Отсюда «сеньоры» Рамбулье. Один из них, Николай Анжен, был камергером Генриха III. Он был известен как большой дипломат и гуманист с большими познаниями. Вскоре «отель Рамбулье» стал очагом нового направления во французской литературе.

³⁷ *Rogan* (Rohan) – город в Морбигане, в Бретани, у Атлантического океана. Отсюда происходил древний кельтский род графов Роганов. Его старшая линия вымерла в 1540 г. Зато младшая линия получила в 1570 г. герцогский титул. Первый герцог, Геркулес Роган, играл важную роль при дворе Генриха IV, которому он помогал еще в борьбе с Лигой. Его дочерью была герцогиня Шеврез, которая славилась своей красотой и дипломатией во время Фронды. Ее родственниками были Рене и Генрих Роганы, также горячие гугеноты времен Генриха IV. Генрих с 16 лет находился при дворе Беарнца, женился на дочери Сюлли и стал пэром Франции. По смерти Генриха IV он считался главой гугенотов. Морнэ (du Plessis-Mornay) – старый дворянский род во Франции. Наш Морнэ, Филипп, родился в 1549 г., умер в 1623. Отец его, ревностный католик, предназначал сына к духовному поприщу, но мать тайно воспитала его в правилах кальвинизма, и после смерти отца Морнэ открыто перешел в протестантизм и посвятил всю свою жизнь делу гугенотов. Совершив в молодости путешествие по Италии, Германии и Голландии, где он занимался изучением законодательства, истории и богословия, Морнэ обратил на себя внимание запиской о Нидерландах. С трудом спастись из Парижа во время избиения гугенотов, он бежал в Англию, где умолял Елизавету выступить на защиту теснимых нововерцев. Вернувшись во Францию, он хотел уже присоединиться к армии принца Кондэ, когда был призван на службу королем Наваррским, при дворе которого и занял выдающееся положение. Он пользовался безграничным доверием короля: ни один сколько-нибудь значительный шаг при дворе последнего не предпринимался без его ведома. После перехода короля Наваррского (Генриха IV) в католицизм, Морнэ однако впал в немилость.

³⁸ ...как бы воскресла «коммуна» времен Жакерии со своими Марселями. – После битвы у Пуатье (1356), когда король Иоанн Добрый был пленен англичанами, во Франции настала неурядица – и были созданы Генеральные штаты. Они возымели мысль серьезно взять управление в свои руки. Во главе этого движения стояли парижские мещане, руководимые купеческим головой, Марселем, и епископом Лекоком, который был прежде адвокатом парламента. Штаты потребовали законодательных прав, удаления любимцев регента, дофина Карла, и контроля над казной. Карл согласился, но обманул, поддерживаемый знатью. Тогда парижане надели сине-красные шляпы (цвета столицы) и «волею народа» убили двух министров. Затем Марсель укрепил Париж, заградив улицы цепями. Ему повредила Жакерия, как называли восстание крестьян против помещиков (1358). Сами мещане испугались ее ужасов и отстали от Марселя: он был убит одним из них.

его невиданный флот, Непобедимая Армада, подплывала к Англии, Генрих Гиз бросился на Париж. Парижане, опасаясь королевской гвардии, которая стягивалась к столице, живо загромождали улицы цепями, бочками, бревнами. В этот «день баррикад», 13 мая 1588 г., Рубчатый торжественно вступил в столицу, а Валуа, переодетый, едва ускользнул в Блуа.

VI. Гибель двух Генрихов. Торжество первого Бурбона.

Генрих Гиз становился французским Борисом Годуновым. Он провозгласил себя чем-то вроде мажордома³⁹, а своего брата, герцога Майена⁴⁰, – своим наместником, и выпустил в свет какую-то родословную, где он один оказывался прямым наследником Каролингов⁴¹. На одной пирушке его брат, кардинал Лотарингский, пил за его здоровье как короля Франции. И разнесся слух, что хотят схватить короля и притащить его в столицу. На просьбы Екатерины Медичи, которая опять старалась всех примирить, чтобы всех спутать, лигеры ответили такими предложениями, которые, по словам венецианского посла, «вывели бы из терпения и святого».

И терпение лопнуло. Начали поговаривать: «Придет день кинжала». Испанский посол писал даже домой, что удобнее всего этому случиться «в кабинете короля». Генрих III вдруг смирился. Он утвердил все распоряжения Рубчатого и дружески звал его самого к себе, а сам служил какой-то молебен и шептал наперсникам: «Издохнет животное – исчезнет и яд». Он выбрал несколько своих дворян и спрятал в соседних с кабинетом комнатах. Самонадеянный Гиз явился 23 декабря – и был заколот на пороге королевского кабинета, на другой день алембарщик короля покончил и с кардиналом Лотарингским. «Мадам, вот я опять король Франции, умертвивши короля Парижа!» – похвастался Генрих III своей наставнице, уже немощной, 70-летней Екатерине. «Скроить – этого мало; нужно еще сшить», – сказала зловещая старуха и умерла через три недели.

Действительно, новое злодеяние послужило на пользу врагам. Парижем окончательно овладела коммуна, не знавшая пределов своеволия «в честь Бога». Она сносила грамотками с «добрыми городами Франции» – и по провинциям воскресали «конфедерации» муниципальных республик средневековья, которые посылали своих депутатов в совет Шестнадцати. Эти 16 состояли из всякого сброда, в особенности же из монахов-изуверов, которые согнали белое духовенство с его выгодных мест и неистовствовали с церковных кафедр, требуя крови «Ирода» и «проклятого тирана». Шестнадцать объявили Майена «генерал-лейтенантом государства и короля Франции», а всякого роялиста, хотя бы епископа, – «еретиком», заслуживающим смерти. Они составляли опальные списки с зловещими P, D, C⁴² и бросали в Бастилию кого хотели, особенно богатых: туда попал и знаменитый Монтень⁴³. На Гревской площади опять начали совершать испанские «подвиги веры»⁴⁴, как при Генрихе II. В одном крестном ходе 100 000 фанатиков несли свечи, потом вдруг погасили их с криком: «Боже, да угаснет так род Валуа!» Герцогиня Монпансье скакала по столице в трауре, вызывая к мести за смерть брата. В ответ из Рима донеслась папская анафема королю-«еретику». И вокруг Генриха III

³⁹ *Мажордом*, или палатный мэр, дворцовый старшина – титул должности, возникшей у франков при слабых Меровингах. Он избирался вельможами и имел главную власть, заведя казной короля. Из мажордомов вышла новая династия Каролингов, в VII веке.

⁴⁰ *Майен* (Mayenne) – главный город департамента того же имени, составлявшего прежде провинцию Maine, у Луары. Там сохранились остатки замка в скале, от которого вел свой титул «герцога Майена» Гиз, Карл Лотарингский, младший брат Генриха Рубчатого, умерший, после примирения с Генрихом IV, в 1011 г. А лет 60 спустя прекратилась и эта линия Гизов, им основанная.

⁴¹ ...*прямым наследником Каролингов*. – История Франции начинается с разделения общезападного государства на немецкую и французскую части (843). Первой династией этой страны стали Каролинги (843–987). За ними следовали Капетинги (987–1328), Валуа (1328–1589) и Бурбоны (1589–1848, за исключением времен революции и Наполеона I).

⁴² *Буквы P. D. C.* означали здесь: pendu – повешенный, dague – заколотый, chasse – изгнанный.

⁴³ *Монтень* (Montaigne) – знаменитый французский писатель, изучавший преимущественно нравственные вопросы. Хороший гуманист, он изучил также римское право и в 1556 г. стал юрисконсультom парламента в Бордо, где сошелся с гугенотскими учеными. Его главное сочинение – «Опыты» (Essais), появившиеся с 1580 г. Здесь едкая картина всего существующего. Девизом нового скептика было: «Почем я знаю?» Монтень умер в 1592 г.

⁴⁴ «*Подвиги веры*», по-испански auto-da-fe. Этим именем везде стали означать сожжения и вообще гонения за свободу мысли и совести, – словом, инквизиционные подвиги, кем, бы они ни совершались.

образовалась пустыня: даже друзья бежали от него, как от чумы. А с юга надвигался к столице Беарнец с большой силой, по обыкновению осуждая врагов короля и призывая под свои победные знамена всех, кто чуял в своей груди «святое вожеление мира».

«Нужно же защищаться! Если понадобится, я пушу в ход еретиков и даже турок!» – воскликнул Генрих III в отчаянии. Он открыто вступил в союз с Генрихом Бурбоном и объявил его своим наследником. 1 мая 1589 года они соединились и с 40 000 солдат пошли на Париж. То выступала обновленная Франция под национальными знаменами против предательской старины, окруженной чужеземцами под римскою хоругвью. Лига начала терпеть поражения. Союзники осадили столицу, разместившись католики в Сен-Клу⁴⁵, гугеноты – в Медоне. Последний Валуа воскликнул, любуясь видом города с высоты: «О Париж, слишком большая голова для туловища! Нужно пустить тебе кровь, чтобы спасти государство от твоего бешенства». В Париже ждали Варфоломеевской ночи для католиков: везде закрывались двери и окна. Герцогиню Монпансье король уведомил, что ее первую сожжет живьем. Но она выслала доминиканца Клемана: король доверял только монахам. Когда 1 августа фанатика допустили в ставку короля по важному делу, он распорол Генриху III живот отравленным ножом. «Братец, смотрите, что сделали со мной ваши и мои враги! Верьте, не быть вам королем, если не станете католиком», – сказал умирающий Беарнцу. В Париже ликовали. Монпансье мчалась по улицам в карете, крича: «Добрые вести, друзья! Тиран мертв!» В церквах поминали казненного Клемана, как святого, освободившего Израиль от «презренного Ирода».

Права Генриха IV на престол были неоспоримы. Бурбоны происходили от Роберта Французского, 6-го сына Людовика Святого. Все современники называли нашего Беарнца «первым принцем крови». Последний Валуа именовал его своим наследником в указах. На смертном одре он сказал своим католическим дворянам, указывая на него: «Прошу, друзья мои, и приказываю как король: признайте после моей смерти вот этого моего брата». Но дело было не в праве, а в силе. У лигеров было втрое больше войска и много испанского золота. Папа Сикст V объявил, что не потерпит «принца Беарнского» на троне, если бы даже он раскаялся.

Филипп II двинул к Парижу целую армию из Нидерландов, его зять, герцог Савойский, перешел Альпы. А за Генриха стояла только 1/6 страны. В казне от Валуа осталось только 250 миллионов (по нынешнему 1 миллиард) долгу, а доходов было 30 миллионов, и половина их застревала в карманах сборщиков. Генрих писал другу: «У меня изодрались все рубахи, обедаю и ужинаю то у того, то у другого».

И все-таки звезда неунывающего Беарнца ярко горела на небосклоне Франции, жаждавшей обновления, мира, независимости. За него стояли протестанты во всей Европе, а также враги папы в Италии. А главное – он сам умел привлекать людей. Этот «король храбрецов» превзошел себя в военной доблести и мужестве. Сам всегда бодрый, он воодушевлял унывающих. «Вы забываете наших союзников – Бога и мое неоспоримое право», – твердил Беарнец. Возле него были лучшие люди Франции – дивный советник Рони, будущий знаменитый министр Сюлли, да такие храбрецы, как Тюрен, Шатильон. В его лагере были все французы, и не одни гугеноты: рука об руку с ними молились по-своему католические дворяне, уже переходившие из Лиги. В усталых массах остывал фанатизм: росла партия «политиков», желавшая лишь формального отречения Бурбона от нововерия; появились патриотические листки, с «Менипповой сатирой»⁴⁶ во главе, громившие иноземцев и феодальные замыслы лигеров относительно раздробления Франции.

⁴⁵ *Сен-Клу* (Saint Cloud) – город на Сене, близ Версаля, с 7.000 жителей. Он вырос еще при Меровингах вокруг одного монастыря. Замок в нем построен в 1572 г. Он был куплен Людовиком XIV и потом принадлежал Марии-Антуанетте. *Медон* (Mendon) – таких же размеров городок, тоже неподалеку от Версаля, в стороне от Сены. Летний дворец был устроен тут позже, при Людовике XIV.

⁴⁶ *Мениппова Сатира* – название превосходного политического листка описываемого времени, который был составлен шестью просвещенными людьми из буржуазии, из парламентских и церковников. Здесь изображаются вымышленные генераль-

А у лигеров возникли раздоры: одни хотели отдать корону Гизам, другие – Филиппу II, который открыто заявил свои притязания как муж Елизаветы Французской. И их вождь Майен не обладал ни способностями, ни обаянием Рубчатого. Оттого Генрих, с маленькой армией, зачастую без денег, около четырех лет победоносно кружился между Сенной и Луарой, подвергая жизнь тысяче опасностей, получая раны, но ни на минуту не забывая, что он, прежде всего, француз и что «Франция – человек, а Париж – сердце». Он тотчас же прославился и как солдат, и как полководец в битве у Арка⁴⁷ против втрое сильнеешего Майена, причем ввел в бой легкую артиллерию. «Повесься, молодчина Крильон, мы дрались у Арка, а тебя там не было!» – писал победитель-шутник, настоящий француз, своему любимому соратнику. Очевидец записал об Арке в своём дневнике: «Это – первая дверь, через которую он вышел на путь славы и счастья».

Через полгода Генрих стал уже каким-то сказочным героем, благодаря дивной битве при Иври⁴⁸, от которой зависела судьба Франции. Тут отрядец Генриха с одними саблями и пистолетами сражался против целого леса пик и рассеял их менее, чем в час. Король опять оказался ловким полководцем: он так расположил свою армийку, что солнце и дым были у нее в тылу, а конницу пускал не обычным развернутым строем, но плотными эскадронами для прорывания рядов неприятеля, что напоминало фалангу Филиппа Македонского и косой строй Эпаминонда. И как боец никогда еще Генрих не был так блестящ и очарователен. Когда его конница показала было тыл, он воскликнул: «Обернитесь! Не хотите драться, так хоть посмотрите, как я умру. Смотрите на мой белый султан! Вы всегда найдете его на пути чести и славы». Когда лигеры дрогнули, он кричал своим: «Щадите французов, бейте только иноземцев!» На поле победы Генрих написал: «Бог показал, что Он больше любит право, чем силу!»

Лига изнемогала, а Генриха стала поддерживать Елизавета Английская: она прислала герою даже роскошно вышитый шарф. Генрих не отставал от Парижа и выморил его голодом: ели дохлых собак, варили кожи; одна мать сожрала собственного ребенка. Но Бурбон понял, что массе нужен король-католик: это доказали Генеральные штаты, собравшиеся наконец в Париже в январе 1593 года. «Очень уж было жалко ему Франции», – как сказала бы Жанна д'Арк. Он давно уже намекал, что трудно избежать этого «опасного скачка». Сам Генрих, человек жизнерадостный, недолюбливал сухого, строгого кальвинства: он дорожил только нравственным учением, называл себя поклонником религии «всех мужественных и добрых людей». Теперь он требовал от владык «научить» его. А главное, верный Рони в двух долгих беседах убедил его, что «корона стоит обедни». 25 июля измученный 40-летний патриот объявил все-народно владыкам: «В ваши руки предаю дух мой; и только смерть выведет меня оттуда, куда вы ведете меня». И он всегда образцово соблюдал католические обряды, хотя гораздо позже шепнул одному фюрсту на ушко, что ему хотелось бы снова открыто исповедовать свою родную религию.

ные штаты в Париже 1593 года, где орудуют враги Беарнца. Главари Лиги говорят речи, где запечатлеваются вся их гнусность и глупость. Наконец, один из вождей «политиков», бывший купеческий голова, произносит дельную, патристическую речь. Название листка указывает на классическое образование авторов. Менипп был циник в Палестине, в III в. до Р. Х. Он весело и лукаво разбирал вопросы практической философии, мешая прозу со стихами. По его имени названо сочинение Варрона «*Saturae Menippeae*». Его манере подражал Лукиан в своих «Разговорах».

⁴⁷ Арк (Arques) – деревушка на севере Франции, под городом Дьеппом. «Битва под Арком» прославлена историками немного меньше боя у Иври. У французских книжников и теперь можно найти даже лубочные картинки с такою надписью. В сущности, такой битвы не было: была осада Дьеппа Генрихом IV, 15–27 сентября 1589 г., поистине знаменитая. У Беарнца было втрое меньше войска, чем у армии Лиги, предводимой герцогом Майеном. Оттого он избегал открытого сражения и засел в Дьеппе, откуда мог сношаться со своими союзниками, англичанами. Король снабдил город новыми укреплениями. Одно из последних было воздвигнуто у деревни Арк, где находился и прочный замок, охраняемый исчезнувшими потом виноградниками и болотом. Майен 12 дней штурмовал Дьепп в шести местах, особенно со стороны Арка. Он был отбит везде армией Генриха, показавшей чудеса храбрости, быстроты и преданности. Узнав, что к королю идет английская помощь, Майен отступил с позором, потеряв 17.000 человек – половину своего войска.

⁴⁸ Иври (Ivry) – местечко (2.000 жителей) в департаменте Эр, между Дре и Мантом. В отличие от других местностей того же имени, оно называется «Иври-Битва» (Ivry-la-Bataille), в честь знаменитого боя Генриха IV с Лигой 14 марта 1590 г.

В феврале 1593 г. Генрих был коронован в Шартре⁴⁹. Месяц спустя Париж отворил ему ворота с ликованием; всюду только и виднелись белые флаги. Испанский гарнизон был милостиво отпущен из Лувра. «Прощайте, господа, но не возвращайтесь!» – провожал король с улыбкой этих поляков французского Кремля. Новый король простил всех своих врагов, даже главарей Лиги, из которых сам Майен стал его верным слугой. И все французы, измученные чуть не полувековыми усобицами, притекали к королю-умнице, королю-добряку, королю-патриоту. Одни иезуиты злобствовали по-старому: один из их наемников хотел перерезать горло Генриху, но только рассек ему губу. Папа устыдился да и боялся всемогущества Испании при падении Франции: он не только снял отлучение с Генриха, но развел его с давно покинутой Маргаритой и даже выдал за него свою племянницу, Марию Медичи, которая вскоре подарила Франции наследника. Будущность династии Бурбонов была обеспечена. Вскоре избитый Генрихом и умирающий южный демон возвратил Франции все, что заграбастал было во время усобиц. Тогда же, в 1598 году, явился знаменитый Нантский эдикт, уравнивший гугенотов в правах с католиками. Новый век начинался в измученной Франции благодатным миром.

⁴⁹ *Шартр* (Chartres) – главный город департамента Эйры и Луары, в 85 в. к ю.-в. от Парижа (25.000 жит.). После убийства герцога Гиза, в Шартре вспыхнуло возмущение против короля. Три года спустя (1591) город был взят Генрихом IV, который там и был помазан на царство. Из древних памятников в Шартре достоин упоминания собор Notre Dame, основание которого относят к III в.

VII. Книги о религиозных войнах во Франции и Джон Уаймен

Конечно такой великий и занимательный предмет, как религиозные войны во Франции, с их Варфоломеевской ночью, издавна приковывал к себе всеобщее внимание. К тому же недостатка в материале не было, благодаря говорливости участников событий и открытию таких архивов, как симанкский. Но нам на этот раз приходится недолго останавливаться на библиографии нашего предмета. Скажем здесь лишь самое необходимое, частью, чтобы освежить прежнее в памяти читателя, частью – для некоторых пополнений.

Какое перед нами богатство материала, видно уже из того, что сохранилась переписка таких первостепенных деятелей, как сами Катерина Медичи и Генрих IV, Маргарита Французская, Лопиталь, Майен⁵⁰. Уцелели и главные протоколы Генеральных штатов того времени. Затем идет целый ряд мемуаров⁵¹. Тут нас встречают такие слишком знакомые имена: Маргарита Валуа (Наваррская), Кондэ, Гиз, Невер, Монлюк, Таван, Ля-Ну, Брантом, сам Сюлли, не говоря уже о мелких авторах и о разных безыменных сборниках. Немало было попыток составить историю своего времени по свежим следам. И тут встречаем крупные имена: сами Беза и Сюлли, Дету, Давила, Ля-Попелиньер, д'Обинье, Сен-Симон. Наконец, раскрывается длинный ряд настоящих историков-потомков, который не прерывается до нашего времени. Сюда относятся ученые почти всех наций. Не говоря о мужестве мелких исследований (например, о Лиге в провинциях) и биографий второстепенных лиц (например Крильона), упомянем в примечании только руководящие труды историков, и в хронологическом порядке, чтобы читатель видел, как до последнего времени не ослабевает внимание науки к нашему предмету⁵².

Такой драматический предмет, как религиозные войны, не мог не привлечь к себе и внимания художников. Есть множество картин и статуй, посвященных ему, особенно, конечно, во Франции. Поэзия также не раз касалась его. Была своего рода постановка трагедии «Карл IX» Жозефа Шенье⁵³, певца французской революции. Много шума наделали также

⁵⁰ ...переписка таких первостепенных деятелей, как сами Катерина Медичи и Генрих IV, Маргарита Французская, Лопиталь, Майен. – Correspondence de Catherine de Medicis помещена в Collection des documents inedits sur l'histoire de France 1881–1892 г. Lettres missives de Henri IV, в 9-ти томах, там же 1843–1876. Lettres inedites de Marguerite de France (королевы Марго) напечатаны нашим профессором Лучицким и Tamisey в «Revue Historique» за 1881 г. Переписка Лопиталья вошла в его «Oeuvres completes», изданные, в 5 томах, в 1824–1826 г. Corresp. de Mayenne помещена в записках Реймской академии.

⁵¹ ...затем идет целый ряд мемуаров. – Из весьма любопытных сборников укажем на главные. Memoires de l'Etat de France sous Charles IX, 1576. – Memoires de la Ligue, 1758, 6 томов. – Memoires de L'Estoile, веденные в 1574–1589 г., 11 томов. – Cimber et Danjou: Archives curieuses, 1843–1840.

⁵² ...упомянем в примечании только руководящие труды историков, и в хронологическом порядке, чтобы читатель видел, как до последнего времени не ослабевает внимание науки к нашему предмету. – Sully: Oeconomies royales. – La Popeliniere: La vraie et entiere histoire. des troubles de 1562–1577. Издано в Базеле в 1579–1599. – Saint-Simon: Paralleles des trois premiers rois Bourbons. Издано в 1880 г. Lacretelle: Histoire de France pendant les guerres de religion 1822. – Haag: France protestante (биографический лексикон), с 1846 г., 10 т. Новое издание в 1877–1895. – Ranke: Franzosische Geschichte, 1852–1961, 5 томов. – Chalambers: Histoire de la ligue. 1854. 2 т. – Polenz: Geschichte des franz. Calvinismus 1857–1869. 5 т. – Poirson: Histoire du regne de Henri IV. 1836. 3 т. – Puaux: Histoire de la Reformation francaise. 1857–1863. 7 т. – Due d'Aumale: Histoire des princes de Conde. 1863. – De Felice: Histoire des protestants de France. 1874. – Quadet: Henri IV, sa vie et ses ecrits. 1876. – Renaud: Henri de Lorraine, due de Guise. 1879. – Forneron: Les dues de Guise. 1878. – Lavis: Sully. 1880. – Rambaud: Henry IV et son oeuvre 1884. – Lagreze: La Navarre francase. 1882 г. – L'Epinois: La Ligue et les papes. 1886. – Robiquet: Paris et la Ligue. 1886. – Baird: The huguenots. 1887. – Лучицкий: Гугенотская аристократия и буржуазия на юге Франции после Варфол. ночи. 1870. Католическая лига. 1877. – Delaborde: L'amiral de Coligny, 3 т., 1873. – Decrue: Connetable de Montmorency. 1889. – Ruble: Françoise de Rohan et le due de Nemours. 1883. – Reuss: Histoire ecclesiastique des glises reformees de Frانس. 1890. 3 т. – Jackson: The first of the Bourbons. 1890. 2 т. – La Ferriere: La Saint-Barthelemy. 1891. Marguerite d'Angouleme. 1891. – Weill: Les theories sur le pouvoir royal en France pendant les guerres de religion. 1892. – Marcks: Gaspard von Coligny. 1892. – Willert: History of Nararra. 1893. – Kukulhans: Die Ursprung des Planes von Sully. 1893. – Биографию Крильона составил (кроме Lussan) Montrond (5 изд. 1874).

⁵³ Была своего рода постановка трагедии «Карл IX» Жозефа Шенье... – Chenier: Charles IX, иначе – L'ecole des rois. Она была поставлена в Париже 4 ноября 1789 г., выдержала целую историю с цензурой. Здесь впервые на сцене появилось

трагедии: «Смерть Генриха IX» Легувэ и «Генрих III» Александра Дюма-отца⁵⁴. То были первые удары лжеклассицизму. Легувэ изучал историю: сам Генрих и Сюлли изображены у него верно. Автор угадал даже участие в злодеянии Марии Медичи и Эпернона, которое лишь потом было открыто наукой. Трагедия Дюма послужила первым опытом романтики на сцене накануне появления драмы «Эрнани» Виктора Гюго, также взятой из времен реформации. Здесь уже показан «местный колорит», историческая обстановка. Для этого вставлено много лиц, взятых из мемуаров, и главные из них изображены верно. В одно время с трагедией Дюма (1829) вышел исторический роман Мериме, недаром названный «Хроникой Карла IX»⁵⁵. Это – как бы культурный очерк дельного историка, чрезвычайно интересный, но весь основанный на подробном изучении источников. Затем тот же Дюма прославился на этом поприще. Ряд его романов из той же эпохи, с «Королевой Марго» во главе, также свидетельствуют об изучении эпохи (его герои Лямоль и Коконна находятся в мемуарах современников), хотя Дюма, вопреки Мериме, позволял себе большую поэтическую вольность в обращении с материалом.

В последнее время романисты снова взяли за наш предмет, неисчерпаемый по своей занимательности и богатству материалов. На этот раз их новая, серьезная и реальная школа как бы исправляет недостатки своих предшественников времен романтики: она соединяет внешний интерес со знанием источников, как бы развивая культурные очерки Мериме. Во главе ее и тут стоят англичане – явление, на которое мы не раз уже указывали.

Из них новейшим романистом-историком религиозных войн во Франции является избранный нами и малоизвестный автор Уаймен (Weyman). Он, видно, любит свой предмет и входит в него все глубже: недавно он дал еще несколько рассказов из того же времени. Stanley John Weyman родился в 1855 г., в Людлове – городке в западном графстве Шропшире у границ Уэльса. Это графство омывается судоходной рекой Северном и славится своими овцами и сыром «честером». Людлов – место красивое (он лежит в гористой южной части графства) и историческое: здесь красуется замок XII в., где жила губернаторы Уэльса; здесь жил Милтон, и есть воспоминания о Вальтере Скотте. Наш автор был сыном стряпчего и дочери священника; обучался в Оксфорде, где оказал особенные успехи по истории. Но пристроился Уаймен, подобно своему отцу: он был адвокатом с 1881 по 1890 г. Затем он посвятил себя исключительно литературе, как видно, благодушествуя на милой родине, где он любил кататься и верхом, и на велосипеде, как истинный англичанин. Последовал целый ряд его романов, из года в год: всего их вышло около двух десятков.

«Французский дворянин», вышедший в 1893 году, – десятый роман Уаймена (Вот полное название романа: *A gentleman of France being the memoirs of Gaston de Bonne sieur de-Marsac*). Автор, очевидно, уже набил руку: рассказ течет у него живо, непринужденно. Видно подражание бессмертному Вальтеру Скотту в занимательной внешней обстановке своих героев, как и у всех романистов-историков. Но Уаймен не злоупотребляет мелочами, не напихивает кучу лиц

духовное лицо – кардинал Лотарингский.

⁵⁴ Много шуму наделали также трагедии: «Смерть Генриха IX» Легувэ и «Генрих III» Александра Дюма-отца. – Legouvé: *La mort de Henri IV*, 1806. – Alex. Dumas: *Henri III et sa cour*. Эта трагедия была поставлена в 1829 году. Любопытно, что здесь автор заимствовал целые сцены дословно из «Дон-Карлоса» Шиллера. – В 1834 г. еще Rescele поставил драму «Charles IX», но она не имела успеха.

⁵⁵ ...исторический роман Мериме, недаром названный «Хроникой Карла IX». – Merimee: *Chronique du temps de Charles IX*. 1829. Перевод этого романа с историческим предисловием публиковался в «Научном Обозрении» за 1900 год. – Многотомные исторические романы Дюма помещались в фельетонах газет 1840-х годов: *Les trois mousquetaires* – в 1844. *La reine Margot* – в 1845. – Упомянем еще двух романистов, из которых один хорошо воспользовался «Гептамероном» Маргариты, этим лучшим подражанием «Декамерону» Боккаччо, а другой проявил виртуозность в фантазии на исторические темы. Это – Скриб и Витэ. Scribe: *Les contes de la reine de Navarre*, или *Revanche de Pavie*. Комедия в 5 действиях, поставленная на сцене в 1850 г., – живая пьеса опытного мастера, но с допотопным взлядом на женщину, что и идет к XVI в. Дело происходит в Мадриде: все сосредоточено на плене Франциска I и на роли в нем Маргариты Наваррской. Исторического здесь – одни имена. – Vitch: *La Ligue*, 1844, в 2-х томах. Это – «исторические сцены» в драматической форме из изданных отдельно, в 1826–1829 годах: *Les barricades*, *Les états de Blois*, *La mort de Henri III a St.-Cloud*.

и подробностей. А между тем он основательно изучил взятое время по источникам. И манера у него та же, что и у других романистов новейшей школы: как у Твэна в «Жанне д'Арк», рассказ ведется в виде записок участника событий; даже название романа в том же роде. Уаймен верно описал условия тогдашней жизни, особенно двора Генриха III, и старался схватить нравы и понятия времени. Главные личности – Генрихи III и IV и Сюлли, даже вояка Крильон – обрисованы правдиво. Про самую историю можно сказать, как итальянцы: «если не верно, то ловко придумано». Вчитайтесь в мемуары той поры – и вы поверите, что тогда приключений одного года хватило бы на целый объемистый роман. «Французский дворянин» обнимает менее года – время от подготовки союза между Генрихом III и Беарнцем до смерти первого из них, т. е. с конца 1588 до августа 1589 года.

А. Трачевский.

Санкт-Петербург, 27 марта 1903 г.

Часть первая В поисках красавицы

Глава I Проделки шутов

Последовавшая весной 1588 года смерть принца Кондэ лишила меня моего единственного покровителя и тем поставила в крайне стесненное материальное положение. К середине зимы, когда король Наваррский приехал в Сен-Жан д'Анжели⁵⁶, чтобы провести там Рождество, счастье окончательно отвернулось от меня. Я положительно не знал тогда – теперь могу сознаться в этом без стыда – где раздобыть немного денег, чтобы купить себе хотя бы новые ножны, и не имел никаких видов быть принятым на службу. Мир, незадолго перед тем заключенный в Блуа между королем Франции и Лигой⁵⁷, грозил гугенотам полным поражением. Казна их была пуста, и они не могли выслать в поле свежих войск.

Смерть Кондэ поставила короля Наваррского в положение главного и наиболее известного вождя гугенотов; ниже его стояли виконт де Тюрен, отличавшийся непомерным честолубием, и г. де Шатильон.

К несчастью, имя мое было одинаково неизвестно всем трем вождям. А в декабре месяце, среди увеличивавшейся нужды, мне стукнуло сорок лет – возраст, который я, вопреки общепринятому мнению, считаю поворотным в жизни мужчины. Всякий поверит, что я нуждался во всем мужестве, которое могут дать человеку религия и полная испытаний жизнь старого служаки.

Незадолго перед тем я был вынужден продать всех своих лошадей, за исключением черного Сардинца с белым пятном на голове. Мне пришлось расстаться также с лакеем и конюхом, которых я отпустил в один и тот же день, заплатив им жалованье последними звеньями оставшейся еще у меня золотой цепи. Не без страха и огорчения увидел я себя лишенным этих необходимых принадлежностей дворянина, вынужденный собственноручно чистить свою лошадь под покровом ночи. Мало того, платье мое, неизбежно страдавшее от этих холопских обязанностей, вскоре стало ясно свидетельствовать о перемене, происшедшей в моих обстоятельствах. В день въезда короля Наваррского в Жан я уже не посмел присоединиться к толпе, всегда готовой посмеяться над несчастьем людей, стоящих выше ее: пришлось терпеливо остаться в своей каморке, на чердаке дома точильщика на Ножевой улице – в единственном доступном для меня в то время помещении.

Клянусь Богом, странно устроен свет! Удивительное это было время; еще более удивительным кажется оно мне, когда я сравниваю его с настоящим. Помню, что размышления мои в этот день носили мрачный характер. Как бы я ни смотрел на свое положение, я должен был сказать себе, что весна моей жизни прошла безвозвратно. Вокруг глаз уже собирались морщинки.

⁵⁶ С. Жан д'Анжели (St.Jean d'Angely) – город в департаменте Нижней Шаранты (более 7.000 жит.). Он обязан своим происхождением монастырю, основанному в VIII в. Пипином Коротким и привлекавшему, благодаря находившимся в нем мощам, такое количество паломников, что около монастыря позднее возник и самый город.

⁵⁷ Лигой (испан. liga, франц. ligue назывался в XVI–XVII вв. союз, – то же, что alliance, coalition). В 1465 г. во Франции феодалы образовали «Лигу общественного блага» против Людовика XI. В 1508 г. возникла лига для уничтожения могущественной Венецианской республики из папы, императора и королей Франции и Арагонии. Ее разрушил сам хитрый папа Юлий II испугавшийся успехов Франции в Испании: он устроил против них новую «Священную» лигу (1511 г.) из Венеции, Швейцарии, Арагонии, императора и короля Английского. В 1526 г. в Камбрэ образовалась вторая священная лига, уже против Карла V: здесь участвовали, кроме папы, Генрих VIII, Франциск I, Венеция и Милан. Наконец, в 1608 г. возникла, в отпор «протестантской унии», «Католическая лига», которая вела первые 10 лет Тридцатилетней войны.

В усах, которые, казалось, все надменнее выступали на моем лице, по мере того как оно вытягивалось, пробивалась уже седина. Я был плохо одет; карманы были пусты; меч проглядывал сквозь дырявые ножны. Меня вряд ли можно было бы отличить от любого из тех презренных оборванцев, с помятыми султанами и грязными галунами, которые толпой увивались вокруг виконта де Тюрена. Правда, я владел еще одной скалой и несколькими десятинами пустынной земли в Бретани⁵⁸, составлявшими последний остаток родовой собственности; но небольшая сумма, ежегодно выплачиваемая крестьянами, высылалась в Париж моей матери, не имевшей других доходов. Этих денег я поклялся не трогать, ибо решил хотя бы умереть дворянином, если даже мне не удалось с честью носить это имя при жизни. Не имея ни друзей при дворе, ни кого бы то ни было, кто мог бы дать ход моему делу, не имея поэтому и никаких надежд на успех, я тем не менее сделал все, что от меня зависело, выбрав для этого единственный представлявшийся мне путь. Я составил прошение и, подкараулив однажды секретаря короля Наваррского, господина Форжэ, лично вручил его ему, прося передать государю. Он принял его и обещал исполнить мою просьбу, выказав мне ласковость и ту вежливость, которой я вправе был ожидать. Но небрежность, с которой он сложил и бросил в сторону бумагу, стоившую мне такого труда, а также плохо скрытая усмешка, игравшая на лице его лакея, бросившегося за мной в надежде получить обычную подачку, но напрасно (как я еще теперь со стыдом вспоминаю), ясно свидетельствовали о том, что я не имел никаких оснований предаваться розовым надеждам.

Однако весь следующий день я провел в лихорадочном ожидании, последовательно предаваясь то повышенным надеждам, то отчаянию; меня бросало то в жар, то в холод. Наконец, на третий день утром (помню, что до Рождества оставалось всего три дня), послышались шаги на лестнице. Я не мог сомневаться в том, что они направлялись ко мне: хозяин мой жил в своей лавке, а две другие комнаты стояли пустыми. Я вышел на лестницу. Первый же взгляд на посланца убедил меня в основательности моих надежд и в справедливости всего того, что мне приходилось слышать о великодушии короля Наваррского. Я узнал в юноше одного из королевских пажей: за день или за два перед тем этот нахал, идя следом за мной по улице, вздумал выкрикивать: «А ну, кому старого тряпья!» Я вовсе не думал припоминать ему теперь это обстоятельство; казалось, и он не вспоминал о нем. Вежливость, с которой он подал мне письмо, могла служить счастливым предзнаменованием благоприятного для меня содержания записки. Во избежание всякой ошибки, я счел, однако, нужным с подобающей случаю важностью спросить его, мне ли предназначено письмо. Сохраняя почтительную осанку, он отвечал, что оно было послано сьеру⁵⁹ де Марсаку, то есть мне, если только это мое имя.

– Нужен ли ответ? – спросил я, заметив, что он почему-то медлил уйти.

– Король Наваррский, – отвечал он с низким поклоном, – рассчитывает получить ответ от вас лично.

Надев шляпу, которую он снял перед тем, из уважения ко мне, паж повернулся и стал спускаться по лестнице.

Вернувшись в свою комнату и заперев за собой дверь, я поспешно вскрыл письмо, запечатанное большой печатью и носившее все признаки важной бумаги. Содержание его превзошло все мои ожидания. Король Наваррский изъявил желание видеть меня у себя на другой день, в полдень. Письмо заканчивалось такими выражениями благорасположения и доброты, что у меня не осталось никаких сомнений относительно намерений короля. Сознаюсь, я был взволнован. Охватившие меня чувства радости и благодарности были так велики, что впору молодому человеку. Я весело принялся за починку своего платья и за этим занятием провел остаток дня. С благодарностью думал я о том, что мне по крайней мере удастся вырваться из

⁵⁸ Бретань – северо-западный угол Франции.

⁵⁹ Сьер (Sieur) – как и слово *sire*, обращение к сюзерену, а позже к королю.

когтей бедности, которая позорит дворянина. Думая о своей жалкой внешности, я утешался мыслью, что дня через два и в платье моем, и в положении наступит полная перемена.

На следующее утро, незадолго до полудня, я бодро вышел из дому и зашагал по направлению к дворцу. Я уже давно не показывался на улицах, имевших теперь необычайно оживленный вид по случаю приезд да короля Наваррского, и не мог не заметить, что многие зеваки посматривали на меня, посмеиваясь. Действительно, вид я имел сильно обтрепанный. Заметив, однако, что достаточно мне было нахмурить брови, чтобы положить конец веселости этих господ, я разглаживал усы и, гордо подняв голову, смело шел вперед. Навстречу мне показался тот самый паж, который накануне принес мне письмо. Он с почтением остановился передо мной и отвесил глубокий поклон. На лицах всех присутствующих нарисовалось изумление: этот франт, похоже, был весельчаком, какого только могли желать фрейлины. Затем он попросил меня поторопиться, поскольку король уже ожидал меня в своем кабинете.

– Он уже дважды осведомлялся о вас, сударь, – заметил он с поклоном, при этом перья его шляпы почти коснулись земли.

– Король, – ответил я, ускоряя шаги, – назначил мне аудиенцию в полдень. Если бы я опаздывал, он действительно мог бы быть мною недовольным.

– Та, та! – отвечал он, фатовски помахивая рукой. – Всяко бывает! Ведь, знаете, иной стянет лошадь прежде, чем другой выглянет в окно.

Несмотря на седые волосы и угрюмый вид, человек может сохранять известную юношескую наивность. Услышав эти слова, указывавшие не совершенно неожиданное расположение ко мне короля, я почувствовал, как вся кровь прилила мне к лицу и сердце исполнилось чувством глубокой благодарности. Я не мог понять, кто взял на себя труд замолвить за меня словечко перед королем и тем оказал мне столь важную услугу, решив, однако, что до слуха короля, так или иначе, дошли известия о моем участии в деле под Бруажем⁶⁰, я вступил в ворота дворца с гордым и самоуверенным видом, вполне оправдываемым, как мне кажется, обстоятельствами. Затем, следуя за своим проводником, я вошел во двор.

Тут толпились конюхи и лакеи: один из них водил коней взад и вперед, другие перебрасывались шутками с высывавшимися из окон девицами; иные, стоя на месте, топали ногами, чтобы согреться, или же, подражая своим господам, играли в мяч. Такие бездельники всегда нахальнее своих господ; однако они с почтением уступили мне дорогу. И я, поднимаясь по лестнице, с торжеством, хотя и не без оттенка насмешки, вспомнил известные слова комедии:

«Кого король удостоит чести»...

Достигнув верхней ступеньки лестницы и пройдя мимо часового, паж отворил дверь в переднюю и, посторонившись, попросил меня войти. Я вошел, дверь за мной захлопнулась.

В первую минуту я остановился в смущении. Мне показалось, что в комнате было до ста человек, и половина из них женщины. Хотя я и имел случай приглядеться к пышности при дворе принца Кондэ, тем не менее эта переполненная передняя вызвала во мне чувство удивления и даже некоторого страха, которого я, впрочем, в следующую же минуту устыдился. Правда, шуршание шелка и блеск драгоценных камней превосходили все виденное мною до сих пор, ибо я никогда не имел счастья бывать при королевском дворе; но я вспомнил, что предки мои умели с достоинством держать себя при подобных обстоятельствах. И с поклоном, отвечавшим скорее этому соображению, чем скудности моего одеяния, я сделал несколько шагов вперед среди воцарившегося в компании молчания.

– Господин де Марсак! – возвестил паж.

Голос его прозвучал как-то странно, так что я вдруг обернулся, чтобы взглянуть на него. Но его уже не было, и тотчас же я заметил сдержанную улыбку на лицах присутствующих.

⁶⁰ Бруаж (Brouage) – местечко и небольшой порт в департаменте Нижней Шаранты (1.000 жит.), у Атлантического океана, против острова Олеропа.

Стоявшая рядом со мной молодая девушка хихикнула. Смущенный всем этим и не зная, к кому обратиться, я в замешательстве оглянулся кругом. Я находился в узкой, длинной комнате, обшитой каштановым деревом, с рядом окон с одной стороны и двумя каминами, наполненными горевшими головнями, – с другой. Между каминами стояло оружие. Вокруг ближайшего огня расположилась группа пажей, как две капли воды похожих на того молодца, который провел меня во дворец; они спокойно разговаривали с несколькими молодыми дамами. Две большие собаки грелись перед огнем, а между ними, положив ноги на спину большой собаки, лежала такая странная фигура, что в другое время я не поверил бы своим глазам. На ней был одет пестрый шутовской кафтан и колпак с погремушками. Приглядевшись, я убедился, что это женщина. Густые черные волосы ниспадали ей на плечи; глаза ее на остром, тонком, исхудавшем лице блестели каким-то диким весельем и пронизывающе смотрели на меня. Позади нее, вокруг второго камина, стояла кучка человек в двадцать дам и молодых людей. Один из них подошел ко мне.

– Сударь! – начал он вежливо: от меня не ускользнуло изящество его поклона. – Вы желали видеть...

– Короля Наваррского, – отвечал я возможно вежливее.

Обратясь к стоявшей позади него группе, он каким-то особенно смиренным голосом произнес:

– Он желает видеть короля Наваррского.

Затем господин вновь отвесил мне поклон среди всеобщего торжественного молчания и отошел к своим товарищам.

В следующую же минуту, прежде чем я успел сообразить, как понять все происходившее, от той же группы отделился господин и, поклонившись мне, спросил:

– Господин де Марсак, если не ошибаюсь?

– К вашим услугам, сударь, – отвечал я. В моем стремлении ускользнуть от всех этих пристально устремленных на меня глаз и раздававшегося позади хихиканья, я сделал шаг вперед, готовый следовать за ним. Но он, казалось, не заметил моего движения.

– Господин де Марсак желает видеть короля Наваррского, – произнес он, обращаясь, как и первый, к стоявшей позади группе.

С этими словами он точно так же повернулся кругом и отошел к огню.

Я остоленел: первое смутное подозрение зародилось в моем уме. Но прежде, чем я успел на что-нибудь решиться (в таком положении нелегко принять какое-нибудь решение), ко мне тем же размеренным шагом подошел третий.

– Вам, если не ошибаюсь, назначена аудиенция, сударь? – сказал он, кланяясь еще ниже других.

– Да! – отвечал я резко, начиная горячиться. – Аудиенция в полдень.

– Господин де Марсак, – провозгласил он певучим голосом, – явился на назначенную ему королем Наваррским аудиенцию в полдень.

Отвесив мне вторичный поклон, между тем как я густо покраснел от нанесенного мне оскорбления, он, в свою очередь, повернулся и отошел к огню.

Я уже видел, как от группы отделился четвертый, но долго это продолжаться не могло. Представляло ли мое растерянное и гневное лицо уж слишком комичное зрелище для этих господ, или кто-нибудь из них не смог дожидаться развязки, но по всей комнате вдруг раздался взрыв неудержимого хохота, который положил конец этой комедии. Боже, как мне было горько! Я содрогнулся и стал озиаться кругом, в надежде хоть где-нибудь встретить сострадание и помощь. Но вся комната, казалось, звучала насмешками; даже со стен, когда я поворачивался, казалось, смотрели на меня жестокие насмешливые рожи. Кто-то позади меня крикнул: «Старье!» Когда я обернулся назад, спереди повторилось оскорбление. Замешательство мое еще

увеличилось оттого, что враги действовали в известном порядке: никто не двигался и не повышал голоса. И я еще более выделялся из всех, служа всеобщей мишенью.

Из всех лиц, скучившихся у дальнего камина, одно особенно резко запечатлелось в моей памяти в эту несчастную минуту: то было нежное личико юной девушки, смело стоявшей впереди своих товарищей. Лицо это было исполнено гордости и презрения: оно даже не улыбалось. А между тем вся изящная, тонкая, девичья, но соразмерно сложенная фигурка девушки, казалось, дышала общим всем желанием дерзко забавляться.

Эта безжалостная забава, продолжавшаяся, на мой взгляд, уже достаточно долго, вряд ли, однако, прекратилась бы, если бы я, при всем своем отчаянии, не заметил в отдаленном конце комнаты двери, которая, как я сейчас же сообразил, должна была вести в спальню короля. Испытываемое мною чувство негодования было так велико, что я, не колеблясь, смело направился к ней.

Смех вокруг меня мгновенно затих, и с полдюжины голосов крикнуло мне, чтобы я оставался.

– Я пришел с тем, чтобы видеть короля, и увижу его! – отвечал я гневно, не в состоянии более сохранять подобающее презрение.

– Он на охоте! – получил я единогласный ответ. И все руки повелительно указали мне на дверь, откуда я пришел.

Имея, однако, в кармане письмо короля, я считал себя вправе не верить им. Воспользовавшись их удивлением (они отнюдь не ожидали такого смелого шага с моей стороны), я подбежал к двери, прежде чем они успели помешать мне. Я слышал, как шутиха Матюрина, вскочив на ноги, крикнула:

– Черт возьми, он хочет силой войти в царствие небесное, силой!

То были последние слова, достигшие моего слуха. Когда я повернул ручку двери, которую никто не охранял, в комнате позади меня внезапно воцарилось молчание.

Отворив двери, я вошел в следующую комнату. Два господина, сидевшие у одного из окон, обернулись и сердито посмотрели на меня. В комнате никого больше не было. Сапоги короля лежали около его стула; тут же были крючок и машинка для снятия сапог. Собака, гревшаяся перед огнем, не спеша встала с места и зарычала. Один из господ, встав с ящика, на котором он сидел, подошел ко мне и с нескрываемым негодованием спросил, что мне было нужно и кто мне позволил войти.

Я начал было объяснять ему, не без замешательства (меня отрезвила царившая в соседней комнате тишина), что хотел видеть короля; но он резко оборвал меня.

– Короля?! Короля! Его нет здесь, любезнейший! Он охотится в С. Валери⁶¹. Разве вам этого не сказали там?

Между тем мне показалось, что я узнал говорившего. Мне никогда не приходилось видеть более серьезного, более вдумчивого для его лет человека (он был немногим моложе меня), более поражавшего своею наружностью, более скромно одетого. Желая избежать вопроса, я спросил, не имею ли чести творить с господином де Плесси-Морнэ. Им действительно и оказался этот мудрый, вежливый государственный человек, в то время правая рука Генриха.

– Совершенно верно, сударь, – ответил он коротко, не сводя с меня глаз. – Я Морнэ. Но что же из этого?

– Де Марсак, – представился я, полагая, что имя мое объяснит поверенному короля причину моего появления при дворе. Однако я ошибся.

– Что же дальше, сударь? – нетерпеливо спросил он.

⁶¹ *Сен-Валери* (Saint-Valery) – город в департаменте Нижней Сены (5.000 жит.), основанный еще в VIII в. Он долго оставался деревушкой и разросся только в XVI–XVII вв.

Этот холодный прием в связи с тем, что мне пришлось вынести в передней, мог бы окончательно смутить меня, если бы в кармане моем не лежало письмо короля. Вполне уверенный в том, что господину Морнэ достаточно будет взглянуть на это письмо, чтобы совершенно изменить свое отношение ко мне, я поспешил вытащить мой талисман и подал ему. Он взял письмо, посмотрел на него, затем открыл; но все это с таким холодным, бесстрастным видом, что сердце у меня упало пуще прежнего.

– Что там еще? – вскрикнул я, не в силах хранить молчание. – Ведь, это письмо короля, сударь?

– Да, короля в шутовском кафтане! – ответил он, поджав губы.

Смысл этих слов не сразу проник в мое сознание; в величайшем волнении я пробормотал, что король посылал за мной.

– Король ничего об этом не знает! – резко ответил он и сунул мне обратно бумагу. – Это – глупая шутка, которой вы, без сомнения, обязаны одному из этих молодых бездельников и шутов там, за дверью. Вы, вероятно, подали прошение королю? Ну да. Они его перехватили – и вот вам последствия. Их стоило бы выдрать за это.

Я не мог более сомневаться в справедливости его слов. Все мои надежды были разбиты вмиг; все планы разлетелись, как дым. В первую минуту я был до того потрясен, что не мог произнести ни слова в ответ и не имел сил удалиться из комнаты.

Словно видение, предстало передо мной, как в зеркале, мое собственное исхудавшее растерянное лицо: в глазах его было написано отчаяние. Жалость к самому себе наполнила мое сердце. Волнение мое было так велико, что оно не ускользнуло от Морнэ. Внимательно посмотрев на меня, он раза два-три пробормотал мое имя и наконец сказал:

– Как вы сказали? Марсак? А, припоминаю. Вы участвовали в деле под Бруажем, не правда ли?

Я кивнул головой в знак согласия, будучи не в силах выговорить ни слова. Дрожа всем телом, я невольно прислонился к стене, голова моя склонилась на грудь. Мой возраст, мои сорок лет, мое бедственное положение – все это нависло надо мной тяжким бременем, наполняя душу мою горечью и отчаяньем. Я готов был плакать, но у меня не было слез. Отвернувшись от меня, Морнэ два-три раза нетерпеливо прошелся по комнате. Когда он снова обратился ко мне, в голосе его звучало уважение и то живое участие, которое должен чувствовать порядочный человек при виде горькой нужды ближнего.

– Господин де Марсак! – сказал он. – Я сочувствую вам. Я считаю позорным, что человек, служивший нашему делу, вынужден терпеть такую нужду. Имей я возможность расширить в настоящее время свой штат, я бы почел за честь иметь вас в числе своей свиты. Но я сам нахожусь в стесненном положении, как и все мы, и король Наваррский в том числе. Последний месяц он жил на деньги, вырученные от продажи леса, который срубил де Рони. Я напому ему ваше имя, но было бы жестоко с моей стороны, если бы я не предупредил вас, что из этого ничего не выйдет.

С этими словами он протянул мне руку. Ободренный этим знаком внимания, равно как и добротой его слов, я оживился. Правда, я нуждался в более существенной помощи, но что оставалось делать? Я поблагодарил его, как мог, и, распрощавшись с ним, грустно вышел из комнаты.

Увы! Мне предстояло еще раз встретиться лицом к лицу с моими врагами, и после таких ласковых слов! Мне предстояло пройти сквозь строй передней. Как только я появился на ее пороге или, вернее, как только захлопнулась за мной дверь, на меня посыпался град насмешек. Кто-то крикнул: «Дорогу! Дорогу вельможе, который видел короля!» Другой шумно приветствовал меня, как губернатора Гиени, третий просил места в моем полку.

Сердце мое готово было разорваться на части от этих насмешек. Меня возмущало то, что от бедности я должен был переносить все это от юнцов, не нюхавших пороху. Однако я ясно

сознавал, что всякая остановка, всякий упрек с моей стороны могли только ухудшить дело; да и вряд ли я мог бы говорить в том состоянии уныния, которое мною овладело. Опустив голову, сгорая от стыда и унижения, я стал живо прокладывать себе дорогу через толпу. Таким путем я уже почти добрался до двери и готов был вздохнуть свободнее, как вдруг наткнулся на ту молодую придворную даму, о которой говорил выше. Внимание ее в эту минуту было занято чем-то другим: она не заметила моего приближения, прежде чем кто-то не указал ей на меня. Она обернулась, как захваченная врасплох, и, увидев, что я почти касался ее платья, быстро отступила назад и, с негодованием взглянув на меня, поспешно отдернула свои юбки.

Не знаю почему, это оскорбление задело меня больше, чем все насмешки, сыпавшиеся отовсюду. Движимый каким-то внезапным порывом горечи, я остановился и строго обратился к ней, отвечивая низкий поклон:

– Мадемуазель! – Я уже упомянул, что она была небольшого роста и скорее походила на фею, чем на женщину, хотя лицо ее выражало гордость и своенравие. – Мадемуазель! Каков бы я ни был, я проливал кровь за Францию. Когда-нибудь вы узнаете, что в жизни приходится переносить вещи похуже, чем присутствие бедного дворянина.

Не успел я произнести этих слов, как уже раскаялся: стоявшая рядом со мной шутиха Матюрина тут же подняла мои слова на смех. Подняв над нами руки, словно готовясь благословить нас, она заявила, что де Марсак, получив почетную должность, собрался жениться. Грубый смех и еще более грубые шутки были ответом на ее слова. Девушка покраснела до ушей.

Тут кто-то рявкнул: «Вот ему на свадьбу!». И в лицо мне полетела какая-то конфета. За нею последовали другая, третья: я весь был обсыпан мукой и сладостями. Терпение мое истощилось. Забыв, где я, задыхаясь от гнева, бросился я на своих мучителей, весь красный, яростный, с торчком вздыбившимися усами. Но тотчас же понял всю свою беспомощность, все безумие мести с моей стороны: опустив голову, я выбежал вон из комнаты. Мне показалось, что самые молоденькие из этих шутов бросились вслед за мной. Крик «Старье!» преследовал меня до самой двери моей комнаты на Ножевой улице. Но, униженный горем, движимый желанием поскорее добраться до дому и уединиться, я не обратил на это особого внимания; и даже не уверен, действительно ли оно было так.

Глава II

Король Наваррский

Я уже упоминал об опасности, которой грозил нам союз Генриха III с Лигой. Говорили даже, будто при вести о нем у короля Наваррского в одну ночь поседелі усы. Несмотря на это, двор никогда не казался таким веселым и беззаботным, как именно тогда: словно забыли на время и про войну, и про недостачу денег. В тиши, без сомнения, что-нибудь и подготовлялось: дальновиднейшие из врагов нашего принца особенно боялись его, когда он с неистовой страстью предавался наслаждениям. Но непосвященному глазу должно было казаться, что Сен-Жан д'Анжели весь утопает в удовольствиях и забавах. Царившие при дворе шум и суета достигали даже моего чердака и обратили для меня это Рождество, приходившееся на воскресенье, в невыносимую пытку. Целый день до меня доносились стук копыт о мостовую и веселый смех и шутки наездников. Все это значительно увеличивало мое мрачное настроение: мой жесткий стул казался мне тверже обыкновенного, голые стены казались еще более голыми. Подобно тому, как при ярком солнечном свете резче обозначаются тени, и тишина никогда не кажется такой глубокой, как после взрыва мины, так и горе и бедность становятся особенно невыносимыми при виде счастья и богатства. Правда, меня, как и всех более или менее здравомыслящих людей, приободрила проповедь, которую держал священник д'Амур в первый день Рождества в Гостином дворе. Сидя в темном углу, я собственными ушами слышал знаменитое предсказание, которому суждено было так скоро сбыться.

– Сир! – сказал проповедник, обращаясь к королю Наваррскому и намекая на недавнюю попытку лишить принца прав на престол. – То, что дано вам Богом при рождении, не может быть отнято у вас людьми. Немного времени, немного терпения – и вы дадите нам возможность проповедовать и по ту сторону Луары! С вами, как с нашим Иисусом Навином, мы перейдем через Иордан и восстановим Церковь в Обетованной Земле.

Эти смелые слова, сказанные с целью приободрить нововерцев среди переживаемого перелома их дела, очаровали всех, за исключением, правда, немногих приверженцев виконта де Тюрена, которым было неприятно такое открытое признание короля Наваррского вождем гугенотов, хотя они и не могли ничего против этого возразить. Все так разнообразно и с таким воодушевлением выражали свое удовольствие, что даже я вернулся в свою комнату с повышенным, радостным настроением и, мечтая о предстоящей победе нашего дела, находил в этом известное утешение моим личным невзгодам.

День между тем склонился к вечеру, и наступившие сумерки не принесли мне никакой перемены. Сознаюсь без стыда: сердце мое вновь упало, особенно когда я вспомнил, что дня через два мне предстояло продать последнего конягу или одну из существенных частей моего вооружения. Решаясь на этот шаг, я не мог не чувствовать величайшего отчаяния. В таком настроении, при свете одинокой свечи, я пересчитывал последние деньжонки, как вдруг услышал поднимающиеся по лестнице шаги. Я ясно различил шаги двух человек и терялся в догадках, кто бы это мог быть, когда в мою дверь тихонько постучали.

Опасаясь новой проделки, я не сразу отворил, тем более что в стук мне послышалось что-то вкрадчивое и таинственное. Мои посетители стали шепотом совещаться между собой, затем постучали вторично. Я громко спросил: «Кто там?» Они не сочли нужным ответить, я, со своей стороны, решил не отворять, пока они не назовут себя по имени. Дверь у меня была крепкая, и я улыбнулся при мысли о том, что на этот раз старания воров пропадут даром. К моему удивлению, они не отказались от своего намерения, как я ожидал, а продолжали стучать и перешептываться между собой. Несколько раз они тихо позвали меня по имени и просили отворить, но упорно отказывались назвать себя. По временам до меня доносился их сдержанный смех. Еще более убеждаясь в том, что они замыслили какую-нибудь проделку, я готов

был упорствовать до самой полуночи, до которой оставалось еще два часа, если бы моего внимания не привлек к себе вдруг легкий шум, вроде царапанья крысы за обоями. Подняв свечу и заслонив глаза рукой, я заметил какой-то небольшой блестящий предмет, просунутый под дверь, и отскочил из опасения, что они готовятся бросить его в меня. Но, поднеся свечу ближе к порогу, я не нашел ничего страшного, кроме двух золотых ливров⁶², просунутых в щель между дверью и полом.

Держа свечу в руке, я с минуту неподвижно смотрел на деньги. Сообразив затем, что молодые придворные франты вряд ли потратили бы такую сумму ради шутки, я долее не колебался. Я поставил свечу и отодвинул задвижку двери, намереваясь поговорить со своими посетителями на лестнице. Но едва я успел отворить дверь, как они силой вломились в комнату и знаками попросили меня вновь запереть дверь. Я повиновался, все еще с некоторым недоверием, не спуская глаз со своих посетителей. До чего же велико было мое удивление и смущение, когда они скинули свои плащи и я увидел перед собою Морнэ и хорошо мне знакомую фигуру короля Наваррского.

Они, казалось, были необычайно веселы и с усмешкой посматривали друг на друга: мне пришло в голову, что меня обманывало случайное сходство и что передо мной вновь стояли мои придворные шуты. Несколько секунд я неподвижно смотрел на них; наконец король первый заговорил:

– Мы не ошиблись, Морнэ, нет? – сказал он, взглянув на меня смеющимися глазами.

– Нет, сир. Это – сьер де Марсак, тот самый дворянин, о котором я говорил вам.

Смущенный, удивленный, извиняясь как мог, я поспешил выразить королю свое почтение. Он прервал меня и милостиво спросил:

– Из Марсака в Бретани, если не ошибаюсь, сударь?

– Он самый, сир.

– Вы, значит, принадлежите к роду де Бонов?

– Я последний отпрыск этого рода, сир, – почтительно ответил я.

– Члены этого рода исполнили свою задачу, – ответил он, садясь на стул с изяществом, которое очаровало меня. – Ваш девиз «С нами Бог!», не правда ли? А Марсак, если мне не изменяет память, лежит недалеко от Ренна⁶³, на Вилене?

Я ответил утвердительно и от полноты сердца прибавил, что мне очень тяжело принимать такого высокопоставленного принца в столь бедном помещении.

– Да, признаюсь, де Марсак, – вставил Морнэ, беззаботно оглядываясь кругом, – вы обнаруживаете довольно странный вкус в расстановке мебели. Вы...

– Морнэ! – резко оборвал его король.

– Сир!..

– Осторожно! Вы толкнули локтем свечу. Берегитесь!

Но я хорошо понял его. Сердце мое преисполнилось чувства благодарности. Бедность не так позорна сама по себе, как в силу тех уловок, к которым она заставляет прибегать людей. Так, я считаю бесспорным долгом всякого дворянина скрывать свою бедность от назойливых

⁶² *Ливр* немного меньше франка по весу, но, по цене жизненных припасов, он стоил вчетверо больше нынешнего. В нашем романе встречаются еще экю и крона. *Экю* (франц. есу – щит) – серебряная монета, явившаяся именно около описываемого времени. Цена ее менялась; в 1726 г. ее установили законом в 6 ливров. *Крона* – название многих монет в разных странах и разной цены; они бывают как золотые, так и серебряные. Золотые вообще стоят от 3 до 5 рублей.

⁶³ *Ренн* (Rennes) – главный город департамента Иль-и-Вилена и всей Бретани, при впадении Или в Вилену. Вилена (Vilaine) берет начало в департаменте Майене и впадает в Атлантический океан. Эта река судоходна на всем протяжении от Ренна до океана. В Ренне до 60.000 жителей. Он полон исторических воспоминаний, как средоточие важной провинции и местопребывание могучих герцогов, подчинившихся королю Франции лишь в 1532 г. В нем видим аббатство XI в., остатки укреплений XIV в., статую коннетабля Дюгеклена, Дворец правосудия XVII в., где помещался бретонский парламент, музей древностей и т. п. Ренн служит также одним из очагов просвещения во Франции. В нем значительный университет, хорошая библиотека и типографии.

глаз, особенно от глаз черни, которая привыкла судить по внешности. Оттого-то, стараясь придать моей комнате наилучший вид, я был принужден, за несколько дней до того, переставить всю оставшуюся у меня мебель и оружие в тот угол, который виден был с лестницы при открытых дверях. Вследствие этого вторая половина ее оставалась совершенно пустой. Войдя в комнату, нельзя было не заметить этой уловки, и я должен сознаться, что слова Морнэ заставили меня покраснеть до ушей. Однако минуту спустя я уже радовался тому, что он произнес их: иначе я, быть может, никогда не узнал бы, или не узнал бы так скоро, всю доброту сердца и необыкновенную быстроту соображения, свойственную королю, моему господину. Так начал я его называть в душе с этой минуты.

Королю Наваррскому было в то время 35 лет. Волосы у него были черные, цвет лица румяный, в усах, по крайней мере с одной стороны, уже пробивалась седина. От природы суровые и повелительные черты лица смягчались неизменным выражением веселости и одушевления, которого мне не приходилось встречать ни у кого другого и которое у него становилось особенно заметным в трудные минуты. Приученный к опасностям с ранней молодости, он научился смотреть на них, как на праздник, и встречал их приближение с беспечной веселостью, которая удивляла даже храбрецов и создала ему славу крайне неблагодарного человека. Но он был совсем не такой. Ни один маршал Франции не готовился к бою более тщательно, хотя в пылу сражения он вел себя, как любой ротмистр; никогда сам Морнэ не присутствовал на совещаниях с более твердым знанием дела. Удивительное остроумие и любезность обращения, возвышая его в глазах подданных, в то же время вводили в заблуждение его противников. Считая весь этот блеск проявлением поверхностной натуры, они слишком поздно понимали, что были обмануты человеком, которого презрительно называли Беарнцем и который был несравненно хитрее их самих и одинаково мастерски владел пером и мечом. Многие из всего этого, хорошо известного теперь всем и каждому, я узнал лишь позднее. В ту минуту я не мог думать ни о чем другом, кроме доброты короля. Я еще более проникся этим сознанием, когда он настоятельно потребовал, чтобы я сел на кровать, пока мы говорили.

– Господин де Марсак! – начал он. – Вы и не подозреваете, что привело меня сюда; вас удивляет, почему я пришел сам, а не послал за вами, да еще ночью и с такими предосторожностями. Объясню вам все. Но, прежде всего, я не хотел бы, чтобы мой приход возбудил в вас напрасные надежды. Скажу откровенно: я могу конечно облегчить вашу нужду – согласитесь ли вы на предлагаемый план или нет. Но я не могу принять вас к себе на службу: у меня и без того двойной штат служащих. Морнэ говорил мне о вас, но, желая быть справедливым и к другим, я должен был ответить ему, что ничего не могу для вас сделать.

Признаюсь, это странное вступление сразу разрушило все мои воскресшие было надежды. Однако, овладев кое-как собой, я пробормотал, что честь, оказанная мне посещением короля Наваррского, уже достаточно осчастливила меня.

– Но мне приходится лишить вас даже этой чести, – ответил он, улыбаясь, – хотя вижу, что из вас вышел бы прекрасный царедворец, несравненно лучше Морнэ, например, которому никогда в жизни не удавалось произнести такую милую речь. Да, я должен потребовать от вас сохранить это посещение в тайне. Достаточно было бы малейшего слуха по этому поводу, чтобы раз навсегда лишить меня той пользы, которую вы можете принести мне.

Эти слова вызвали во мне удивление, которое мне с трудом удалось скрыть. Я не сразу нашел подходящие выражения, чтобы заверить короля, что приказания его будут в точности исполнены.

– В этом я уверен, – ответил он ласково. – Если б я не верил, кроме того, в то, что мне рассказывали о вашем мужестве после взятия Бруажа, где, говорят, вы показали себя скорее человеком дела, чем слова, я не явился бы сюда с моим предложением. Дело вот в чем: я не могу принять вас на государственную службу, де Марсак, но могу предложить вам опасное и

неблагодарное приключение, если только у вас есть вкус к похождениям вообще, – похождение, которое было бы под стать любому Амадису⁶⁴.

– Неблагодарное, сир! – пробормотал я, не веря своим ушам: настолько странным показалось мне это выражение.

– Да, неблагодарное, – отвечал он, и его острый взгляд, казалось, проникал мне в душу. – Как видите, я откровенен с вами, сударь, – продолжал он небрежно. – Я могу дать вам это поручение, касающееся выгод государства, но не могу сделать ничего большего. Король Наваррский не может гласно участвовать в нем: он не сможет и защитить вас. Удастся ли оно вам, нет ли, вы должны полагаться только на свои силы. Единственное обещание, которое я могу дать, заключается в том, что если я когда-нибудь узнаю, что задуманное предприятие доведено до благополучного конца, я вознагражу того, кто его совершит.

Он остановился, и я несколько минут неподвижно смотрел на него с нескрываемым удивлением. Что он хотел этим сказать? Были ли передо мной живые лица или то было не больше, как сновидение?

– Вы понимаете? – спросил он наконец с оттенком нетерпения.

– Да, сир, кажется, понимаю, – пробормотал я, вполне уверенный, что в действительности ничего не понял.

– Что же вы скажете: да или нет? – вновь спросил он. – Принимаете ли вы мое предложение или хотели бы узнать еще некоторые подробности, прежде чем решиться на что-нибудь!

Я колебался. Будь я десятью годами моложе, я немедленно согласился бы на королевское предложение, поскольку всегда готов был пускаться на любые предприятия, которые давали случай продвинуться при дворе. Но меня остановило что-то странное во вступлении короля, хотя в душе я готов был умереть за него. Я с величайшей покорностью ответил:

– Вы сочтете меня теперь плохим царедворцем, сир, хотя дурак тот, кто прыгает в ров, не измерив его глубины. Надеюсь не оскорбить вас, сказав, что хотел бы выслушать все, что вы можете сказать мне.

– В таком случае, мой друг, – ответил он быстро, – если вы желаете пролить больше света на это дело, вам придется взять другую свечу.

Он сказал так поспешно, что я вздрогнул; но, заметив, что свеча догорела до самого конца, я, извинившись, встал и подошел к шкафу, чтобы достать другую. В ту минуту мне не пришло на ум (это я сообразил уже потом), что король намеренно воспользовался этим обстоятельством, чтобы посоветоваться со своим другом. Вернувшись на свое место к кровати, я заметил только, что они сидели ближе друг к другу и что король, по-прежнему бесечно болтавший одной ногой в воздухе, однако, очень внимательно посмотрел на меня, прежде чем заговорил.

– Я говорю с вами, конечно, доверительно, сударь, считая вас как порядочным, так и честным человеком. То, что мне нужно от вас, не требует пространных объяснений: вы должны похитить одну даму. О, не бойтесь! – быстро прибавил он, рассмеявшись. – Эта дама – не избранница моего сердца. Да я бы и не пришел сюда, к моему степенному другу, если бы нуждался в помощи такого рода: с Божьей помощью, Генрих Бурбон всегда сумеет освободить собственную возлюбленную. Мое дело – государственное и совсем иного рода, хотя мы и не можем разъяснить вам в настоящую минуту все его значение.

Я молча поклонился, чувствуя некоторое смущение и уныние: надеюсь, всякий на моем месте тоже почесал бы себе затылок. Я думал иметь дело только с мужчинами, думал, что речь шла о каком-нибудь тайном нападении или о походе со взломом. Но, оглядев свою убогую

⁶⁴ Амадис – имя, часто встречающееся в рыцарской поэзии. Из всех героических образов Амадисов первое место бесспорно принадлежит Амадису Галльскому, герою лучшего и старейшего из романов об Амадисе, написанного в конце XIII или в начале XIV в.

комнату и приняв во внимание честь, которую оказывал мне король, я почувствовал, что у меня не остается выбора, и потому сказал:

– В таком случае, сир, я вполне к вашим услугам.

– Хорошо! – ответил он быстро, взглянув, как мне показалось, с упреком на Морнэ, словно сомневался в его рекомендации. – Но не заговорите ли вы иначе, – продолжал он, вновь переводя глаза на меня и медленно выговаривая каждое слово, словно испытывал меня, – когда узнаете, что дама, которую надо похитить, – воспитанница виконта Тюрена, который почти так же могуществен, как я, и стремится еще больше расширить свое могущество, – Тюрена, который, по собственным его словам, всегда путешествует в сопровождении не менее 50 дворян и содержит на жаловании 1 000 стрелков? По вкусу ли вам это похождение, де Марсак, теперь, когда вы знаете все?

– Тем более оно мне по вкусу, сир, – твердо ответил я.

– Поймите еще вот что: необходимо освободить эту даму, заключенную в настоящее время в доме виконта, в Шизэ⁶⁵, но необходимо также, чтобы между мной и виконтом не произошло никакой размолвки. Стало быть, дело должно быть выполнено независимым человеком, никогда не состоявшим у меня на службе, никогда не имевшим со мной никаких связей. Если попадетесь, вы понесете наказание, не прибегая к моей защите.

– Вполне понимаю, сир.

– Черт возьми! – воскликнул он, тихо рассмеявшись. – Клянусь, этот человек больше боится дамы, чем самого виконта! Это не похоже на большинство наших придворных.

Морнэ, молча поглаживавший свои колени, поджал губы, хотя не трудно было заметить, что он остался доволен похвалой короля. Теперь он вмешался в разговор:

– С вашего позволения, сир, я изложу теперь этому дворянину все подробности.

– Хорошо, друг мой! Постарайтесь только быть кратким: если мы замешкаемся здесь, мое отсутствие будет замечено – и двор не замедлит отыскать мне новую метрессу.

Он говорил в шутку, посмеиваясь, но я видел, как Морнэ при последних его словах вздрогнул, словно они не пришлись ему по вкусу: позже я узнал, что двор тогда был сильно занят вопросом о том, кто займет место королевской фаворитки, так как страсть короля к графине де ля Гиш⁶⁶ очевидно уже угасала, а его новое увлечение госпожой де Гершвиль служило еще предметом догадок. Морнэ ничего не возразил, однако, на слова короля и стал давать мне наставления.

– Шизэ, известный вам только по имени, лежит в шести лигах⁶⁷ отсюда. Мадемуазель де ля Вир содержится на первом этаже, в комнате, выходящей в парк на северо-запад. Больше я ничего не могу сказать вам, разве только то, что служанку ее зовут Фаншеттой, и на нее можно положиться. Дом хорошо охраняется, и вам понадобится 4–5 человек. Вам не трудно будет подкупить нескольких головорезов, смотрите только, выбирайте таких, с которыми вы сумеете справиться и которые не нанесут никакого вреда барышне. Подготовьте заранее лошадей и, освободив даму, поезжайте с ней немедленно на север, настолько быстро, насколько позволят ее силы. Вам нечего щадить ее, если Тюрэн пустится в погоню. Вы пересечете Луару через 60 часов после того, как покинете Шизэ.

– Пересечь Луару? – воскликнул я, удивленный.

⁶⁵ Шизэ (Chize) – местечко и община в Севрском департаменте, в 20 верстах к ю.-в. от Мелля (около 1.000 жителей). Развалины старого замка Шизэ сохранились и по настоящее время.

⁶⁶ Графиня де ля Гиш (Diane de Gramout Gniche, la bella Corisandra) – одна из любимиц короля Наваррского. Единственная дочь виконта Лувињи, она родилась в 1554 г. и в 16 лет вышла замуж за графа Грамона, но вскоре овдовела. В войне короля Наваррского с Лигой графиня Гиш предоставила в его распоряжение все свое очень значительное состояние. Король Наваррский хотел даже развестись с женой, чтобы жениться на Диане, и обещание это написал своей кровью; однако не сдержал его. На, старости лет Гиш оставила двор и умерла, всеми забытая.

⁶⁷ Лига, или лье (потом миля) – приблизительно 4 версты.

– Да, сударь, именно так, – ответил он с оттенком суровости. – Поймите, ваша задача – с величайшей поспешностью перевезти мадемуазель Вир в Блуа. Стараясь не навлекать на себя внимания, вы спросите там, в гостинице «Кровавое Сердце» на улице Сен-Дени, барона Рони. Он позаботится о барышне или же укажет вам, как поступить с ней; и ваша задача будет выполнена. Вы слушаете меня?

– С величайшим вниманием, – ответил я, в свою очередь, несколько сухо. – Но мадемуазель, как я понял, довольно молода. Захочет ли она последовать за мной, совершенно чужим ей человеком, если я войду в ее комнату ночью и через окно?

– Об этом мы подумали.

Морнэ обратился к королю Наваррскому, который с минуту пошарил в своих карманах и вынул какой-то небольшой предмет. Он подал его своему товарищу, а тот передал мне. То была половинка золотого каролюса⁶⁸, отломанный край монеты был шероховат и весь в зазубринах.

– Покажите это барышне, друг мой, – продолжал Морнэ. – И она последует за вами. Другая половинка этой монеты у нее.

– Но смотрите, – живо прибавил Генрих, – не упоминайте о короле Наваррском даже ей. Заметьте это себе, де Марсак! Если вам вообще придется говорить обо мне, вы будете иметь честь называть меня своим другом и всегда будете говорить обо мне в этом тоне.

Он сказал все это так любезно, что совершенно очаровал меня. Мое удовольствие ничуть не ослабло, когда его товарищ извлек мешок, содержащий, по его словам, триста золотых крон, и, передав его мне, просил пользоваться им для покрытия путевых расходов.

– Старайтесь, однако, не показывать больших денег, – прибавил он серьезно. – Не возбуждать бы подозрения, что похищение задумано каким-нибудь посторонним лицом. Старайтесь больше обещать, чем давать, а давая необходимое, старайтесь делать вид, будто каждый ливр – последний в вашем кармане.

Генрих кивнул головой в знак согласия.

– Прекрасный совет! – пробормотал он, вставая и накидывая плащ. – Один из тех советов, которые вы мне часто даете, Морнэ, но которыми я, к сожалению, редко пользуюсь.

Тут он взял со стола мой меч и взвесил его в руке.

– Славное оружие! – сказал он, внезапно оборачиваясь и пристально глядя мне в лицо. – Да, славное оружие! Будь я на вашем месте, де Марсак, я позаботился бы о том, чтобы оно не залеживалось в ножнах. Да, а главное, пользуйтесь им! – прибавил он, понижая голос и выставив вперед подбородок, между тем как его серые глаза, все пристальнее смотревшие на меня, казались, стали холодными и твердыми, как сталь. – Пользуйтесь им до последней крайности... Ведь если, Боже сохрани, вы попадетесь в руки Тюрену, я ничего не смогу для вас сделать!

– Если я попадусь, сир, – ответил я, дрожа, но не от страха, – ответственность да падет на мою голову!

При этих словах в глазах короля появилось мягкое выражение: лицо его так изменилось, что я с трудом мог узнать в нем того же человека. Он с грохотом уронил оружие на стол.

– Черт возьми! – воскликнул он, и в голосе его прозвучало какое-то странное сожаление. – Клянусь Богом, хотел бы я быть в вашей шкуре, сударь! Наносить удары, не заботясь о том, что из этого выйдет; пуститься в дорогу на хорошем коне, с хорошим мечом, навстречу удаче и счастью; избавиться от всей этой политики, от всяких бумаг и никогда более не издавать указов; сознавать себя только французским дворянином, который всего может добиться,

⁶⁸ *Carolus* – мелкая низкопробная серебряная монета, стоимость которой подвергалась значительным изменениям в зависимости от времени и места; первоначальная ее стоимость равнялась 10 денье (французские гроши). На *carolus'e* была изображена с одной стороны буква С с короной, как начальная буква слова *Carolus*. Впервые *carolus* был вычеканен в конце XV в., при Карле VII.

которому нечего терять, кроме любви дамы его сердца!.. Ах, Морнэ, разве не приятно было бы покинуть всю эту суету, все волнения и уехать в зеленые леса Коарразы⁶⁹?

– Конечно, если вы предпочитаете их Лувру, сир, – сухо ответил Морнэ, между тем как я с удивлением смотрел на этого странного человека, так быстро переходившего из серьезного настроения в веселое, говорившего то так разумно, то словно необузданный юноша семнадцати лет. – Конечно, если таков ваш выбор, сир; и если вы думаете, что герцог де Гиз оставит вас там в покое. Тюрэн, я уверен, был бы рад вашему решению. Он, конечно, был бы избран Покровителем Церквей. Стыдитесь, сир! – строго продолжал Морнэ. – Неужели вы предоставите милой Франции самой выпутываться из ее нынешнего положения? Неужели вы лишите ее единственного человека, который любит ее ради нее самой?

– Хорошо, хорошо! Но она такая непостоянная возлюбленная, друг мой, – смеясь, возразил король и искоса взглянул на меня. – Никогда мне не приходилось с таким трудом добиваться ласки! Да, кроме того, разве мы с ней не разведены уже папой!

– Папой?! Я ему покажу фигу, этому папе! – гневно и нетерпеливо возразил Морнэ. – Что ему за дело до Франции? Нахал, который суется не в свое дело, да еще итальянец в придачу! Чтoб ему и всему его племени провалиться в бездну морскую! А пока хотелось бы послать ему для размышления один текст...

– Например? – спросил король.

– Что соединил Бог, того не может разъединить человек.

– Аминь! – тихо закончил Генрих. – А Франция – прекрасная и достойная невеста.

Он замолчал и впал, как мне показалось, в такое мрачное настроение, что ушел, даже не попрощавшись со мной и вряд ли замечая мое присутствие. Морнэ обменялся со мной несколькими словами, чтобы убедиться, что я понял все, как нужно. Простившись со мной в любезных выражениях, которые я не преминул запомнить на будущее время, он поспешил вниз по лестнице, вслед за своим господином.

Не трудно представить себе мою радость, когда я остался один. Я не был в безумном восторге: мною овладела скорее тихая, разумная радость. Правда, пульс мой бился ускоренно, и я снова смело и уверенно взглянул в глаза будущему, но воображению моему не рисовались ни дворцы трубадуров⁷⁰, ни другие ослепительные картины. Чем дольше думал я о свидании с королем, тем яснее вставала передо мной правда. По мере того как слабли чары, которыми окутало меня присутствие Генриха и его необыкновенная доброта, я все яснее понимал, почему он пришел именно ко мне. Это не была с его стороны особая милость к человеку, которого он знал только по рассказам или даже только по имени: он нуждался в человеке бедном и потому отважном, средних лет и потому осторожном, – в человеке неизвестном, который поэтому мог служить верным орудием, наконец, в дворянине, так как в дело были замешаны женщина и тайна. И все-таки я был поражен. Переводя взгляд с мешка с деньгами на сломанную монету, я не знал, чему удивляться больше: доверию ли, которое выказал король к разбитому, обедневшему человеку, или мужеству той женщины, которая должна была последовать за мной, доверившись этой монетке.

⁶⁹ Коарраз (Coarraz) – местечко и община в департаменте Нижних Пиренеев (около 2.500 жителей). Генрих IV с любовью вспоминает о Коарразе, потому что был воспитан в этом древнем замке.

⁷⁰ Трубадуры – средневековые певцы-поэты.

Глава III

Собираясь в дорогу

Далеко за полночь я обдумывал все трудности вверенной мне задачи. Я видел, что она распадалась на две части – освобождение дамы и затем благополучное препровождение ее в город Блуа, расположенный в 60 лигах от Шизэ. Что касается освобождения, то я считал вероятным, что сумею выполнить его один или с одним только помощником; но при том тревожном состоянии, в котором находилась тогда вся страна и особенно берега Луары, я не видел возможности обезопасить мою даму, не имея с собой по крайней мере пяти вооруженных людей. Собрать их в несколько часов было нелегким делом, хотя присутствие наваррского двора и наполнило Сен-Жан целой толпой искателей приключений. Однако приказ короля не терпел отлагательства: его следовало исполнить, невзирая ни на какие жертвы, ни на какие опасности. Побуждаемый этими соображениями, я не мог для начала подумать о более подходящем человеке, чем Френуа.

У него был скверный нрав, и он давно потерял всякие притязания на приличие, которых, думаю, у него никогда и не было по отношению к женщинам. Но та самая причина, которая повергла меня в нищету (я говорю о смерти Кондэ), лишила последних крох и его. Это же обстоятельство, вероятно, и вызвало во мне желание помочь ему, и я живо вспомнил все его достоинства. Я всегда знал его за человека бесшабашного, отважного, владевшего искусством наносить хорошие удары. На него можно было положиться, пока обязанности совпадали с его выгодами.

Как только рассвело, я накормил и вычистил Сида – занятие, с которого всегда начинался мой день, – и отправился на поиски Френуа. Мне посчастливилось найти его за утренним шкаликом в «Трех Голубях» – трактирчике недалеко от северной заставы. Мы не виделись больше двух недель, и за это время в нем произошла такая заметная перемена к худшему, что, забыв о скудности собственного одеяния, я косо взглянул на него, словно сомневаясь в том, благоразумно ли будет нанимать человека, имевшего на себе такие явные следы нищеты и разгульной жизни. Его большое лицо (он был из крупных), опухшее и бескровное, носило следы недавних побоев: один глаз был почти закрыт. Он был небрит; волосы его были плохо причесаны, ворот куртки, разорванной и покрытой пятнами, был расстегнут. Несмотря на холод, с полдюжины гуртовщиков пили и бранились перед трактиром, между тем как их скот утолял жажду у водопоя. Вдруг все эти люди, словно по соглашению, отошли от Френуа, предоставив в его распоряжение скамейку, на которой он сидел. Я не удивился этому, когда заметил мрачный, дикий взгляд, который он бросил на меня при моем приближении. Мне было неясно, прочел ли он на моем лице то впечатление, которое произвел на меня его вид, или же гнушался моим обществом по какой-либо другой причине. Не смущаясь, однако, его поведением, я сел рядом с ним и спросил себе вина. Он угрюмо кивнул головой, в ответ на мое приветствие, и бросил на меня исподлобья не то пристыженный, не то сердитый взгляд.

– Вам нечего смотреть на меня, как на собаку, – пробормотал он наконец. – Вы и сами-то не очень шеголевато одеты, друг мой. Но вы, должно быть, возгордились с тех пор, как получили аудиенцию при дворе!

Он громко рассмеялся. Сознаюсь, у меня родилось искушение броситься на него и заткнуть ему глотку. Я, однако, сдержался, хотя щеки у меня горели.

– Вы, значит, слышали об этом? – сказал я, стараясь говорить равнодушно.

– Кто же этого не слышал? – ответил он, смеясь одними губами, между тем как глаза его светились далеко не весельем. – Аудиенция сьера де Марсака! Ха! Ха! Почему же, любезный...

– Довольно об этом! – воскликнул я; могу сказать, я едва усидел на своем месте. – Что касается меня, то я считаю эту шутку избитой, сударь, и она меня ничуть не забавляет.

– Но она забавляет меня, – возразил он, оскалив зубы.

– Бросьте ее тем не менее, – сказал я, и мне показалось, что он заметил угрозу в моих глазах. – Я пришел поговорить с вами по другому делу.

Он не отказался выслушать меня, но, закинув ногу на ногу и уставившись глазами в вывеску трактира, принялся насвистывать с наглым и оскорбительным видом. Памятуя о своей цели, я опять сдержал себя и продолжал:

– Дело вот в чем, мой друг. Ни вы, ни я не имеем теперь лишних денег...

Прежде чем я успел добавить еще что-нибудь, он резко повернулся ко мне и с громким проклятием придвинул свое опухшее разгоряченное лицо вплотную к моему.

– Слушайте, де Марсак! – неистово крикнул он. – Раз и навсегда! Из этого ничего не выйдет!.. Я еще не получил денег и не могу вам заплатить. Когда вы мне одолжили их, две недели тому назад, я обещал вернуть их вам на этой неделе. Да, – продолжал он, ударив рукой по скамье, – я не достал денег, мне ничего не удастся. Вы не получите их: это ясно!

– Черт с ними, с деньгами! – крикнул я.

– Что? – воскликнул он, едва веря своим ушам.

– Оставьте деньги! – гордо ответил я. – Слышите? Я пришел не за ними. Я пришел сюда, чтобы предложить вам дело, благородное и хорошо оплачиваемое, если только вы согласны действовать со мной заодно и готовы честно относиться ко мне, Френуа.

– Честно относиться! – крикнул он с ругательством.

– Да, да, – сказал я. – Я готов забыть прошлое, если и вы сделаете то же. Дело в том, что я решился на одно предприятие и, нуждаясь в помощи, готов заплатить вам за нее.

Он хитро взглянул на меня: глаза его, казалось, пересчитывали все дырки и штопки на моей куртке.

– Я готов помочь вам хоть сейчас, – сказал он наконец. – Но я хотел бы раньше видеть деньги.

– Вы их увидите.

– В таком случае по рукам, друг мой! Рассчитывайте на меня по гроб жизни! – воскликнул он, вставая и пожимая мне руку с шумной откровенностью, которая, однако, не обманула меня и не заставила относиться к нему с большим доверием. – А теперь скажите, что это за дело и кто его заводчик?

– Дело мое, – холодно ответил я. – Нам предстоит похитить одну даму.

Френуа свистнул и вновь взглянул на меня с нахальным выражением в глазах.

– Даму! – воскликнул он. – Гм! Мне было бы понятно, если бы на такое дело пустился какой-нибудь молоденький франт, но вы!.. Кто же она?

– Это тоже мое дело, – равнодушно ответил я, возмущенный продажностью и низостью этого человека и вполне убеждаясь, что ему не следовало слишком доверяться. – От вас, господин Френуа, я требую только, чтобы вы на 10 дней отдали себя в мое распоряжение и исполняли мои приказания. Я доставлю вам лошадь и буду платить вам по две золотых кроны в день, ввиду того, что предприятие наше опасное; и прибавлю еще десять крон, если нам удастся добраться до безопасного места.

– Ага, до такого места, как...

– Этого не бойтесь. Вопрос в том, согласны ли вы?

Он недовольно опустил глаза: я видел, что он был крайне раздосадован моим решением хранить дело в тайне.

– Я не узнаю ничего больше? – спросил он, роя землю концом своих ножен.

– Ни словечка, – твердо ответил я. – Я решился на это отчаянное предприятие, чтобы поправить свои дела, прежде чем они упадут так низко, как ваши. Вот и все, что я намерен поведать какой бы то ни было живой душе. Если вы не расположены рисковать жизнью с закрытыми глазами, скажите мне: я обращаюсь к кому-нибудь другому.

Я хорошо знал, что его положение не позволит ему отказаться от такого предложения: и действительно, он принял его, стараясь даже казаться довольным. Я сказал ему, что нам нужно раздобыть четырех всадников: он вызвался найти их, сказав, что как раз знает подходящих людей. Я просил его, однако, нанять только двоих, не желая вполне отдаваться в его руки; дав ему затем денег на покупку лошади (я поставил условие, чтобы люди, которых он наймет, привели собственных коней) и, назначив ему свидание в час пополудни, я распрощался с ним и в сумрачном настроении отправился домой. Я начинал понимать, что король совсем не преувеличил опасностей предприятия, на которое могли решиться только отчаянные и низко опустившиеся люди. Это соображение ясно указывало на то, что собственных сообщников мне придется опасаться не меньше, чем врага.

Но возвращаться назад было поздно, и я продолжал свои приготовления, если и не с особенной радостью, то по крайней мере неуклонно идя к цели. Точильщик, над которым я жил, отточил мой меч и привел в порядок пистолеты, оказав мне эту услугу с той дружеской готовностью, которая всегда проглядывала в его отношениях ко мне. Я нанял двух здоровых парней, честности которых не особенно верил, но они обладали тем преимуществом, что имели собственных лошадей. Я купил еще двух выючных лошадей для мадемуазель и ее служанки. Я приобрел остальные необходимые принадлежности, уменьшив запас своих денег до 210 крон. Меня сильно беспокоил вопрос: как распорядиться этой суммой, чтобы сохранить, ее в безопасности и в то же время иметь возможность пользоваться ею? Наконец, я обратился к своему другу, точильщику, который посоветовал спрятать одну сотню в шляпу и сейчас же нашел в ней подходящее для этой цели место. Поскольку шляпа была подбита сталью под кольчугой, это не трудно было сделать. Другую сотню я зашил в седло, а остальные деньги положил в карман для текущих расходов.

Мелкий дождь накрапывал на дворе, когда я в сопровождении двух своих людей вскоре после, полудня пустился в путь по направлению к северной заставе. На улицах было столько движения, что мы проехали незамеченными: вряд ли кто-нибудь обратил бы на нас внимание, если бы даже нас было шесть человек, а не трое. Достигнув места свидания, на расстоянии мили за заставой, мы застали Френуа уже там, укрывшимся под большим остролистом с подветренной стороны. С ним было четыре всадника. Увидев нас, он тронулся нам навстречу и радушно крикнул:

– Добро пожаловать, господин капитан!

– Да, добрый день! – ответил я и придержал Сида на некотором расстоянии от него. – А это что за люди, господин Френуа? – и я указал своим хлыстом на его четырех провожатых.

Он попытался обратить дело в шутку.

– Ах, они? – сказал он. – Это не трудно объяснить. Евангелистов нельзя разлучать: поэтому я привел их всех – Матфея, Марка, Луку и Иоанна, думая, что вы пожелаете взять их для большей безопасности. Я, со своей стороны, ручаюсь за них, как за четырех храбрейших молодцов, с которыми вам когда-либо приходилось иметь дело.

Насколько я понял, это были четыре отъявленных мерзавца, каких мне редко приходилось встречать: я понял, что тут не было места колебаниям.

– Двое или ни одного, господин Френуа, – сказал я твердо. – Я поручил нанять двоих, двоих я и возьму, Матфея и Марка или Луку и Иоанна, как вы пожелаете.

– Жаль расстраивать компанию, – заметил он, нахмурившись.

– Если так, то одного из моих людей зовут Иоанном, а другого мы окрестим Лукой: вот дело и поправится.

– Принц Кондэ, – мрачно пробормотал он, – пользовался услугами этих людей.

– Принц Кондэ пользовался иногда странными людьми, господин Френуа, как иной раз приходится каждому, – ответил я, глядя ему прямо в глаза. – Оставьте же, пожалуйста! Мы возьмем Матфея и Марка. А остальных будьте добры отослать обратно.

Он с минуту как будто колебался, словно собираясь послушаться меня, но затем передумал и приказал людям вернуться обратно. Когда я дал каждому из них по серебряной монете, они, несколько раз выругавшись, действительно удалились в сравнительно сносном расположении духа. Френуа хотел сейчас же отправляться в дорогу. Но я не желал, чтобы за нами следили, и приказал подождать, пока те двое не скрылись из виду.

Мы поставили лошадей под дождь: всем не укрыться было под остролистом. Вряд ли когда для похищения дамы снаряжалась такая жалкая компания! Не без огорчения оглянулся я кругом, видя себя вынужденным командовать такими людьми. У нас не было ни одного нештопаного платья, а у троих из моих оруженосцев было только по одной шпоре. Как бы в награду за эти недостатки мы насчитывали два подбитых глаза, включая сюда и Френуа, и один разбитый нос. Лошадь Матфея была лишена хвоста, а обладатель ее, как я теперь только заметил, был совершенно глух. Меч Марка болтался без ножен, а уздечку ему заменяла бечевка. Одно только я заметил с удовольствием. Приведенные мной люди косо поглядывали на тех, которых доставил Френуа; а эти платили им тем же. На это несогласие и на свой меч я возложил все мои надежды. Однако я должен был скрывать свои опасения и подозрения под беззаботным видом. Я обратился с короткой речью к своей страже, которая в один голос поклялась помогать мне до самой смерти. Я отдал приказ двинуться в путь: Френуа и я открывали шествие; за нами следовали Лука и Иоанн с выючными лошадьми; остальные двое составляли прикрытие. Дождь продолжал накрапывать. Местность, которой мы проезжали, даже в хорошую погоду имела мрачный, однообразный вид: я чувствовал, что все сильнее падаю духом по мере того, как день клонился к вечеру. Ответственность, которую я брал на себя, становилась в моих глазах тем серьезнее, чем ближе я присматривался к своей свите. Френуа между тем приставал ко мне со всевозможными расспросами относительно моих планов: злейший враг не мог бы пожелать мне более неприятного товарища.

– Слушайте! – проворчал он, когда мы проехали около четырех лиг. – Вы, однако, не сказали мне, где мы остановимся на ночь, сьер. Вы едете так медленно, что...

– Я берегу лошадей, – коротко ответил я. – Завтра нам не придется отдыхать.

– Ваша лошадь в таком виде, что, пожалуй, выдержит хоть целую неделю, – насмешливо заметил он, бросая злобный взгляд на моего Сардинца, который действительно находился в лучшем состоянии, чем его господин. – У нее во всяком случае достаточно лоснится шерсть.

– Она вполне отвечает своему внешнему виду, – сказал я, слегка задетый его тоном.

– Тут есть лошади получше, – возразил он.

– Я их не вижу, – ответил я.

Я уже успел осмотреть всех лошадей и убедился, что, при всех своих недостатках и некрасивой внешности, они, однако, вполне могли справиться с предстоящей задачей. Но я не заметил среди них никаких особенных достоинств. Вновь осмотрев их, я пришел к тому же выводу: за исключением выючных лошадей, которых я выбрал довольно тщательно, никто не мог соперничать с Сидом ни по скорости хода, ни по внешнему виду. Я высказал это Френуа.

– Не хотите ли испробовать? – насмешливо осведомился он.

– Если вы думаете, что я стану утомлять лошадей, устраивая скачки, вы ошибаетесь, Френуа. Вы знаете, я не мальчик.

– Нет никакой надобности устраивать скачки, – ответил он более спокойно. – Ведь достаточно будет сесть на эту бесхвостую гнедую лошадь Матфея, чтобы испробовать ее ход: и вы скажете, что я прав.

Я взглянул на Гнедка, с его заостренной, лишенной волос мордой, и убедился, что лошадь, хотя и не была породистой, обладала, однако, широкими костями, хорошей спиной и мощными бедрами. Мне показалось, что Френуа мог быть действительно прав; а если у Гнедка еще и сносный нрав, то он мог оказаться более подходящей для женщин лошадью, чем те, которых выбрал я. Если у нас был конь с быстрым ходом, то важно было, во всяком случае,

установить это: попросив поэтому Матфея поменяться со мной и позаботиться о Сиде, я сел на Гнедка и вскоре убедился, что ход у него был легкий и обещал быть быстрым, между тем как нрав у него был такой спокойный, что мог удовлетворить самого робкого седока. Мы проезжали в это время по плоской пустынной степи, усеянной там и сям кустами терновника: неровная каменистая дорога имела более 20 ярдов⁷¹ в ширину, и путешественникам приходилось все время переезжать с одной стороны на другую, чтобы обходить наиболее неудобные места. Меня лошадей, Френуа и я несколько отстали от остальных и ехали теперь рядом с Матфеем.

– Ну, – сказал он, – не был я прав?

– Отчасти да, – ответил я. – Лошадь лучше, чем кажется с виду.

– Как и многие другие, – прибавил он с оттенком обиды в голосе. – И не только лошади, но и люди, господин де Марсак. Ну, что вы скажете? Не пуститься ли нам в галоп, чтобы догнать остальных?

Считая это благоразумным, я, не колеблясь, согласился: мы двинулись вперед. Но не успели мы проехать и ста ярдов и я только что пустил Гнедка полным ходом, как Френуа, слегка дернув повод, повернулся в седле и посмотрел назад.

– Ого! Что это? Уж не эти ли молодцы скачут за нами? – крикнул он тотчас же.

Я быстро обернулся, чтобы посмотреть назад. В ту минуту Гнедок, не оступившись и без всякой видимой причины, упал подо мной, словно подстреленный насмерть, перебросив меня через голову на несколько ярдов. Все это произошло так внезапно, что я не успел подставить рук и тяжело упал на голову и плечи, потеряв сознание. Не раз приходилось мне падать, но никогда столь неожиданно. Когда я пришел в себя, то увидел, что сижу, прислонившись к стволу старого терновника. Голова у меня кружилась; я чувствовал себя дурно. Френуа и Матфей поддерживали меня с обеих сторон. Трое остальных держались в нескольких шагах от меня, верхом на своих лошадях; их фигуры резко выделялись на покрытом облаками вечернем небе. Я был так ослеплен в первую минуту, что не заметил ничего больше, и то лишь бессознательно. Но мало-помалу голова моя начала проясняться. Удивление, вызванное у меня присутствием незнакомцев, сменилось полным пониманием: я вспомнил все, что случилось.

– Лошадь ушиблась? – пробормотал я, как только в состоянии был выговорить слово.

– Ничуть, – ответил Френуа, усмехнувшись, как мне показалось. – Боюсь, что вам досталось больше, капитан.

Говоря это, он обменялся взглядами со всадниками: мне показалось, что те улыбнулись. Один из них даже засмеялся, а другой повернулся в седле, чтобы скрыть свое лицо. Я смутно сознавал, что тут разыгрывалась какая-то шутка, в которую я не был посвящен. Но я был еще так потрясен, что не мог чувствовать особенного любопытства, и с благодарностью принял предложение одного из провожатых, который вызвался принести мне воды. Пока он отсутствовал, остальные стояли вокруг меня с тем же выражением плохо скрытой насмешки в лицах. Только один Френуа пространно обсуждал происшедшее, сыпал выражениями сочувствия и проклинал дорогу, лошадь, зимний блеск, пока не подспела вода. Подкрепленный несколькими глотками, я кое-как вскарабкался на Сиду и медленно двинулся вперед вместе со всеми.

– Плохое начало, – сказал Френуа, украдкой бросая на меня лукавый взгляд, в то время как мы ехали с ним бок о бок.

До Шизэ оставалось всего полмили, и над нами уже спускались сумерки. Я между тем успел окончательно прийти в себя: только в голове оставался еще глухой шум. Пожав плечами, я согласился с ним.

– Все хорошо, что хорошо кончается, – прибавил я. – Я не хочу этим сказать, что падение было из приятных, или что я желал бы упасть так еще раз.

– Надеюсь! – ответил он.

⁷¹ Ярд – единица длины в Англии, равен 30 футам = 0, 91 м.

Френуа отвернулся от меня; мне показалось, что он едва сдерживал смех. Какое-то смутное подозрение побудило меня, минуту спустя, сунуть руку в карман. Тут я понял все. Удивление, вызванное во мне этим открытием, было так велико, что невольно дал шпоры Сиду. Лошадь рванулась вперед.

– В чем дело? – спросил Френуа.

– Дело? – повторил я, все еще держа руку за поясом и безнадежно ощупывая карманы.

– Да, что случилось? – спросил он, с наглой улыбкой на своем бесстыжем лице.

Я взглянул на него; лицо мое горело, как в огне.

– О, ничего, ничего! – сказал я. – Поедемте скорее.

В действительности же я обнаружил, что, пока я лежал без чувств, негодяи похитили все мои золотые кроны. Мало того. Я сразу понял, что, они достигли несравненно более страшных и зловещих для меня результатов: они установили между собой то тайное сообщество, которое я стремился предотвратить. Я понял, что был обязан жизнью своему другу точильщику и собственному благоразумию: ведь эти негодяи наверно убили бы меня без зазрения совести, если бы им удалось найти все мои деньги. Обманувшись в этом, но уверенные, что у меня были еще средства, они отказались от своего злодейского намерения. В ожидании более благоприятного случая, я достаточно владел собой, чтобы воздержаться от бесполезных обвинений и от угроз, к которым не люблю прибегать, не имея возможности привести их в исполнение. Но я понял, что в таком опасном положении я рисковал не только своей, но и чужой жизнью, и почувствовал необходимость обдумать наедине свои дальнейшие поступки.

Вскоре перед нами показались башни замка Шизэ. Тут я сказал Френуа, что мы остаемся на ночь в деревне, причем попросил его взять с собой людей и позаботиться о комнатах в гостинице. Но в нем сейчас же проснулись подозрения и любопытство: он решительно отказался оставить меня одного. Мошенник вероятно настоял бы на своем отказе, если б я не остановил лошадь и не показал ему ясно, что настою на своем, или же дело между нами дойдет до открытого разрыва. Как я и ожидал, он отступил перед этой последней возможностью и, попрошавшись со мной, ускакал со всеми людьми. Я подождал, пока они скрылись из виду, затем повернул Сиду, переехал небольшой ручеек, отделявший дорогу от места охоты, и, выбрав тропинку, которая, казалось, вела через лес по направлению к замку, поехал по ней, зорко осматриваясь по сторонам. Мысли мои обратились к той знатной богатой незнакомке, которая была уже так близка от меня. По мере приближения мысль о ней приводила меня в крайнее замешательство: тут только я сделал открытие, от которого у меня по всем членам пробежала дрожь. Десять крон! Увы, я потерял ту половинку монеты, которую дал мне король Наваррский, которая составляла мою единственную верительную грамоту. Она конечно исчезла вместе со всем остальным, что было у меня в кармане. Я подобрал повод и несколько минут оставался без движения, воплощая собой само отчаяние. Ветер, завывавший в обнаженных сучьях над головой, круживший по земле целые кучи желтых листьев и замиравший в шелестевшем папоротнике, нигде, казалось, не встречал такого горя, какое овладело мною в эту минуту.

Глава IV

Мадемуазель де ля Вир

В первую минуту я готов был броситься вслед за бездельниками и, с мечом в руках, потребовать у них монету. Несколько успокоившись, я отказался от этого невозможного намерения и решил действовать так, как если бы монета все еще находилась в моих руках, и прибегнуть к откровенному объяснению, когда наступит время. Решив немного ознакомиться с окрестностями, пока еще было светло, я начал осторожно пробираться вперед между деревьями. Не прошло пяти минут, как глазам моим представился один из угловых фасадов замка – здания времен Генриха II, воздвигнутого, как и большинство построек той эпохи, скорее для удовольствий, чем для защиты, и украшенного прелестными башенками и окнами. При всем том здание имело унылый, запущенный вид благодаря уединенности местоположения, позднему времени и, кажется, немногочисленности населения: ни на террасе, ни в окнах не было видно ни души. С деревьев, посаженных так близко к самому дому, что они едва пропускали свет в комнаты, падали капли дождя. Все это позволяло мне надеяться, что желания девушки будут согласоваться с моими просьбами. Трудно было поверить, чтобы молодая знатная девушка, родственница веселого и живого Тюрена, знакомая с придворными увеселениями, по собственной воле удалилась на зиму в такое мрачное уединение.

Воспользовавшись последними минутами дневного света, я осторожно объехал вокруг дома и, держась в тени деревьев, без труда заметил на северо-восточной стороне замка балкон, о котором мне говорили. Этот полукруглый балкон был обнесен каменными перилами и возвышался футов на 15 над проходившей под ним насыпной дорожкой, отделенной от леса глубоким рвом. С удивлением заметил я, что окно, выходившее на этот балкон, было открыто, несмотря на дождь и холодный вечер. Мало того. Мне положительно повезло. Не успел я взглянуть на окно, прикидывая его высоту и другие частности, как в ту же минуту, к великой моей радости, в нем появилась плотно закутанная женская фигура, которая вышла на балкон и стала смотреть на небо. Я стоял так далеко, что не мог различить, была ли то сама мадемуазель Вир или ее служанка; но в ее осанке чувствовалась такая печаль, такой упадок духа, что я не сомневался, что это была одна из них. Решившись не упускать случая, я поспешно спрыгнул с коня и, не привязав Сида, пешком двинулся вперед, пока не остановился на расстоянии нескольких шагов от окна.

Женщина заметила меня. Она отступила назад, но не скрылась. Продолжая всматриваться в меня, она тихонько позвала кого-то из комнаты: в ту же минуту на балконе появилась вторая, более высокая и крепкая фигура. Я уже раньше снял шляпу и теперь тихим голосом спросил, не имею ли чести говорить с мадемуазель де ля Вир. Среди надвигавшейся темноты невозможно было различить лица.

– Тсс! – предостерегающим голосом пробормотала более высокая фигура. – Говорите тише. Кто вы и что здесь делаете?

– Я явился сюда, – почтительно ответил я, – по поручению друга той дамы, которую я назвал, чтобы отвезти ее в безопасное место.

– Боже мой! – послышался быстрый ответ, – Теперь?.. Это невозможно.

– Нет, – прошептал я, – не теперь, а ночью. Луна восходит в половине третьего. Лошади мои нуждаются в отдыхе и корме. В три часа я буду под этим окном, захватив все необходимое для бегства, если барышне угодно будет следовать за мной.

Я чувствовал, что они всматривались в меня через темноту, словно стараясь проникнуть в мою душу.

– Ваше имя, сударь? – прошептала наконец меньшая фигура после молчания, полного нерешительности и возбуждения.

– Я не думаю, чтобы имя мое могло иметь теперь значение, мадемуазель, – ответил я, не желая назвать себя. – Когда...

– Ваше имя, ваше имя, сударь! – властно повторила она; и я слышал, как она топнула своим каблучком о каменный пол балкона.

– Гастон де Марсак, – неохотно ответил я. Обе они вздрогнули и одновременно вскрикнули.

– Не может быть! – воскликнула та, которая говорила последней, с досадой и удивлением в голосе. – Это шутка, сударь! Это...

Она предоставила мне догадываться о том, что хотела сказать еще: в эту минуту прислужница ее (я уже не сомневался теперь, которая из двух была мадемуазель и которая Фаншетта) закрыла рукой рот своей госпоже и указала ей на комнату. После минутного колебания, сделав мне предостерегающий знак, обе повернулись и исчезли в окне.

Я, со своей стороны, не замедлил укрыться под деревьями. Далеко не удовлетворенный свиданием, я решил, однако, что ничего не мог сделать больше, а, оставаясь по соседству с замком, мог только навлечь на себя подозрения. Поэтому я вновь сел на лошадь и выехал по большой дороге в деревню, где нашел своих людей, шумно въезжавших в гостиницу – жалкую лачугу с окнами без стекол, с огнем, разведенным на земляном полу. Первой моей заботой было поставить Сида в сарай, где с помощью какого-то полуголого мальчишки, казалось, прятавшегося в этом сарае, я удовлетворил, насколько мог, все его потребности. Затем я вернулся к передней стороне дома, предварительно обдумав, как приступить к предстоящей мне задаче. Проходя мимо одного из окон, полузакрытого грубой занавеской, сделанной из старого мешка, я остановился, чтобы заглянуть в комнату. Френуа и его четыре бездельника сидели вокруг огня на деревянных чурбанах и кричали, расположившись словно у себя дома. Какой-то разносчик, сидевший в углу со своими товарами, поглядывал на них с очевидным страхом и подозрением. В другом углу двое детей забрались под осла, спина которого служила насестом нескольким домашним птицам. Трактирщик, здоровый детина с толстой дубиной в руке, сердито нахмурившись, сидел на нижних ступенях лестницы, которая вела на чердак, а неряшливо одетая женщина, раздававшая посетителям ужин, казалось, одинаково боялась и гостей своих, и муженька.

Уверившись в подозрении, что негодяи опять замышляют что-то против меня, я шумно растворил дверь и вошел в комнату. Френуа насмешливо взглянул на меня; один из людей рассмеялся. Остальные хранили молчание; но никто из них не двинулся и не приветствовал меня. Не колеблясь ни минуты, я подошел к ближайшему парню и сильным ударом выбил из под него чурбан.

– Вставай, негодяй, когда я вхожу! – крикнул я, давая волю накипевшей во мне злобе. – И ты тоже!..

Еще удар – и второй чурбан полетел вслед за первым, а палка моя между тем несколько раз прошла по спине негодяя.

– Не умеете себя держать, бездельники! Убирайтесь вон, очистите место старшим!

Они встали, ворча и ощупывая свое оружие, и с минуту стояли против меня, поглядывая то на меня, то искоса на Френуа. Но он не подавал никаких знаков, товарищи же их только смеялись: в эту затруднительную минуту мужество покинуло их, они с недовольным видом перебрались на другую сторону очага, где и уселись, насупившись. Я, со своей стороны, сел рядом с их вожаком.

– Этот господин и я будем кушать здесь, – крикнул я человеку на лестнице. – Прикажете вашей жене дать нам все, что у вас есть лучшего, а этих бездельников потрудитесь накормить в таком месте, чтобы до нас не доносился запах их засаленных курток!

Обрадовавшись моему властному вмешательству, хозяин оставил свое место и очень проворно начал накрывать для нас стол и наливать вино, между тем как жена его наполнила наши

тарелки из черного горшка, висевшего над огнем. На лице Френуа блуждала между тем веселая улыбка, свидетельствующая о том, что он понимал мои намерения, но, уверенный в своем влиянии на наших людей, равнодушно относился к моим поступкам. Я показал ему, однако, что наши с ним счета еще не были сведены. Согласно моему приказанию, стол наш находился на таком расстоянии от всех остальных, что они не могли слышать нашего разговора; а я мало-помалу придвигался все ближе к нему.

– Господин Френуа! – сказал я. – Мне кажется, что вы готовы забыть одну вещь, которую вам следовало бы помнить.

– Что такое? – проворчал он, едва достаивая меня взгляда.

– А то, что вы имеете дело с Гастоном де Марсаком, – спокойно ответил я. – Как я уже говорил вам сегодня утром, я делаю последнюю попытку поправить свои дела и не позволю никому – понимаете, господин Френуа, никому! – безнаказанно стать мне поперек дороги.

– Кто же думает становиться вам поперек дороги? – нагло спросил он.

– Вы! – твердо ответил я, продолжая в то же время угощаться лежавшим подле черным хлебом. – Вы обокрали меня сегодня днем: я сделал вид, что этого не заметил. Вы поощряли этих людей в их нахальстве: я и это вам спустил. Но позвольте сказать вам следующее: если вы измените мне сегодня ночью, клянусь честью дворянина, господин Френуа, я заколю вас, как жаворонка.

– В самом деле? Но в эту игру могут играть двое! – крикнул он, быстро вскакивая со стула. – А еще лучше вшестером! Не лучше ли бы вам пообождать, господин де Марсак?..

– Я думаю, что лучше бы вам выслушать еще кое-что, прежде чем прибегать к помощи этих людей, – холодно ответил я, оставаясь на своем месте.

– Хорошо! – сказал он, по-прежнему стоя. – В чем дело?

– Ну, – возразил я, еще раз напрасно указав ему на стул, – если вы предпочитаете выслушать мои приказания стоя, то как вам угодно.

– Ваши приказания? – крикнул он с внезапным возбуждением.

– Да, мои приказания! – возразил я, быстро вскакивая на ноги и вынимая из ножен свой меч. – Мои приказания, сударь! – громко повторил я. – Если же вы оспариваете мое право приказывать в этом деле, равно как и платить за все, то давайте решим этот вопрос здесь же, немедленно, вы и я, один на один, господин Френуа.

Ссора, которую я готовил все это время, вспыхнула, однако, так внезапно, что никто не двинулся с места. Только женщина отступила назад к своим детям; все остальные сидели, разинув рты. Достаточно было им шевельнуться, достаточно было малейшей суматохе разгорячить в нем кровь – и, я не сомневаюсь, Френуа принял бы мой вызов, так как вовсе не лишен был отваги. Но тут, среди всеобщего молчания, лицом к лицу со мной, мужество изменило ему. Он остановился, поглядывая на меня нетвердым взглядом и не говоря ни слова.

– Итак, – сказал я, – не согласитесь ли вы, что раз я плачу, то имею право и отдавать приказания, сударь?

– Кто же думает ослушиваться ваших приказаний? – пробормотал он, залпом осушая стакан и усаживаясь на место с нахальным и хвастливым видом, стараясь скрыть свое поражение.

– Если вы не думаете, то и никто не думает, – ответил я. – Теперь все ладно. Еще вина, хозяин!

Френуа, видимо, дулся на меня и сидел молча, держа в руке стакан и сердито опустив глаза на стол. Он чувствовал унижение, которому подверг себя сам, и понимал, что это минутное колебание лишило его ореола в глазах его дружков-бездельников. Поэтому я поспешил смягчить его, изложив свои планы на предстоящую ночь, и преуспел в этом даже сверх ожидания: когда он услышал имя дамы, которую я собирался похитить, и узнал, что она находится в замке Шизэ, изумление уничтожило в нем последние следы досады. Он посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Боже мой! – воскликнул он. – Да знаете ли вы, что делаете, сьер?

– Надеюсь, что да, – ответил я.

– Знаете ли вы, кому принадлежит замок?

– Виконту Тюрену.

– И знаете также, что мадемуазель де ля Вир его родственница?

– Да, – сказал я.

– Боже мой! – воскликнул он снова и посмотрел на меня, разинув рот.

– В чем дело? – спросил я равнодушно, хотя смутно чувствовал, что знаю, чересчур хорошо знаю, чем тут пахнет.

– Да ведь он раздавит вас, как я эту шляпу! – ответил он в сильном возбуждении. – Кто же, вы думаете, заступится за вас в частном споре такого рода? Король Наваррский? Франция? Ваш покровитель?.. Ни один из них! Уж лучше бы вы похитили драгоценные камни из королевской короны (король человек слабый), бумаги, касающиеся последнего заговора Гиза (он бывает иногда великодушен), или последнюю возлюбленную короля Наваррского (он податлив, как старый башмак)! Говорю вам, лучше вам иметь дело со всеми ними, чем дотронуться до овечки Тюрена, если только вы не имеете желания быть колесованным. Клянусь Богом, это так!

– Очень вам благодарен за ваш совет, – упрямо ответил я. – Но жребий брошен. Я вполне решился. Впрочем, если вы боитесь, господин Френуа...

– Я боюсь, я очень боюсь, – откровенно сознался он.

– Но нет никакой надобности, чтобы ваше имя появлялось в этом деле, – ответил я. – Я беру ответственность на себя. Я оставлю лишь свое имя здесь в гостинице, где несомненно будут наводить справки.

– Конечно, это уже кое-что, – задумчиво ответил он. – Хорошо, это – неприятное дело, но я участвую в нем. Вы желаете, чтобы я выехал вместе с вами сейчас, после двух часов, не правда ли? Остальные должны быть готовы в три, так?

Я выразил свое согласие, довольный тем, что он так скоро успокоился. Обсудив еще несколько раз все подробности, мы решили удирать через Пуатье⁷² и Тур⁷³. Я конечно не сказал ему, почему я выбрал пристанищем Блуа, равно как не объяснил и того, что намеревался там делать, хотя он настойчиво расспрашивал меня, и мои уклончивые ответы приводили его в задумчивое, даже мрачное настроение. Вскоре после восьми мы удалились наверх спать. Люди наши расположились внизу вокруг огня, и их громкий храп, казалось, потрясал все ветхое старое здание. Хозяина нашего мы попросили не ложиться и разбудить нас, как только взойдет луна. Оказалось, однако, что я мог бы взять эту обязанность на себя: от возбуждения и всяческих сомнений я почти не мог спать и уже долго лежал с открытыми глазами, когда услышал шаги трактирщика на лестнице. Я быстро вскочил на ноги; Френуа последовал за мной. Не теряя времени на разговоры, мы сели на коней и, взяв по запасной лошади, выехали на дорогу, прежде чем луна показалась над деревьями. Достигнув ограды парка, мы сочли более разумным сойти с лошадей и, не встретив по пути никаких затруднений, вскоре добрались до замка, верхняя часть которого блестела ровным холодным сиянием в лучах луны.

Прекрасная ночь и безоблачное небо придавали всему этому месту нечто торжественное, и я невольно остановился на минуту, охваченный каким-то страхом и благоговением, наряду с полным сознанием той ответственности, которую готов был взять на себя. В этот короткий про-

⁷² Пуатье (Poitiers) – замечательный своей стариной город западной Франции. Он был столицей важной провинции Пуату.

⁷³ Тур (Tours) – город в департаменте Энд-ры-и-Луары, в 230 верстах от Парижа, на левом берегу Луары (65.000 жителей). Религиозные войны сильно отразились на развитии этого города. Учение Кальвина нашло себе в Туре многочисленных последователей: в 1561 г. город был взят главой гугенотов, принцем Кондэ. Произведенные там гугенотами опустошения церквей и монастырей послужили позднее причиной жестокостей со стороны католиков. Генрих III перенес в Тур парламент и казначейство, чем значительно содействовал развитию города. Генрих IV, до взятия Парижа, считал Тур столицей своего государства. Тур замечателен еще тем, что в нем происходило 16 церковных соборов.

межуток времени в уме моем промелькнули все предстоявшие опасности: и у меня в последний раз явилось искушение отказаться от всего этого отчаянно-безумного предприятия. В такой поздний час кровь вообще медленнее течет по жилам, а я вдобавок провел перед тем бессонную ночь и теперь находился на холодном зимнем воздухе. Только воспоминание о моем одиноком существовании, о полном лишений и неудач прошлом, о пробивавшейся в волосах седине, о мече, который я всегда носил с честью, хотя и без особенной пользы для себя, – только мысль обо всем этом вернула мне самообладание и мужество. Потом я понял, что и товарищ мой переживал нечто подобное: когда я нагнулся, чтобы спутать лошадей, он положил руку мне на плечо. Я взглянул на него: меня поразило дикое выражение его лица, столь бледного при лунном свете, и особенно глаз, блестевших, как у сумасшедшего. Он пытался говорить, но, казалось, не мог. Мне пришлось обратиться к нему с резким вопросом, прежде чем у него развязался язык. Когда он наконец заговорил, это были лишь бессвязные просьбы отказаться от предприятия, вернуться назад.

– Как, теперь? – удивленно спросил я. – Теперь, когда мы уже здесь, Френуа?

– Ах, откажитесь от этого! – крикнул он, неистово трясая мою руку. – Откажитесь! Говорю вам, плохо кончится!

– Что бы ни было, – холодно ответил я, освобождаясь от его руки, – я иду вперед. Вы, господин Френуа, можете поступать, как вам угодно.

Он вздрогнул и отвернулся от меня, но не проронил ни слова. Когда я отправился, чтобы принести лестницу с места, замеченного мною еще днем, он последовал за мной и в том же мрачном молчании сопровождал меня назад, к дорожке под балконом. Я уже неоднократно с нетерпением поглядывал на заветное окно, но не замечал там ни света, ни малейшего движения. Хотя это могло служить признаком того, что заговор мой открыт, или же ля Вир мне не доверяет, я, не колеблясь, тихо подставил лестницу к балкону, поручая Френуа остаться внизу на страже и защищать лестницу в случае нападения.

Осторожно поднявшись и держа в левой руке меч в ножнах, я перескочил через перила балкона. Протянув руку, я нащупал покрытую свинцом оконную раму и тихонько постучал. Окно поддалось, и я вошел в комнату. Я почувствовал, как на меня легла чья-то невидимая рука: кругом было совершенно темно. Рука провела меня на два шага вперед, затем остановила внезапным движением. Я слышал, как позади меня затянули занавес. Вслед за тем кто-то снял крышку с ночника – и комната наполнилась слабым, но достаточным светом.

Я понимал, что этот затянувшийся над окном занавес отрезал мне отступление, словно закрывшаяся дверь. Но недоверие и подозрения тотчас уступили место замешательству, ощущаемому человеком в ложном положении, из которого он может освободиться только при помощи щекотливого объяснения. Я находился в длинной, узкой, невысокой комнате. Завешанная какими-то темными тканями, поглощавшими свет, она оканчивалась еще более мрачным альковом. Два-три огромных сундука, с одного из которых еще не убраны были остатки обеда, стояли вдоль стен. Посреди пола лежала грубая циновка, на которой помещались небольшой стол, кресло, ножная скамеечка, пара стульев и несколько мелких предметов, разбросанных вокруг пары до половины наполненных седельных сумок. Меньшая и более тонкая из двух виденных мною фигур стояла около стола, в дорожном плаще, с маской на лице. Молчаливый вид, с которым она рассматривала меня, и вся ее холодная, полная презрения осанка смущали меня даже больше, чем сознание того, что я потерял ключ, который мог открыть мне доступ к ее доверию. Большая фигура оказалась здоровой, краснощекой женщиной лет тридцати, с большими черными глазами, нетерпеливой и грубой в обращении, что она выказала несколько позже, когда заговорила со мной. Мои представления о Фаншетте отнюдь не соот-

ветствовали внешности этой женщины с деревенскими манерами и мужицкой речью, которая скорее походила на дуэнью⁷⁴, чем на горничную придворной красавицы.

Она стояла позади госпожи, положив свою красную грубую руку на спинку кресла, с которого барышня, очевидно, встала при моем появлении. Несколько секунд, показавшихся мне минутами, мы стояли молча, осматривая друг друга; на мой поклон мадемуазель ответила легким кивком. Она, видимо, ждала, чтобы я заговорил.

– Мадемуазель де ля Вир? – нерешительно пробормотал я.

Она вновь только кивнула головой. Я попытался говорить с большей уверенностью.

– Извините меня, мадемуазель, если я буду краток: время дорого. Лошади стоят в ста ярдах от дома; все готово к вашему бегству. Если мы двинемся сейчас же, нам удастся уйти беспрепятственно. Малейшее промедление, хотя бы на один час, и наш замысел может быть открыт.

Вместо ответа, она засмеялась под своей маской, засмеялась холодно и насмешливо.

– Вы очень спешите, сударь, – сказала она, и ее низкий чистый голос, вполне соответствовавший ее смеху, поднял в моей душе чувство гнева. – Я вас не знаю: вернее, не знаю о вас ничего такого, что давало бы вам право вмешиваться в мои дела. Вы слишком надеетесь на себя, сударь. Вы говорите, что вас направил сюда друг. Кто именно?

– Некто, кого я горжусь называть этим именем, – ответил я, призывая на помощь все свое терпение.

– Его имя!

Я твердо отвечал, что не могу назвать его, и в упор посмотрел на нее. Казалось, она на минуту смутилась и стала в тупик, но после короткого молчания продолжала:

– Куда же вы думаете отвезти меня, сударь?

– В Блуа, на квартиру одного из друзей моего друга.

– Вы смелы на словах! – ответила она с легкой усмешкой, – Вы, по-видимому, приобрели высокопоставленных друзей за последнее время... Но вы, без сомнения, имеете ко мне письмо или по крайней мере какой-нибудь знак, какое-нибудь удостоверение, какую-нибудь поруку в том, что вы действительно тот, за кого себя выдаете, господин де Марсак.

– Дело в том, мадемуазель, – заметил я, – я должен вам объяснить. Я сказал бы вам...

– Нет, сударь! – порывисто крикнула она. – Тут нечего говорить. Если вы имеете то, о чем я говорю, покажите мне. Это вы теряете время.

Я потратил не много слов и, видит Бог, и не думал тратить их много. Но, сознавая свою оплошность, я мог только изложить правду, что я и сделал с величайшим смирением:

– Я имел в своих руках тот знак, о котором вы говорите, мадемуазель: это половинка золотой монеты, врученная мне моим другом. Но, к стыду своему, я должен сознаться, что она украдена у меня...

– Украдена! – воскликнула она.

– Да, мадемуазель: поэтому я и не могу показать вам ее.

– Вы не можете показать ее? И вы осмеливаетесь явиться ко мне без нее? Вы!.. – крикнула она с такой силой, что положительно ошеломила меня, хотя я и ожидал упреков.

Едва переведа дух, она осыпала меня бранью, обозвала нахалом, человеком, сующимся не в свое дело, и наделила еще множеством эпитетов, которые мне стыдно вспомнить. При этом она обнаружила такую страстность, которая удивила бы меня даже в ее служанке, а в этом хрупком и на вид столь нежном создании совершенно смутила меня. Сознавая свою вину, я не мог, однако, понять особой горечи и надменности ее речи и смотрел на нее в немом удивлении, пока она сама не дала мне ключа к своим чувствам. В новом порыве ярости она сорвала с себя

⁷⁴ Дуэнья (duenna) – то же, что донна, госпожа. В Испании так называют почетную надзирательницу за молодыми девушками. Эти евнухи в юбках напоминают взгляд мавров на женщину.

маску, и я, к удивлению своему, увидел перед собой ту самую молодую фрейлину, с которой встретился в передней короля Наваррского и которую имел несчастье подвергнуть насмешкам Матюрины.

– Кто платит вам за то, что вы делаете меня посмешищем двора, сударь? – продолжала она, сжимая свои тонкие руки, со слезами досады на глазах. – Мало того, что я принуждена была считать вас поверенным лиц, от которых имею право ожидать помощи! Мало того, что, благодаря их необдуманному выбору, мне пришлось предпочесть ненавистный плен, лишь бы избавиться от того смешного положения, в которое ставит меня ваше вмешательство! Но чтобы вы осмелились еще, по собственному почину, следовать за мной, – вы, предмет насмешек двора...

– Мадемуазель! – крикнул я.

– Оборванец, искатель приключений! – продолжала она, словно упиваясь своей жестокостью. – Это превосходит все пределы! Это невыносимо! Это...

– Нет, мадемуазель, вы выслушаете меня! – крикнул я так решительно, что она наконец остановилась. – Пусть я беден, но я все-таки дворянин! Да, мадемуазель, дворянин и последний отпрыск семьи, которая стояла не ниже вашей. Я требую, чтобы вы меня выслушали. Клянусь, что, являясь сюда сегодня ночью, я думал встретить в вас совершенно незнакомое мне лицо: я не знал, что уже видел вас раньше.

– Зачем же вы явились? – злобно спросила она.

– Меня просили явиться сюда те лица, о которых вы упомянули. За мной одна только вина: они вручили мне монету, которую я потерял. За это прошу у вас прощения.

– Да, вам приходится просить прощения, – ответила она с горечью, хотя, как мне показалось, с изменившимся выражением. – Если рассказ ваш правдив, сударь...

– Да, да! – подтвердила стоявшая позади нее женщина. – Что за вздор, в самом деле! Много шуму из пустяков! Вы выдаете себя за дворянина, а между тем носите такую куртку, что...

– Замолчите, Фаншетта! – повелительно заметила мадемуазель.

С минуту она стояла молча, пристально глядя на меня; губы ее дрожали от волнения; на щеках выступили два красных пятна. Платье ее и другие подробности свидетельствовали, что она решила бежать, если бы я мог показать ей монету. Заметив, это и зная, как неохотно отказываются молодые девушки от раз принятых решений, я все еще надеялся, что она не будет упорствовать в своем недоверии. Так и вышло. Она заговорила уже со спокойным презрением.

– Вы ловко защищаетесь, сударь, – сказала она, барабанив пальцами по столу и не сводя с меня глаз. – Но не можете ли вы объяснить мне, что побудило упомянутую вами особу выбрать такого посла?

– Могу, – смело ответил я. – Эта особа желала отвлечь от себя всякие подозрения в содействии вашему бегству.

– О! – крикнула она с оттенком прежней страстности. – Значит, будут говорить, что мадемуазель де ля Вир бежала из Шизэ с де Марсаком?.. Я так и думала!

– При содействии г. Марсака, – возразил я, холодно поправляя ее. – Вам, мадемуазель, приходится взвесить, что хуже: эти ли толки или неприятность пребывания здесь? Мне остается лишь попросить вас решаться поскорей. Я и так уже замешкался здесь.

Едва успел я выговорить эти слова, как, словно в подтверждение им, до нас донесся какой-то отдаленный звук: то был шум захлопнувшейся двери. Прозвучав по дому в такой поздний час (по моему соображению, было уже больше трех), он не мог предвещать ничего доброго. Мы еще стояли, прислушиваясь, как вдруг за этим, последовали другие звуки – приглушенный крик и топанье тяжелых шагов в отдаленном коридоре. Мадемуазель взглянула на меня, я – на ее служанку.

– Дверь! – пробормотал я. – Заперта?

– И заколочена! – ответила Фаншетта. – Да еще заставлена большим сундуком. Пусть ломятся: они не могут нам причинить никакого вреда.

– В таком случае, вы имеете еще время решиться, мадемуазель, – прошептал я, отступая на шаг назад и кладя руку на задернутую над окном занавеску. Я старался казаться хладнокровнее, чем был на самом деле. – Еще не поздно. Если вы предпочитаете остаться, хорошо: я ничего не могу сделать. Но если вы решитесь довериться мне, то, клянусь честью дворянина, я буду достоин этого доверия, буду служить вам верой и правдой, буду защищать вас до последней капли крови. Больше я ничего не могу вам обещать.

Она дрожала, поглядывая то на меня, то на дверь: с другой стороны двери в эту минуту раздался громкий стук. Казалось, это придало ей решимости.

Раскрыв губы, с возбуждением в глазах, она поспешно обернулась к Фаншетте.

– Ах, ступайте, пожалуй! – угрюмо ответила женщина, поняв ее взгляд. – Худшего негодяя, чем тот, которого мы знаем, не может быть. Но если уж мы тронемся, помоги нам Боже! Мы дорого поплатимся, если он догонит нас.

Сама девушка не сказала больше ни слова; но этого было достаточно. Шум за дверью усиливался с каждой минутой; к нему примешивались теперь еще сердитые возгласы по адресу Фаншетты, приказания отворить дверь и угрозы за промедление. Схватив одну из седельных сумок и быстро отдернув покрывавшую окно занавеску, я положил конец этой сцене. В ту же минуту Фаншетта погасила огонь, хотя эта предосторожность, несколько запоздала. Широко раскрыв окно, я вышел на балкон, в сопровождении обеих женщин. Луна стояла уже высоко на небе и, заливая светом небольшое открытое пространство перед домом, позволяла ясно видеть все, что происходило внизу около лестницы. Френуа не было на его посту и не видно было нигде кругом. Но слева, с задней стороны замка, до меня донесся крик, возвестивший, что опасность угрожала нам уже не только из внутренних комнат: я решил, что мой товарищ отправился туда, чтобы отразить нападение. Без дальнейших размышлений, я стал быстро спускаться по лестнице, держа в одной руке меч, а в другой сумку. Я наполовину спустился, а мадемуазель уже вступила на лестницу вслед за мной, когда внизу послышались шаги Френуа, который бежал с мечом в руке.

– Живо! – крикнул я. – К лошадям, отвяжите их! Быстрее!

Я продолжал спускаться, думая, что он побежал исполнить мое приказание. Но едва успел я поставить ногу на землю, как сокрушительный удар в бок отбросил меня на несколько шагов в сторону. Нападение было так внезапно, что я вероятно никогда не узнал бы, кто нанес мне этот удар и как близок я был к смерти, если б не увидел, почти рядом с собой, разъяренное лицо Френуа и не услышал его прерывистого дыхания, в то время как он пытался высвободить свой меч, вонзившийся в мою седельную сумку. К счастью, я понял это раньше, чем он успел высвободить свое оружие. Сознание это придавало силы моей руке. Я не мог обнажить меча в этой рукопашной схватке, но, отбросив спасшую мне жизнь сумку, два раза так сильно ударил негодяя рукояткой по лицу, что он упал навзничь на траву: на его обращенном кверху лице появилось темное, все расширявшееся пятно. Я едва успел справиться с ним, как обе женщины уже достигли нижних ступеней лестницы и остановились рядом со мной.

– Живо! – крикнул я им. – Иначе они нас настигнут.

Схватив мадемуазель за руку в ту самую минуту, как из-за угла дома показалось с полдюжины бегущих людей, я перескочил с нею через канаву и бросился через открытое пространство, отделявшее нас от деревьев. Когда мы укрылись под ними, мне оставалось еще поспешно снять путы с лошадей и посадить на них девушку со служанкой. Но удивительное присутствие духа моих спутниц и нерешительность преследователей, не отваживавшихся покинуть открытое место, не зная нашей численности, значительно облегчили нашу задачу. Я вскочил на Сиду (я приучил свою лошадь становиться передо мной) и, покончив одним ударом с конем Френуа, пустился по той самой дороге, по которой подъехал к замку днем. Это была ровная и свобод-

ная от деревьев просека. Выбирая ее, мы на время скрывали свои следы: наши преследователи должны были подумать, что мы направились по южной дороге, а не через деревню.

Глава V

Дорога в Блуа

Мы выехали на большую дорогу, не встретив никаких препятствий, а оттуда, пользуясь лунным светом, быстрым галопом вскоре добрались до деревни. Тут мы примчались к гостинице, едва не опрокинув четырех «евангелистов», стоявших уже у дверей в ожидании. Решительным тоном я приказал им сесть на лошадей и чрезвычайно обрадовался, когда они, не колеблясь, исполнили мое приказание. Лошади громко застучали копытами, мы оставили деревушку позади себя и вскоре уже находились на дороге в Мель⁷⁵, на расстоянии двадцати трех лиг от Пуатье. Я оглянулся назад, мне показалось, что по направлению к замку мелькали какие-то огни. Но до рассвета оставалось еще два часа, и лунный свет не позволял мне различить, были ли то действительно огни или только порождение моего испуганного воображения.

Три года тому назад, когда принц Кондэ, после знаменитого отступления от Анжера⁷⁶, завел свою армию за Луару и, не видя возможности вновь перейти реку, принужден был сесть на корабль и уехать в Англию, предоставив каждому на собственный страх выпутываться из этого положения, мне пришлось одному, с пистолетом в руках, без остановок проехать более 30 миль по неприятельской земле. Но тогда я боялся только за себя и за свою лошадь. И хотя я ехал с осторожностью, тем не менее в предприятии моем не было ничего скрытного.

Не то было теперь. В первые часы нашего бегства из Шизэ я испытал незнакомое мне чувство тягостного возбуждения, тревоги, лихорадочного стремления вперед; оно заставляло меня принимать все доносимые до нас ветром звуки за погоню, превращая стук молота о наковальню в бряцанье мечей, а голоса своих собственных людей в крики наших преследователей. Напрасно девушка смело ехала вперед и, перескакивая через препятствия, обнаруживала мужество и выдержку, превосходившие мои ожидания: я не мог думать ни о чем, кроме предстоявших нам трех долгих дней, ежеминутно наполненных возможностью несчастья и гибели. Ведь измена Френуа, освободившая меня от известного стеснения, повлекла и потерю хорошего меча, а у нас их всего было два. Местность, отделявшая нас от Луары, эта граница между владениями нашей партии и Лиги, так часто подвергалась опустошениям, что наконец была предоставлена полностью грабегам и разбоям. Крестьяне бежали в города. Деревни их были заняты шайками разбойников и беглых солдат, бродивших по разоренным деревням вокруг Пуатье и грабивших всех, кто только осмеливался проезжать. В довершение всего, носились слухи, что королевская армия под начальством герцога Невера⁷⁷ медленно подвигалась к югу недалеко от нашего пути, а поход гугенотов также должен был совершиться в нескольких лигах от нас.

Имей я при себе четырех верных, надежный товарищей, я отнесся бы и к этому положению с улыбкой и легким сердцем. Но сознание, что мои четверо бездельников могли каждую

⁷⁵ *Мель* (Melle) – город в Севрском департаменте, в 30 верстах к ю.-з. от Ниора (3.000 жит.). У римлян Мелль назывался Metallum, от открытых там еще в древности залежей серебряной и свинцовой руды. Находившийся в Мелле при Карле Лысом монетный двор был затем перенесен в Ниор. Некогда довольно значительный город, Мелль потерял значение при преследовании гугенотов, населявших в большом числе всю окрестную местность. Из местных памятников достойна упоминания церковь Св. Петра, построенная еще в XII в., в римско-византийском стиле.

⁷⁶ *Анжер* (Angers) – главный город департамента Мэны и Луары, в 330 в. к ю.-в. от Парижа (70.000 жит.). В эпоху религиозных войн Анжер стоял на стороне католической Лиги и только в 1598 г. открыл ворота Генриху IV. Из древних памятников замечательны в Анжере собор Св. Маврикия и старинный замок, начатый постройкой еще при Филиппе II Августе.

⁷⁷ *Герцог Невер* (deu de Nevers) – один из опытейших полководцев XVI в., родился в 1540 г., умер в 1595 г. Воспитанный при дворе французского короля Генриха II, Невер в религиозных войнах стоял на стороне Лиги, участвовал в осаде Ля-Рошели и взял у гугенотов несколько городов в Пуату. По смерти Генриха III, Невер признал королем Генриха IV, сражался на его стороне при Иври и содействовал его примирению с папским престолом. Невер оставил записки, чрезвычайно интересные для изучения царствований Генриха III и Генриха IV.

минуту возмутиться или, что еще хуже, избавиться от меня и всякой узды одним изменническим ударом, подобно Френуа, наполняло меня неизменным страхом, который мне с величайшим трудом удалось скрыть от них, но не от пронизательного взгляда мадемуазель. Не знаю, подействовало ли на нее это последнее обстоятельство, на основании которого она могла изменить к худшему мнение обо мне, или же она раскаивалась в своем бегстве и хотела отомстить мне, но с рассвета она стала держаться со мной с холодной официальнойностью, почти столь же неприятной, как и та надменная сухость, с которой она обращалась ко мне, изредка достаивая меня вопроса. Ни разу не дала она мне забыть, что я в ее глазах был нищим искателем приключений, который не имел ни малейших прав на какие бы то ни было преимущества дружбы или равенства. Когда я поправлял ей седло, она приказывала своей служанке придерживать подол ее платья, чтобы руки мои даже случайно не прикоснулись к нему. Когда я принес ей вина в Меле, где мы остановились на 20 минут, она подозвала Фаншетту и приказала подать ей его. В пути она большей частью не снимала маски и держалась рядом со своей служанкой. Эта ее гордость и кичливость привели только к одному хорошему результату: они произвели впечатление на наших людей, которые прониклись сознанием ее знатности и той опасности, которой могло угрожать всякое столкновение с нею. Людям, нанятым Френуа, я приказал ехать шагах в двадцати впереди. Лука и Иоанн составляли прикрытие. Таким образом я рассчитывал держать их в известном отдалении друг от друга. Сам я думал ехать рядом с девушкой, но она так ясно показала мне, насколько неприятно ей мое соседство, что я отказался от своего намерения, предоставив ей довольствоваться обществом Фаншетты, а сам поплелся следом за ними, пытаясь привлечь на свою сторону задних «евангелистов».

Несмотря на мои опасения, дорога оказалась почти пустынной, как, увы, и местность по обеим ее сторонам. Мы объехали Лузиньян⁷⁸, избегая улиц, но настолько близко, что я указал барышне местоположение знаменитой башни, построенной, по преданию, прекрасной Мелюзиной⁷⁹ и разрушенной лет тринадцать тому назад Лигой. Она так холодно выслушала мои указания, что я прекратил их и, пожав плечами, молча поехал позади, пока около двух часов пополудни перед нами не показался город Пуатье, расположенный на невысоком холме, посреди местности, утопающей летом в богатых виноградниках, но теперь пустынной и мрачной на вид. Обернувшись, Фаншетта вдруг спросила меня, не был ли то Пуатье. Я отвечал утвердительно, но прибавил, что, по известным причинам, рассчитываю остановиться не там, а в деревне, в миле от города, где есть сносная гостиница.

– Нам будет хорошо и здесь, – грубо ответила женщина. – Во всяком случае, моя госпожа не желает ехать дальше... Она устала, ей холодно, она промокла и уж довольно на сегодня проехала.

– Все-таки, – отвечал я, задетый небрежностью этой женщины, – надеюсь, что мадемуазель изменит свое решение, когда выслушает мои доводы.

– Мадемуазель не желает их слышать, сударь, – резко ответила сама барышня.

– Тем не менее, полагаю, лучше было бы вам их выслушать, – настаивал я, почтительно обратившись к ней. – Видите ли, мадемуазель...

⁷⁸ *Лузиньян* – местечко в департаменте Вьенны, в 20 км к юго-востоку от Пуатье (3.000 жит.). В Лузиньяне сохранились по настоящее время развалины крепости, одной из лучших и древнейших во Франции. Построенная Гуго II Возлюбленным, владетельным князем Лузиньяна, она в свое время выдержала много осад. В 1569 г. она была взята адмиралом Колиньи, но осенью того же года принуждена была сдаться католикам. В 1574 году гугеноты вновь овладели ею, но уже в следующем году она опять подпала под власть католиков, разрушивших все укрепления, которые были восстановлены в 1622 г., но подверглись потом вторичному разрушению, по приказу Людовика XIII.

⁷⁹ *Мелюзина* – имя феи, часто встречающееся в рыцарских романах и различных легендах. В Пуату народное сказание приписывало этой чародейке значительную роль: она считалась добрым гением дома Лузиньянов и, по преданию, являлась на построенной ею башне Лузиньянского замка, наполняя воздух зловещими криками, каждый раз, когда кому-нибудь из членов этой семьи грозила смерть. Сказание о Мелюзине положено в основу романа Арраса «Мелюзина» (XV в.).

– Я вижу только одно, сударь, – воскликнула она, срывая маску и обращая ко мне свое хотя и прекрасное, но горевшее гневом лицо. – Что бы ни случилось, я ночую в Пуатье.

– Не удовлетворитесь ли вы часовым отдыхом? – вежливо предложил я.

– Нет, не удовлетворюсь! – запальчиво возразила она. – И позвольте вам сказать, сударь, раз и навсегда, что вы слишком много себе позволяете. Вы обязаны сопровождать меня и отдавать приказания этим бездельникам, которых вы сочли нужным пригласить, чтобы опозорить наше общество, но вы не имеете права приказывать мне или противиться моим распоряжениям. Будьте добры на будущее ограничиваться исполнением своих обязанностей, сударь!

– Я желал бы только повиноваться вам, – ответил я, подавляя поднимавшееся в душе чувство гнева и оставаясь насколько мог хладнокровным. – Но я прежде всего обязан заботиться о вашей безопасности. Вы не подумали о том, что, если погоня ночью прибудет в Пуатье, нас начнут разыскивать по городу и мы будем взяты. Если же будет известно, что мы уже проехали через город, то погоня, может быть, и не поедет дальше, во всяком случае не поедет дальше ночью. Поэтому, мадемуазель, – твердо прибавил я, – мы и не можем оставаться в Пуатье на ночь.

– Сударь! – воскликнула она, взглянув на меня, и лицо ее покраснело от удивления и негодования. – Вы осмеливаетесь...

– Я осмеливаюсь исполнить свой долг, мадемуазель, – ответил я, набираясь храбрости, хотя на душе у меня было невесело. – Я настолько стар, что мог бы быть вашим отцом. Мне нечего терять: иначе я не был бы здесь. Я не забочусь о том, что вы подумаете или скажете обо мне, лишь бы мне удалось исполнить то, за что я взялся. Но довольно об этом, мадемуазель: мы уже подъезжаем к воротам. Если позволите, я проеду по улицам рядом с вами. Мы, таким образом, возбудим меньше любопытства.

Не дожидаясь позволения, я стегнул лошадь и поехал рядом с нею, приказав Фаншетте ехать позади. Служанка повиновалась, не находя слов от негодования. Бросив на меня уничтожающий взгляд, мадемуазель в бессильном гнев оглянулась кругом, словно собираясь призвать на помощь против меня прохожих. Однако, передумав, она только пробормотала «нахал» и дрожащими, как мне показалось, руками надела на себя маску. Когда мы въехали в город, было уже поздно. Накапывал мелкий дождик. Однако улицы имели оживленный и деловой вид, тут и там толпились кучки народа, занятого беседой. Откуда-то доносился звон колокола; а около собора стояла большая толпа и внимательно слушала какого-то человека, читавшего прибитое к стене объявление. В другом месте солдат, с алыми цветами Лиги, запачканный и забрызганный, словно после далекого путешествия, держал речь к затаившей дыхание кучке людей, не проронивших, казалось, ни слова. На соседнем углу стояли несколько священников с мрачными лицами, перешептывавшихся между собой.

Многие поглядывали на нас и, казалось, хотели заговорить, но я решительно ехал вперед, не вступая в разговоры. Однако у северных ворот мне пришлось не на шутку испугаться; до захода солнца оставалось еще добрых полчаса, а привратник готовился уже запереть ворота. Завидев нас, он остановился с ворчливым видом, а в ответ на мой выговор пробормотал что-то о беспокойных временах и злонамеренных людях. В моем стремлении проехать поскорей через ворота и оставить по себе как можно меньше следов я не обратил особенного внимания на его слова.

Выехав за черту города, я уступил Фаншетте свое место, а сам снова остался позади. Молча проехали мы еще одну утомительную лигу: лошади и люди были одинаково измучены и пасмурны; женщины едва держались в седлах. Я начал уже бояться, что слишком долго испытывал силы барышни, как вдруг перед нами показалось длинное, низкое здание гостиницы на месте пересечения дороги с рекой. При сгущавшихся сумерках, все это место имело пустынный и унылый вид, но, когда мы один за другим медленно въехали во двор, на нас из окон

и дверей упали полосы света, а до слуха донеслись звуки, свидетельствовавшие о жизни и ее удобствах.

Заметив, что мадемуазель оцепенела и словно застыла от долгого сидения, я хотел помочь ей сойти с лошади, но она отказалась от моей помощи. Я мог только попросить хозяина предоставить моей даме и ее служанке всевозможные удобства, в особенности же покой. Он вежливо ответил, что все будет сделано, но я заметил, что глаза его как-то блуждали, и он, по-видимому, был чем-то занят. Дело разъяснилось, когда он, устроив барышню, вернулся обратно.

– Случалось ли вам когда-нибудь видеть его, сударь? – спросил он со вздохом, к которому примешивалось, однако, что-то, похожее на удовольствие.

– Кого? – спросил я, глядя на него во все глаза.

– Герцога, сударь.

Я не знал, что и подумать от удивления.

– Герцога Невера нет тут поблизости, не правда ли? – сказал я тихо. – Я слышал, что он находится у границ Бретани, по пути на запад.

– Боже мой! – воскликнул мой хозяин, всплеснув руками. – Вы не слышали, сударь?

– Ничего не слышал, – нетерпеливо ответил я.

– Вы не слышали, что могущественный и знаменитый вельможа, герцог Гиз, скончался?

– Герцог Гиз скончался? Неправда!

Хозяин несколько раз кивнул головой со значительным видом и как будто готов был сообщить мне некоторые подробности. Но, вспомнив, как мне показалось, что его могли слышать с полдюжины гостей, сидевших позади меня вокруг большого огня и внимательно прислушивавшихся, он ограничился тем, что переложил полотенце с руки на руку и прибавил:

– Да, сударь, скончался. Новость эта пришла сюда вчера и наделала здесь немало шума. Это случилось в Блуа, за два дня до Рождества, если верить всему.

Я сидел, как пораженный громом. Эта новость могла изменить судьбу Франции.

– Как же это случилось? – спросил я.

Закрыв рот рукой и деликатно кашлянув, хозяин незаметно взял меня за рукав и с некоторым смущением дал мне понять, что не может сказать ничего больше при всех. Я уже готов был извиниться и выйти с ним в другую комнату, когда меня заставил обернуться какой-то грубый голос, обращавшийся, по-видимому, ко мне. Рядом со мной стоял высокий монах, с сухощавым лицом, в одежде якобинского⁸⁰ ордена. Он встал со своего стула около очага и, казалось, боролся с сильным возбуждением.

– Кто спрашивает, как это случилось? – крикнул он, вращая зрачками словно в припадке безумия, хотя, кажется, наблюдал в то же время за своими слушателями. – Есть ли во Франции человек, до которого еще не дошла молва об этом? Есть ли такой?

– Отвечаю за одного, – отвечал я, недружелюбно поглядывая на него. – Я ничего не слышал.

– Ну, так вы услышите! Слушайте! – воскликнул он, поднимая правую руку и потрясая ею, словно он обличал какое-либо присутствующее в комнате лицо. – Слушайте мое обвинение, которое я произношу от имени Матери Церкви и святых, – обвинение архилицемера, клятвопреступника и убийцы, занимающего высокое положение! Да будет ему анафема, ибо он пролил кровь святого и непорочного избранника Небес! Ему недолго придется ждать могилы! Пролитая им кровь взыщется с него, прежде чем пройдет год.

– Та-та-та! Все это звучит очень красиво, добрый отец, – сказал я с легким презрением, теряя терпение, я понял, что это один из тех странствующих и нередко помешанных монахов, из которых Лига набирала своих наиболее полезных членов. – Но я вынес бы больше пользы из ваших смелых слов, если бы знал, кого вы проклинаете.

⁸⁰ Якобинцы – см. выше, примечание к Предисловию.

– Человека, обгаренного кровью! Благодаря ему в пятницу перед Рождеством преставился последний, но один из славнейших мучеников Господних.

Возмущенный таким богохульством, считая монаха, вопреки странности его слов и телодвижений, скорее плутом, чем сумасшедшим, я со строгим видом попросил его покончить с проклятиями и приступить к рассказу, если было что рассказывать. Он с минуту гневно смотрел на меня, словно собираясь выпустить на мою голову все свое духовное оружие. Но я спокойно выдержал его взгляд, а мои четыре бездельника, не меньше меня горевшие нетерпением услышать новость и не питавшие особого уважения к бритым головам, начали уже ворчать. Монах переменял свое намерение и, остыв так же внезапно, как раньше разгорячился, не замедлил удовлетворить мое любопытство. Мне трудно было бы повторить здесь эту сумасбродную и порой богохульную речь, в которой монах, величая Гиза мучеником Господним, рассказал мне столь известную теперь историю о темном зимнем утре в Блуа, когда королевский посол, рано явившись к герцогу, просил его поторопиться, так как король желал его видеть. История эта теперь уже достаточно стара. Но, когда мне пришлось впервые услышать ее в гостинице на Клэне⁸¹, она еще не утратила свежести и казалась чудесной. Рассказывая ее так, будто он видел все собственными глазами, монах не упускал ничего, что могло произвести впечатление на его слушателей. Вот герцог получает предостережение, но еще в передней отвечает: «Он не посмеет!» Его кровь, словно предчувствуя смерть, начала леденеть в жилах, а глаз, раненный около замка Тьерри⁸², стал вытекать, так что ему пришлось послать за платком, который он забыл взять с собой. . . Монах рассказал нам даже, как герцог волочил своих убийц взад и вперед по комнате, как он молил о пощаде, как он умер, наконец, у постели короля, и как король, никогда не смевший взглянуть ему в лицо при жизни, пришел и надругался над ним после смерти.

Когда он кончил, вокруг огня собрались бледные лица с нахмуренными бровями и крепко сжатыми губами. Когда он проклинал короля Франции, открыто ругая его по имени как Генриха Валуа, чего мне никогда не приходилось слышать, никто, правда, не сказал «аминь» и все смотрели куда-то в сторону, а хозяин выбежал из комнаты, словно увидел привидение, но никто, казалось, не считал нужным и противоречить. Лично я был занят в эту минуту мыслями, которые небезопасно было бы изложить в этом обществе и вообще так близко от Луары. Я вспоминал события шестнадцатилетней давности. Кто, если не Генрих Гиз, надругался над трупом Колиньи? Кто, если не Генрих Валуа, содействовал ему в этом поступке? Кто, если не Генрих Гиз, залил Париж кровью и кто, если не Генрих Валуа, ехал рядом с ним! Одно 23-е число – день, который никогда не изгладится из летописей Франции, – послужило для Гиза началом власти, другое 23-е – днем расплаты: в этот день останки его, при наступлении ночи, тайком были вынесены неизвестно куда!

Взволнованный этими мыслями, я заметил, что монах уже обходил общество, собирая деньги за упокой души герцога, – предмет, на который я не мог ничего дать со спокойной совестью, но не мог и отказать, не возбуждая подозрений; так что я незаметно выскользнул из комнаты. Разыскав хозяина, беседовавшего с каким-то приличным на вид человеком в небольшой комнатке за кухней, я приказал подать себе бутылку лучшего вина и, благодаря такому началу, получил возможность поужинать в их обществе.

Незнакомец оказался нормандским торговцем лошадьми, возвращавшимся домой по распродаже товара. У него были свойственные его землякам черные волосы и пронизательные серые глаза. Он, казалось, вел крупные торговые дела и, обладая, подобно многим горожанам Нормандии, грубым и независимым нравом, склонен был сначала обращаться со мной с прене-

⁸¹ *Клене* (Clane) – река во Франции, берет начало в департаменте Шаранты; имеет несколько притоков, впадает в р. Вьенну.

⁸² *Замок Тьерри* (Chateau Thierry) – древний замок реймских архиепископов, развалины которого сохранились до настоящего времени. Деревня и община Тьерри находятся в департаменте Марны, в 7 км от Реймса.

брежением: он принял меня за приказчика, на основании того, что лошадка моя, которую он не прочь был поторговать, имела несравненно лучший вид, чем мое платье. Однако, при его торговых делах, ему приходилось сталкиваться с людьми различных классов, и он вскоре заметил свою ошибку. А так как он отлично знал провинции между Сеной и Луарой и по своим делам считал необходимым взвешивать случайности мира и войны, то я получил от него немало ценных замечаний и положительно полюбил его. Он полагал, что убийство Гиза повлечет за собой отпадение от короля значительной части Франции, так что за ним останутся лишь города на Луаре и еще несколько других мест, расположенных недалеко от его двора в Блуа.

– Но сейчас все, по-видимому, спокойно, – заметил я. – Здесь, например.

– Это спокойствие перед бурей, – ответил он, многозначительно кивая мне головой. – Там в комнате сидит один монах. Вы слышали его? Это – один из ста, из тысячи. Они будут добиваться своего, вы увидите. Конечно, лошади поднимутся в цене, так что мне нечего жаловаться; но если бы мне приходилось ехать теперь в Блуа с женщинами или с подобною поклажей⁸³, я не стал бы останавливаться по дороге собирать цветы, а постарался бы поскорее добраться до места.

Затем нормандец стал утверждать, что король будет чувствовать себя, как между молотом и наковальней, между Лигой, занявшей весь север, и гугенотами, занявшими весь юг: ему придется вступить в соглашение с последними, так как первые не удовольствуются ничем другим, кроме его низложения. Я согласился с ним, что нам предстояли большие перемены и очень тревожные времена.

– Если они свергнут короля, – сказал я, – ему должен наследовать король Наваррский. Он – наследник Франции.

– Ба! – с пренебрежением заметил мой собеседник. – Там уж Лига посмотрит: он не хуже других.

– В таком случае, оба короля будут провозглашены вместе, – сказал я с убеждением. – Вы правы: они должны соединиться.

– Так оно и будет. Это только вопрос времени.

Имея при себе только одного человека и, как я угадывал, значительную сумму денег, он на другое утро выразил желание присоединиться к нашему обществу, чтобы вместе доехать до Блуа. Я с радостью согласился: его присутствие среди нас сразу избавляло меня от большей части моих опасений. Я не ожидал встретить никаких возражений и со стороны девушки: так и вышло. Я думаю, она с радостью приветствовала бы всякое прибавление к нашему обществу, избавлявшее ее от необходимости ехать рядом с моим старым плащом.

⁸³ Здесь игра слов: *baggage* значит и поклажа, багаж, и женщина легкого поведения.

Глава VI

Жилище моей матери

Миновав Шательро⁸⁴ и Тур, мы на третий день пути вскоре после полудня без всяких приключений, не видя за собой и следов погони, достигли окрестностей Блуа. Нормандец, которого я уже знал за человека разумного и проницательного, оказался и веселым попутчиком, его присутствие облегчило еще мне задачу держать в повиновении моих людей. Я уже считал свое предприятие почти оконченным. Рассчитывая через несколько часов поручить ля Вир заботам господина Рони, я стал размышлять о собственных планах и выборе убежища, где мог бы считать себя в безопасности от мести Тюрена. Мне удалось избежать погони и даже сравнительно легко расстроить планы Тюрена, благодаря замешательству, произведенному всюду смертью Гиза. Но я слишком хорошо знал его могущество и слышал столько примеров, в которых он проявлял свой резкий нрав и непреклонную волю, что не мог надеяться на безнаказанность и смотреть в будущее без страха и недоверия.

Восклицания моих попутчиков при виде показавшегося вдали Блуа вывели меня из задумчивости. Я присоединился к ним, вполне разделяя их волнение при виде изящных башен, которые были очевидцами стольких королевских празднеств и, – увы! – одной королевской трагедии, служили убежищем Людовику Возлюбленному⁸⁵ и Франциску Великому, звучали смехом Дианы де Пуатье и Генриха II. Воображение украшало это мрачное здание тысячами и веселых, и серьезных воспоминаний. Но, хотя у подошвы прекрасного города и теперь, как в старину, расстилалась богатая долина Луары, преступление, казалось, накладывало на все свою тяжелую тень, омрачало даже блеск королевского знамени, лениво колыхавшегося в воздухе. Нам пришлось слышать столько рассказов о страхе и смятении в городе и о строгом осмотре, которому подвергались приезжие, так как король опасался повторения Дня баррикад, что мы остановились в небольшой гостинице, не доезжая мили до города, и там распрощались с нашим обществом. При прощании мой нормандец и я обменялись взаимными уверениями в дружбе; с моими людьми, с которыми я расплатился еще утром, дав каждому по приличному подарку, я расстался с не менее искренним чувством облегчения. Я надеялся никогда более не встречаться с этими бездельниками.

До заката солнца оставалось уже меньше часа, когда я подъехал к воротам, в сопровождении барышни и служанки. Вокруг караульни стояли солдаты, подвергшие нас тщательному осмотру: их строгие лица и оружие ясно показывали, что они находились здесь не только для виду. Но так как мы приехали из Тура – города, все еще находившегося в руках короля, – то нас благополучно пропустили. Очутившись в городе, где мы поехали друг за дружкой между двумя рядами домов, в окнах которых то и дело показывались переполошенные горожане, привлекаемые малейшим уличным шумом, я почувствовал значительное облегчение. Наконец-то

⁸⁴ *Шательро* (Chatelherault) – город в департаменте Вьенны, в 30 км к северо-западу от Пуатье в 290 км к юго-востоку от Парижа (20.000 жит.). Слово Шательро в буквальном переводе означает замок Hérault (Chateau Hérault); от этого замка, некогда построенного сеньером Hérault, в настоящее время не осталось и следа. Во время религиозных войн Шательро стоял на стороне гугенотов, в 1562 г. попал в руки католиков, но в 1569 г. вновь был завоеван гугенотами. 4 марта 1589 года Генрих IV, находясь в Шательро, издал свой знаменитый манифест, в котором обращался ко всей Франции и объявлял себя посредником между Лигой и Генрихом III.

⁸⁵ *Людовик Возлюбленный*, или «Отец народа», – прозвище Людовика XII Французского (1498–1513). Это был человек умный, простой, добрый. Он жил одними доходами со своих уделов и потому уменьшил подати на 1/3. «Лучше пусть царедворцы смеются над моей скупостью, чем плакать народу от моих трат!» – говорил честный король. У него каждая казенная копейка шла на войско, в особенности же на процветавшие при нем промыслы, торговлю, земледелие и искусства. Ему вредило только наследственное увлечение итальянскими войнами, где он испытал коварство папы и испанцев: Фердинанд Католик хвастался, что обманул прямодушного Людовика XII десять раз. – Французы называли преемника и зятя Людовика XII, Франциска I, за его пышность, внешний блеск и самоволие, Франциском Великим.

Блуа! Мы находились на расстоянии нескольких десятков ярдов от «Кровавого Сердца». Через несколько минут задача моя будет окончена, и я вновь получу право думать только о себе. Удовольствие мое ничуть не умалялось от сознания, что мне приходилось расстаться с прелестной мадемуазель де ля Вир.

Говоря откровенно, она мне не понравилась. Знакомство с придворной атмосферой испортило, казалось мне, те приятные черты характера, которыми, быть может, и обладала когда-то эта молодая дама. В течение всего путешествия она держалась с тем же холодным, подозрительным видом, как и вначале: ни разу не выказала она ни малейшей заботливости обо мне, ни малейшей благодарности за то, что мы подвергались опасности ради нее. Она ни разу не пожертвовала своими прихотями ради удобства и даже безопасности всех. Она была такого высокого мнения о себе самой, что, казалось, считала себя свободной от всякой признательности по отношению к кому бы то ни было. Правда, она была красива: наблюдая за ней, я часто вспоминал тот день, когда видел ее в передней короля Наваррского, во всеоружии ее прелестей. Тем не менее, я чувствовал, что без сожаления расстанусь с ней, доставив ее в безопасное место, и буду рад, что наши дороги никогда более не встретятся. С такими мыслями я завернул за угол, на улицу Сен-Дени, в конце которой, против церкви, стояло «Кровавое Сердце» – небольшая, но приличная гостиница. Когда мы остановились, толстый седой человек, стоявший в дверях, вышел на улицу и, с любопытством поглядывая на девушку, спросил, что мне угодно. Он вежливо прибавил, что дом был переполнен и у него не было свободных комнат: последние события привлекли в Блуа массу народа.

– Мне нужен только один адрес, – ответил я тихо, нагибаясь к нему, чтобы не слышали прохожие. – Барон де Рони в Блуа?

При имени вождя гугенотов собеседник мой вздрогнул и тревожно оглянулся кругом. Увидев, однако, что поблизости никого не было, он ответил:

– Он был здесь, сударь, но оставил город уже больше недели тому назад. Тут происходили странные вещи: и Рони решил, что здешний климат ему вреден.

Он сказал это очень многозначительно. В то же время в словах его сквозила такая боязнь, чтобы нас не услышали, что, несмотря на все свое смущение и горькое разочарование, я подавил в себе всякие выражения чувства. После минутного смущения, я спросил его, куда уехал Рони.

– В Рони, – был ответ.

– А где находится Рони?

– За Шартром, почти около Мант⁸⁶, – ответил он, поглаживая спину моей лошади. – Лиг тридцать отсюда.

Я повернул лошадь и поспешил передать его слова барышне, ожидавшей меня в нескольких шагах. Эта новость была еще более неприятна для нее. Ее досада и негодование не знали пределов. С минуту она не находила, слов, но ее горевшие глаза говорили яснее языка. Наконец, она крикнула:

– Хорошо, сударь, что же теперь? Таковы-то последствия ваших прекрасных обещаний! Где же ваш Рони, если все это не выдумка с вашей стороны?

Чувствуя, что ее можно было до известной степени оправдать, я подавил свой гнев и повторил, что Рони уехал к себе домой, куда было два дня пути, и что я не мог предложить ей ничего другого, как отправиться вслед за ним. Я спросил хозяина, где бы мы могли найти помещение на ночь.

⁸⁶ *Мант* (Mantes) – город в департаменте Сены и Уазы, расположен на левом берегу Сены, в 55 км к северо-востоку от Парижа (10.000 жит.). Мант отличается красивым местоположением, а из исторических памятников славится церковью, воздвигнутой в VI в., сожженной в XII в. и позднее опять восстановленной. Во время религиозных войн и гугеноты, и католики нередко выбирали Мант местом своих совещаний, особенно часто в 1591 г.

– Этого не могу вам сказать, сударь, – отвечал он, с любопытством посматривая на нас и без сомнения решив, что я с моим истасканным плащом и прекрасной лошастью и мадемуазель в маске и в затасканном дорожном костюме представляем весьма странную пару. – Нет ни одной гостиницы, в которой бы не были переполнены чердаки, даже конюшни, и, что всего хуже, хозяева неохотно пускают незнакомых людей. Странные времена теперь! Говорят, – продолжал он, понижая голос, – что старая королева умирает и не переживет этой ночи.

– Однако должны же мы пойти куда-нибудь!

– Рад бы помочь, – ответил он, пожимая плечами. – Но что поделаешь? Блуа переполнен сверху до низу.

Лошадь моя дрожала подо мной. Мадемуазель, потеряв терпение, яростно крикнула мне, чтобы я на что-нибудь решался.

Я видел, что она была сильно утомлена и едва владела собой. Сумерки сгущались, накрапывал мелкий дождь. Мы задохались от испарений, подымавшихся из каналов, от спертого воздуха, вырывавшегося из домов. Колокол, звонивший в церкви позади нас, возвещал окончание вечерни. Несколько человек, привлеченных нашей группой, собрались вокруг нас и следили за всем происходящим. Я видел, что необходимо решиться на что-нибудь, и тотчас же. В отчаянии, не находя другого исхода, я прибегнул к средству, которое мне и не снилось раньше.

– Мадемуазель! – прямо сказал я. – Я должен отвести вас к моей матери.

– К вашей матери, сударь? – воскликнула она, выпрямляясь. В голосе ее послышалось надменное удивление.

– Да! – резко ответил я. – Другого места нет.

По последним известиям, моя мать должна была последовать сюда за двором.

– Друг мой! – обратился я к хозяину. – Не знаете ли вы, хотя бы по имени, госпожи де Бон, которая должна быть теперь в Блуа?

– Госпожа де Бон? – пробормотал он в раздумье. – Я недавно слышал это имя. Подождите минутку.

Исчезнув в дверях, он тотчас же появился вновь, в сопровождении сухощавого бледнолицего юноши в черной изорванной рясе.

– Да, – сказал он, кивнув головой, – мне сказали, что на следующей улице живет одна почтенная дама, носящая это имя. Случайно этот молодой человек живет в том же самом доме и готов проводить вас, если пожелаете.

Я согласился и, поблагодарив за указание, повернул лошадь и попросил юношу идти вперед. Едва мы повернули за угол и выехали на другую, более узкую и менее оживленную улицу, как мадемуазель, ехавшая позади меня, остановилась и позвала меня.

– Я не еду дальше, – сказала она, и голос ее слегка задрожал, не знаю, от тревоги ли или от гнева. – Я не знаю вас и... и требую, чтобы вы отвели меня к господину де Рони.

– Если вы будете выкрикивать это имя на улицах Блуа, мадемуазель, то легко попадете в такое место, куда вам вряд ли хочется попасть. Что касается Рони, то я уже сказал вам, что его нет здесь. Он уехал в свой замок под Мантом.

– Так отвезите меня к нему!

– Теперь, ночью? – сухо спросил я. – Это два дня пути отсюда.

– Ну, так я отправлюсь в гостиницу, – упрямо ответила она.

– Вы слышали, что в гостиницах нет свободных комнат, – возразил я, стараясь не терять терпения. – Ходить теперь ночью из гостиницы в гостиницу было бы небезопасно для нас. Смеею заверить вас, что я не менее вашего смущен отсутствием господина де Рони. Но в настоящую минуту у нас нет другого убежища, кроме квартиры моей матери и...

– Знать не хочу вашей матери! – страстно выкрикнула она, повышая голос. – Вы завлекли меня сюда ложными обещаниями, сударь, я не намерена этого дольше переносить. Я...

– В таком случае я не знаю, что делать, мадемуазель, – ответил я, окончательно теряя терпение: я не знал, что предпринять ввиду сопротивления этой упрямой девчонки, под дождем, в темноте, среди не знакомых улиц, где каждое промедление могло собрать вокруг нас толпу. – Я, со своей стороны, не могу предложить ничего другого. Мне не приличествует говорить о моей матери... Но я должен сказать, что даже мадемуазели де ля Вир нечего стыдиться, если ей приходится воспользоваться гостеприимством госпожи де Бон. К тому же, средства моей матери не так ограничены, – с гордостью прибавил я, – чтобы она была лишена преимущества своего рождения.

Эти последние слова, казалось, произвели некоторое впечатление на мою собеседницу. Она обернулась и заговорила со своей служанкой, которая отвечала ей тихим голосом, покачивая головой и поглядывая на меня в немом негодовании. Если бы им представилось что-либо другое, они без сомнения отказались бы от моего предложения. Но Фаншетта очевидно не могла ничего предложить: мадемуазель, с мрачным видом, приказала мне ехать вперед. Сухощавый юноша в черной рясе, стоявший все время около меня, то прислушиваясь, то с изумлением глядя на нас, кивнул и продолжал путь; я последовал за ним. Пройдя не более 50 ярдов, он остановился перед низкой дверью с решетчатыми окнами, перед которой поднималась высокая стена, очевидно служившая оградой какому-нибудь барскому саду. Улица в этом месте уже не была освещена и скорее походила на переулок. Внешность узкого, невзрачного, хотя и высокого дома, насколько я мог судить в темноте, отнюдь не могла рассеять подозрений барышни. Зная, однако, что в городах людям с положением часто приходится жить в бедных домах, я не придавал этому никакого значения и только постарался поскорее помочь барышне сойти с лошади. Юноша ощупью нашел два кольца позади ворот; к ним я привязал лошадей. Приказав ему идти вперед и попросив ля Вир следовать за нами, я углубился в темноту коридора и ощупью подошел к неосвещенной лестнице, с которой на меня пахло спертым неприятным воздухом.

– Который этаж? – спросил я проводника.

– Четвертый, – спокойно ответил он.

– Черт возьми! – пробормотал я, начиная подниматься по лестнице и держась рукой за стену. – Что это значит?

Я был смущен. Доходы с Марсака, хотя и небольшие, все же позволяли моей матери, которую я в последний раз видел в Париже до Немульского эдикта⁸⁷, пользоваться некоторыми удобствами, которых, однако, нельзя было ожидать в этом темном, запущенном, неосвещенном доме. К моему смущению, в то время как я шел по лестнице, примешивалось еще чувство тревоги и за мать, и за мадемуазель. Я чуял недоброе и дорого дал бы за то, чтобы взять обратно навязанное барышне приглашение. Прислушиваясь к ее торопливому дыханию за моей спиной, я без труда мог догадаться, как чувствовала она себя в эту минуту: с каждым шагом я ожидал, что она откажется идти дальше. Но, решившись принять мое предложение, она теперь упрямо следовала за мной, хотя темнота вокруг нас была так непроницаема, что я невольно вынул кинжал, приготовившись защищаться, если бы все это оказалось ловушкой. Тем не менее мы добрались до верха без всяких приключений. Проводник тихонько постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, отворил ее. На площадке горел слабый огонь. Наклонив голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, я вошел в комнату.

Сделав два шага вперед, я в яростном недоумении оглянулся кругом. Все, на чем ни останавливался мой глаз, носило на себе печать крайней нужды. На скамье, стоявшей посреди сгнившего пола, коптела потрескавшаяся фаянсовая лампа. Лишенное стекол окно было заве-

⁸⁷ *Немульский эдикт*, или мир, был заключен 7 июля 1585 г. Генрихом III с восставшими против него членами Лиги. Этим эдиктом король отдал некоторые крепости членам дома Гизов, а у гугенотов отбиралось имущество в казну и все прежние права на свободное исповедание веры.

шено старым черным плащом, который, подобно висельнику, раскачивался из стороны в сторону при каждом дуновении ветра. В одном углу стоял кувшин, и из отверстия в доньшке капля за каплей просачивалась вода. Чугунный горшок и вторая скамья, отбрасывавшая длинную тень по всему полу, стояли около очага, в котором тлела горсть угольев. Вот и вся меблировка, не считая кровати, занимавшей отдаленный конец длинной и узкой комнаты и задернутой занавесками, составлявшими нечто вроде жалкого алькова. Я заметил также, что комната была пуста или по крайней мере казалась пустой. Однако я еще раз огляделся. Овладев, наконец, собой, я обратился к приведшему нас сюда юноше и с неистовым проклятьем спросил его, что это значит. Он отступил назад в открытую дверь, однако с каким-то мрачным недоумением ответил мне, что привел меня на квартиру госпожи Бон, которую я спрашивал.

– Госпожи де Бон! – пробормотал я. – Это квартира госпожи де Бон?

Он кивнул головой.

– Конечно! И вы это знаете! – прокричала мадемуазель над самым моим ухом хриплым от гнева голосом. – Не думайте, что вам удастся обманывать нас и дальше. Мы знаем все! Это, – продолжала она, оглядываясь кругом пылавшими гневом глазами, с ярким румянцем на щеках, – это квартира вашей матери, «которая последовала сюда за двором и не лишена преимуществ своего звания»! Вы обманщик, сударь, и обман ваш обнаружен! Пустите нас! Говорю вам, пустите меня, сударь!

Дважды пытался я остановить поток ее слов: напрасно. Тут гнев мой достиг крайних пределов, ибо какой же человек позволит бесчестить себя в присутствии своей матери?

– Молчите, мадемуазель! – крикнул я, схватив ее за руку. – Молчите, говорю я. Здесь – моя мать!

И, бросившись к кровати, я упал перед ней на колени. Слабая рука наполовину отодвинула занавес: с постели на меня, с выражением ужаса, смотрело постаревшее лицо моей матери.

Глава VII

Симон Флейкс

На несколько минут я забыл о девушке, ухаживая за своей матерью с тем безграничным вниманием, к которому обязывали меня ее положение и мой долг. С замирающим сердцем заметил я, насколько изменили ее болезнь и годы, с тех пор как я видел ее в последний раз. Впечатление, произведенное на нее словами барышни, было так сильно, что она впала в обморок, от которого некоторое время не могла очнуться. Наконец, она пришла в себя, скорее благодаря помощи нашего странного проводника, который, казалось, лучше знал, что делать, чем от моих усилий. Несмотря на все мое желание узнать, что привело ее в такую нужду и такое помещение, теперь не время было удовлетворять свое любопытство: я должен был прежде всего постараться изгладить то тягостное впечатление, которое произвели на нее слова мадемуазель. Придя в себя, она не сразу вспомнила их. Довольная тем, что видела меня около себя, она стала расточать мне свои слабые ласки и произносить бессвязные слова. Но вдруг взгляд ее упал на даму и ее служанку: она вспомнила о потрясении, лишившем ее чувств, затем о его причине и, опершись на локоть, дико оглянулась кругом.

– Гастон! – крикнула она, сжимая мою руку своими тонкими пальцами. – Что это я слышала? Кто-то говорил о тебе, какая-то женщина. Она назвала тебя – не снилось ли мне это? – обманщиком!.. Тебя!..

– Мадам, мадам! – сказал я, стараясь говорить непринужденно, хотя меня как-то странно трогал вид ее растрепанных седых волос. – Разве это возможно? Неужели кто-нибудь осмелился бы говорить со мной в таких выражениях в вашем присутствии? Вам это приснилось.

Она взглянула на меня как-то жалобно и в большом волнении обняла меня рукой за шею, словно собираясь защитить меня теми слабыми силами, которые позволяли ей только приподыматься в постели.

– Но кто-то сказал это, Гастон! – прошептала она, устремив глаза на незнакомых женщин. – Я слышала это! Что это значит?

– Вы без сомнения слышали, – отвечал я, стараясь казаться веселым, хотя в глазах у меня стояли слезы. – Это мадемуазель ругала нашего проводника из Тура, который требовал на чай в три раза больше, чем следует. Уверяю вас, этот наглый бездельник вполне заслужил все, что ему было сказано.

– Разве так это было? – недоверчиво прошептала она.

– Да, это наверное было то, что вы слышали, мадам, – отвечал я непоколебимо.

Она опустила на подушки со вздохом облегчения; на ее бледном лице показался слабый румянец. Но глаза ее по-прежнему с любопытством и страхом устремлены были на мадемуазель, мрачно смотрящую на огонь. Увидев это, я почувствовал, что сделал непростительную ошибку, приведя ее сюда. Я предвидел тысячи вопросов и осложнений и чувствовал уже, как к лицу моему подступала краска стыда.

– Кто это? – тихо спросила мать. – Я... больна... Она должна извинить меня.

Она указала своими хрупкими пальцами на моих спутниц. Я встал и, по-прежнему держа ее руку в своей, обернулся лицом к огню.

– Это, – ответил я важно, – мадемуазель... имя ее я, сообщу вам после, наедине. Теперь достаточно будет сказать, что она знатная барышня, порученная моему попечению одним высокопоставленным лицом.

– Высокопоставленным лицом? – повторила мать, взглянув на меня с улыбкой удовольствия.

– Одним из наиболее высокопоставленных, – сказал я. – Считая это поручение честью для себя и видя необходимость остаться на одну ночь в Блуа, я не мог придумать ничего лучшего, как обратиться к вашему гостеприимству, мадам.

Говоря это, я бросал вызов барышне. Я ждал, что она будет мне возражать. Вместо ответа, она слегка наклонила голову, посматривая на нас из-под длинных ресниц, затем вновь повернулась к огню и принялась с досадой постукивать ножкой по полу.

– Жалею, что не могу принять ее лучше, – слабо ответила моя мать. – У меня были потери за последнее время. Я... но об этом мы поговорим в другой раз. Мадемуазель, без сомнения, так хорошо знает тебя и твое положение на юге, – с достоинством продолжала она, – что не подумает ничего дурного о той временной нужде, в которой она меня застает.

Мадемуазель выпрямилась и бросила на меня взгляд, полный затаенного гнева, удивления и негодования, под которым я положительно согнулся. Но мать моя тихонько похлопывала меня по руке, и я терпеливо ответил:

– Мадемуазель не подумает ничего дурного, в этом я уверен, мадам. К тому же в Блуа сегодня нельзя найти помещения.

– Расскажи же мне о себе, Гастон! – с нетерпением воскликнула моя мать. – Ты все еще пользуешься расположением короля?.. Я не хочу назвать его здесь.

– Все еще, мадам, пользуюсь, – ответил я, упорно глядя на мадемуазель, хотя лицо мое пылало.

– Ты все еще... он советуется с тобой, Гастон?

– Да, мадам.

Мать моя испустила вздох облегчения и опустила ниже на подушки.

– А твое жалованье? – прошептала она, и в голосе ее послышалось удовольствие. – Не уменьшено? Ты получаешь то же самое, Гастон?

– Да, мадам, – ответил я; на лице у меня выступил пот, я не мог перенести этого стыда.

– Двенадцать тысяч ливров в год, кажется?

– Да, мадам.

– А твой штат? Сколько у тебя теперь прислуги? Камердинер, конечно? И лакей. Сколько их?

В ожидании ответа, она с гордостью взглянула на две молчаливые фигуры, стоявшие у огня, затем окинула взглядом свою бедную комнату, словно этот жалкий интерьер увеличивал ее радость по поводу моего благосостояния. Она не имела ни малейшего подозрения о моих бедствиях и испытаниях и конечно не подозревала, что ее последний вопрос переполнил чашу. До сих пор все шло гладко; но этого я уже не мог выдержать. Я засмеялся и потерял способность владеть голосом. Мадемуазель, наклонив голову, смотрела в огонь. Фаншетта глядела на меня своими круглыми черными глазами, слегка раскрыв рот.

– Да, мадам, – пробормотал я наконец. – Сказать правду, вы должны это понять, я был вынужден...

– Что, Гастон?

Мадам де Бон наполовину поднялась в постели. В голосе ее слышались смущение и страх; она сильнее сжала мою руку. Я не мог противиться этой мольбе и отбросил в сторону последнюю каплю стыда.

– В последний год я был вынужден несколько уменьшить свой штат, – ответил я, чувствуя презрительный вызов в отвернувшейся от меня даме. Она назвала меня лжецом и обманщиком, здесь в комнате. Мне приходилось теперь лгать и обманывать в ее присутствии. – У меня теперь всего три лакея, мадам.

– Ну, это еще прилично, – задумчиво пробормотала мать; глаза ее блестели. – Однако твое платье, Гастон... Хотя мои глаза слабы, но оно кажется мне...

– Та-та-та! Это только маскарад, – быстро ответил я.

– Я бы должна была догадаться об этом сама, – возразила она, откидываясь назад с улыбкой и вздохом облегчения. – Но, когда я увидела тебя в первую минуту, я подумала, не случилось ли чего с тобой. Я беспокоилась последнее время, – продолжала она, выпуская мою руку и теребя одеяло, словно воспоминание это смущало ее. – Тут был недавно один человек, друг господина Симона Флейкса... – Она посмотрела в сторону юноши в черном. – Он ездил на юг до По⁸⁸ и Нерака⁸⁹. Он сказал, что не встречал при дворе никакого господина де Марсака.

– Он вероятно больше знакомился с кабаками, чем со двором, – ответил я с мрачной улыбкой.

– Так я ему и сказала, – живо и с жаром ответила моя мать. – Могу тебя уверить, он ушел от меня весьма недовольный.

– Конечно, такие люди всегда найдутся. Но теперь, если позволите, мадам, я сделаю необходимые распоряжения, чтобы устроить барышню.

Попросив ее лечь и отдохнуть, я отвел в сторону юношу, который успел между тем ответить в конюшню наших лошадей, и узнав, что он жил в небольшой комнате на той же площадке, попросил его уступить ее дамам, на что он и согласился. Вопреки замечавшейся в нем по временам легкой возбуждаемости, он казался проворным и услужливым малым. Несмотря на позднее время, он охотно отправился за провизией и некоторыми другим предметами, крайне необходимыми как для удобства моей матери, так и для нас самих. Я приказал Фаншетте помочь ему в устройстве второй комнаты и таким образом остался наедине с ля Вир. Она взяла одну из скамеек и сидела, согнувшись над огнем. Капюшон плаща плотно окутывал ее голову; даже когда она от времени до времени взглядывала на меня, я видел только ее глаза, пылавшие гневом и презрением.

⁸⁸ По (Pau) – главный город департамента Нижних Пиренеев, в 750 км к юго-востоку от Парижа (30.000 жит.). В замке По родился Генрих IV, воспоминание о котором еще и ныне живет в этом городе. В 1569 г. в По были казнены главные вожди католиков, взятые в плен гугенотами. После первого отречения Генриха IV (1572), в замке По собрались местные штаты, отвергнувшие указ, восстанавливающий в Наварре католицизм. Несмотря на то, что на престол Франции, в лице Генриха IV, вступил принц Беарнский, провинция эта сохранила самостоятельное управление до 1620 г., когда Людовик III присоединил Беарн и Нижнюю Наварру к французской короне. С этого времени По перестал играть роль в истории.

⁸⁹ Нерак (Nérac) – город в департаменте Ло-и-Гаронны (10.000 жит.). Здесь сохранились по настоящее время развалины замка Генриха IV и памятник его на главной площади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.